

Людмила Козлова

Ad absurdum

**Г.Бийск
2011г**

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6

К–875

**К–875.Л.Козлова. - «Ad absurdum». – Рассказы,
повести - г. Бийск. - 2010 г. - 224 с.**

Людмила Козлова – член Союза писателей России, автор девятнадцати книг поэзии и прозы, лауреат краевых литературных премий, в том числе им.В.М.Шукшина, Премии Алтайского края в области литературы (2010 г) и первого Международного литературного конкурса им. Сергея Михалкова (2008 г) .

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-4

ISBN 978-5-903-042-66-1

Редактор и рецензент Николаев Н.М.

© Козлова Л.М.

© Оформление -Издательский Дом «Бия»

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Рассказы:

Золотая ящерица.....	4
Идеальная супруга.....	14
Та, которой нет.....	20
Когда случится жизнь.....	24
Василиск.....	28
А в остальном.....	38
Любовь - страшная сила.....	40
Картина, написанная ржавчиной.....	41
Свободные граждане.....	42
Город крыш.....	43
Теорема Потока.....	44
Мир творится мыслью.....	46
Двенадцать жизней девочки Лю.....	49

Повести:

Ad absurdum.....	58
Обезьянье царство.....	177-222

ЗОЛОТАЯ ЯЩЕРИЦА

1.

Ну, что сказать? Жизнь удалась. Кто-то, равнодушно взирающий прожигаящим лазерным взглядом, издалека, с чужой стороны, со своей колокольни, скажет: « Тут завидовать нечему – полный кердык!»

Ты прав, неподкупный судия, искренне считающий себя святым. Более того, ты прав *всегда*. *Что я такое* в пронизывающем луче твоей метафизики? Абсолют, то есть Ничто. Вернее, Нечто, когда-то прорезавшееся из тьмы – росток возможной рациональной системы: ребёнок-воспитание-учёба-работа-семья-успех-деньги. Но эта хитрая ящерица легко теряет хвост. И что она после этого? Зародыш нереализованной жизни, Абсолют, Ничто.

Моя ящерица потеряла почти всё. В остатке – взрослый ребёнок. Это идеальный вариант изделия Творца, обречённый жить в сказке. И если цель творения была именно такова, то в моем случае она достигнута. Лучше поздно, чем никогда. Значит, жизнь удалась.

Не буду отрицать – поначалу и я делал попытки вырастить свою ящерицу, вписаться в *твою систему* ценностей – усердно учился, женился, родил сына, работал с утра до ночи, пытался стать состоятельным и благопристойным

гражданином. Я тогда не понимал, что мои усилия ни много, ни мало – это спор с Творцом.

Отче не замедлил указать мне моё место. Сначала заболел сын – болезни следовали одна за другой. И так всю его короткую жизнь.

Потом я потерял работу. Она утекла, как песчинка в часах, в какое-то ненасытное гирло. Я сопротивлялся изо всех сил – искал новое место, источник заработка. Но, увы! Работа исчезла для меня навсегда, а с нею и доходы. Через несколько лет, правда, появилось пособие, которое называется гнусным свистящим именем – пенсия.

Потом как-то разом заболела жена. Вскоре схоронил брата, потом тётку. За ними ушла старушка мать.

На лечение и похороны всех, покинувших меня, истратил всё, что было можно, а также и то, что нельзя. Так что замысел Творца всё равно реализовался, но... спустя целую жизнь.

Теперь я – непьющий, некурящий, верящий в силу Творца бомж. Нет, жаловаться грех – прописка в паспорте осталась. Спасибо той доброй даме, которая купила мою квартиру и прописала меня в заброшенном полуразрушенном доме на окраине города. Этот дом – её собственность, наследство от бабушки. Я просил её об этом, иначе не смог бы получать пенсию. Человека без адреса государство не видит. Без адреса нет человека.

Квартиру я продал в надежде поднять на ноги мою старушку мать. Всё, что удалось выручить, бросил на лечение, но...чуда не произошло.

Тебе, мой друг, кажется, что на этом всё и должно закончиться. Вроде, жить незачем, не для кого, негде да и не на что.

Не буду убеждать тебя в обратном, ты не услышишь меня. Мой мир так далек от твоей хвостатой золотой ящерицы, что сколько бы я ни говорил умных слов, все они покажутся тебе непревзойдённой глупостью.

Мой мир, огромный, блистающий мир, разместился в маленьком природном компьютере. Да-да. Именно так. Моё сознание, мой интеллект – вот моя планета, мой Дом, самый надёжный из всех, самый красивый, самый богатый, наполненный верой и любовью к Тому, кто всё знает – к Отцу нашему.

«Чего мне бояться, если Бог ведёт меня этим Путём!» – вот что написано в моём Доме.

Но ты прав, неподкупный мой судия, когда не понимаешь, о чём я говорю. Разве я ещё не разучился говорить? Вот что удивляет тебя.

Я давно должен был онеметь, более того - исчезнуть с лица Земли. Но, веришь-нет, а я жив.

Если бы ты мог видеть и слышать меня, я рассказал бы, как это удалось. Главное же не то, что окружает тебя снаружи. Весь фокус в том, что

Царство Жизни велико и большая его часть запрятана в глубины микрокосма. Поймёшь это, увидишь – будешь человеком всегда, где бы ни находился, в каких бы трущобах ни пришлось обитать.

Правду сказать, моя трущоба – замечательное жилище. Физически я живу на чердаке – это такой верхний этаж в десятиэтажном здании, где разместился цех дезодорации растительного масла.

Конечно, попасть сюда законным образом невозможно. Прихожу ночью через секретный лаз в заборе. Ночью охрана топчется возле цеха готовой продукции – там идёт утечка масла на сторону. В здании дезодорации украсть нечего – всё оборудование герметично.

В моей трущобе нет ванны, туалета, кухни и прочего. Зато есть приточка – вентиляционная труба, по которой нагретый воздух нагнетается в помещение. В этой трубе и устроил лежанку. Не скажу, что в моём жилище бывает жарко зимой, но, как видишь, я не превратился в ледяной столб.

Одно гнетёт – то, что все мои мысли существуют лишь в моей голове. Очень хочется записать их. Если когда-нибудь попаду в культурную среду, первое, что сделаю – попрошу бумагу и ручку. И тогда даже ты, незабвенный судия, сможешь скользнуть глазами по строчкам и даже остановить взор на какой-то из них. Ты

будешь смеяться, но вот она – эта замечательная строка: «Жизнь удалась!».

Но второй, второй строкой будет, конечно, вот эта: «Самое раннее воспоминание детства – я стою на полянке с мохнатой травой. В ней желтыми пуговичками светятся аккуратные цветы. В ярко-зелёном сиянии травы ещё ярче сияют мои новые розовые ботиночки».

Фигурально выражаясь, я так и шёл по жизни в этих лаковых розовых ботиночках. И сейчас вижу их на своих ногах. От многого и многого уберегли они меня. Я не мог ходить по грязи в такой обуви. И, поверьте, никогда этого не делал. Но они же, эти розовые ботиночки, сыграли со мной злую шутку. Чистые тропинки, душистые травы и цветы... Всю жизнь думал, что живу среди людей. На этом и поймался. Поэтому, и только поэтому, пытался выстроить золотую ящерицу, придуманную тобой, мой неподкупный судия.

А между тем, по задумке Творца я не имел на это никакого права. Нарушил свою программу, вклинился в чужую – получай вместо реальной жизни своё творение, вернее, то, что мог в этой ситуации сохранить Бог.

Сейчас у меня уйма времени для раздумий. И я не теряю его втуне. Я думаю. Думаю о том, как должен был жить.

Простая логика говорит о простых вещах. Если у меня было отнято то, что пытался создать, значит, всё это – не моё. Жена, дети, дом, работа – это чужое. А что моё? Если честно, знал это сразу – от природы получил в виде шифра моих генов.

Поэтому надо вернуться туда – в начало жизни, поймать изначальную программу. В ней всё было сказано, расписано по нотам. И главное, лет до шестнадцати я знал о своей программе. И если бы не чужая золотая ящерица...

Нет, ошибки начались не сразу. Пока учился в школе, всё это время работала моя программа. Я учился, и мне было интересно заниматься этим. Погоня за знаниями – вот что должен был делать я в то время. Знания о мире, о том, как устроено мироздание, что такое наша планета и человек на ней, как и кем создан мир – вот куда должен был идти всю жизнь. Там было моё призвание. Я должен был стать философом или священником. Никакой семейной жизни, детей, добычи средств на благополучие семьи, бытового или карьерного успеха – ничего такого не значилось в моей программе.

Школа вела меня правильным путём. Поэтому детство и юность видятся так, как, наверное, Адам вспоминал свою райскую жизнь. Океан неба, океан лета, осени, зимы и весны, синие горы, далёкий волшебный горизонт,

ощущение полёта во сне и полёта наяву. Я жил как птица, поющая в Раю.

Но не задумался о том, почему всё было так хорошо. Мне казалось, это навсегда. Первая ошибка сразу же отняла моё райское древо и мою счастливую песнь. Это произошло при выборе профессии. Свобода воли и выбор пути – никто не поддержал меня, не предостерёг от ошибки. Моя программа говорила, что нужно выбрать науку о планете – геологию. Но мать, насмотревшись фильмов о первопроходцах, запретила даже думать об этом. Я колебался. И даже, прибыв в университет, сдал документы на геологический факультет. Но запрет матери сделал своё дело. Вернее, это я совершил роковую ошибку – через два дня забрал документы и отнёс их в приёмную комиссию химфака.

Всё – выбор был сделан. Я ступил на чужой путь. Но тогда этого даже не заметил. Ну, химфак – и что? Тоже неплохо. Так думал я, победитель многих школьных олимпиад по химии. А то, что это был выбор моей матери, но не мой собственный – это как-то ушло на второй план. На первом во всей красе нарисовался сам процесс – учёба. Как всегда, учился с интересом, вникая во все подробности предмета.

Химия – роскошная вещь, особенно всё, что связано со строением атомов и молекул. Химические реакции в электронном изображении

похожи на танцы странных существ, то протягивающих друг другу руки, то отталкивающихся один от другого, то вдруг делящихся на части или поглощающих соседа. Всё как в жизни людей или бактерий. Разница лишь в том, что образованием или разрывом связей управляют электронные заряды, а не чувство голода, например.

Увлёкся предметом настолько, что стал отличником. Откуда мне было знать, что химия в нашей стране – это работа на военных объектах. И откуда было знать моей заботливой мамочке, что работа на химзаводах – это как раз та самая реальная опасность, от которой она хотела меня уберечь. Геология по сравнению с химией – это песнь вольного художника.

С началом трудовой эпохи в моей жизни рухнуло всё, ибо я принялся рьяно выполнять чужую программу. Вещества, с которыми работал, все до одного были ядовиты. Но это ещё цветочки. Многие из них взрывались от любого воздействия. Ассортимент их постепенно расширялся, ибо я создавал своими руками и своей мыслительной деятельностью новые соединения. И всё это вместо производства мудрых мыслей о гармонии всего сущего.

Следование чужой программе тащило за собой и чужие ценности. Я решил жениться. Жена была недалёким созданием, как и все самки. До сих пор не пойму, как смог выбрать её из толпы таких же, как она, биороботов. Чем она отличалась от других? На этот вопрос нет ответа. Полное равнодушие к мыслительному процессу, знаниям и прочей лабуде – по её понятиям, было нормой. Её интересовал только быт – деньги, еда, моя должность и дивиденды, которые можно с этого поиметь.

Вскоре родился сын. Но с этого момента моя золотая ящерица, не успев родиться, стала терять хвост. Сын болел, жена стервенела, страна рушилась, моя профессия становилась ненужной, аспирантура и учёная степень превратились в атавизм. Сын погиб, жена ушла к бизнесмену.

Вот что такое – сбой программы. Но, исходя из всего произошедшего, этот сбой и должен был состояться, должен был остановить чужую программу и вернуть меня к истокам. Моя золотая ящерица потеряла не только хвост, но и тело. Зато осталась голова.

И вот я там, где и следует мне быть. Да здравствует гармония мира и мудрость Создателя! Жизнь удалась!

Что до тебя, мой неподкупный судия, вззирающий на меня с вершин своего

благополучия, я думаю, что ты счастлив. Ты счастлив, ибо истинно не видишь ничего, кроме своей золотой ящерицы. Ты счастлив, и дай тебе Бог!

ИДЕАЛЬНАЯ СУПРУГА

Я смотрю на жену. Она медленно передвигается по кухне. Её огромные ягодицы переваливаются справа налево и наоборот – такие рыхлые вибрирующие булки. Грудь висит и колышется при каждом движении. Иногда кажется, что ничего, кроме этой желеобразной плоти и нет в этом создании. Есть, правда, неопрятные, сожжённые завивкой волосы, цвета грязной хны, и бесцветные, заплывшие жиром глазки.

Не люблю свою «половину». Если честно, я её ненавижу. Но, поверите ли, никогда в моей голове не возникало вопроса – а не уйти ли от этой тётки куда подальше? Вы удивитесь, но я живу рядом с этим созданием уже сорок лет. И ещё больше удивитесь, когда узнаете, что никогда не изменял ей.

Уходить мне некуда и не к кому. Я был единственным ребёнком у родителей. Их давно нет, на этом свете я остался один. Однажды понял это, ощутил за спиной пропасть – некий зов вечности, поедающей живых существ. Инстинктивно ухватился за бессмысленную гору плоти, которая всегда была рядом. И до сих пор не могу разжать рук. Так и живу, виртуально и реально вцепившись в Нечто Устойчивое. Это Нечто не может мыслить, а значит, не умеет сомневаться. Ну, судите сами.

Вот она сидит за столом, поглощает жареную картошку, увлечённо жуёт, выбирает кусочки получше. От удовольствия болтает ногой с висящей на пальцах тапочкой. Она живёт так всегда – только здесь и сейчас. Никакого прошлого, а тем более будущего, для неё не существует.

Вот она насытилась, сложила посуду в раковину, довольно потянулась, как это делают кошки или собаки. Зевнула, прихлопнув рот ладошкой. Сейчас вымоет посуду и начнёт готовить обед, потом ужин. Завтра будет стирать бельё послезавтра гладить его. Я уже чувствую запах разогретого утюга, вижу, как она стоит у гладильной доски, переступая с ноги на ногу. И так годами. Всю жизнь. Ни одной лишней мысли, никаких сомнений. Да и в чём сомневаться? В том, что картошка подгорит на сковороде?

Моя жена – идеальный биоробот. Что делал бы я, будь на её месте мыслящее существо! Просто погиб. Я не люблю её. Но зато могу любить на расстоянии любую красавицу, ничем не рискуя при этом. Жена никогда не поймёт, что мои мысли заняты другой женщиной. Она вообще не знает, что такое мысли. Ею командует плоть.

Учёные открыли, что человеком, кроме головного мозга, управляют ещё, по крайней мере, две системы – спинной мозг и кишечник. Я знаю точно – мозг моей жены перемещён в кишечник.

Там идёт приём информации, и оттуда же поступают поведенческие команды. Для меня это невероятное благо. Я могу часами с ненавистью рассматривать это живое создание, изучать рефлекторную жизнь огромной амёбы.

Она при этом продолжает заниматься своими чисто физиологическими заботами, лишь время от времени замечая меня, как знакомый объект в знакомой среде. В такие моменты на её лице возникает гримаса улыбки. Отвратительное бессознательное растягивание губ, выражающее некое удовольствие.

Однажды куплю видеокамеру и буду снимать фильм из жизни амёб. Думаю, супруга будет довольна. Возможно, почувствует себя звездой кино. Любопытно было бы пронаблюдать её рефлекс в этой ситуации.

Моя амёба – хорошая мать. Она родила и вырастила двоих детей – сына и дочь. Теперь помогает воспитывать внуков. Так что в мире амёб всё, как у людей. Удивительно, но дети интеллектуально так же далеки от матери, как и я. Они выросли мыслящими людьми, хотя забота матери никогда не переступала границ физиологии. Из чего я делаю вывод о бесполезности какого-либо воспитания вообще. Дети получили всё необходимое другим путём – видимо, через генетическую информацию.

И, слава Богу, эта информация не совпадала с материнской. Мои дети – самая большая радость для меня. Я никогда не был близок ни сыну, ни дочери, почти не участвовал в их жизни. Мы не можем соприкоснуться духовно, но при встречах я вижу блеск умных глаз ироничных образованных созданий. Мне этого достаточно. Если бы дети интеллектуально повторили мать, я, наверное, повесился бы на дубовом суку у крыльца дома.

Купил-таки видеокамеру и приступил к съёмкам фильма из жизни амёб. Я не был оригинальным и назвал своё творение просто – «Один день из жизни идеальной супруги». Мне далеко до Солженицына или Никиты Михалкова, но свою работу делал творчески.

Снял несколько дублей утреннего ритуала – подъём, умывание, готовка завтрака и поглощение одного. Потом перешёл к съёмкам приготовления обеда и процесса его употребления. Далее последовал вечерний ритуал – ужин. Съёмка стирки семейного белья заняла более двух месяцев. Стирка совершалась редко – примерно раз в восемь-десять дней. Я сделал шесть дублей.

Работал, питая свою ненависть и, в конце концов, пришёл к выводу, что ненависть мало отличается от любви. Это не менее мощный двигатель для живого существа.

Сцены генеральной уборки квартиры тоже потребовали много времени. Уборка проводилась один раз в неделю. Я снял четыре дубля. Жена мыла полы, скребла плитку, сковородки, драила окна, меняла занавески. Я старательно снимал, выбирая самые отвратительные ракурсы – снизу, сбоку, в зависимости от вида её действий.

Толстые икры, увесистые бёдра, сардельки рук, бессмысленно-старательное выражение лица – всё зафиксировала камера безжалостным оком моей ненависти.

Жена никак не реагировала на съёмку. Я был немного удивлён, но, в конце концов, понял – для любой реакции на камеру необходимо иметь хоть каплю тщеславия. А это уже другой уровень интеллекта.

С помощью компьютера долго монтировал фильм, выбирая самые жуткие кадры.

И вот моё творение готово. Я усадил жену на диван и запустил фильм. Чтобы усилить эффект восприятия, несколько замедлил движение кадров.

По моим предположениям, в таком варианте уродство персонажа должно было высветиться ещё более объёмно.

Кадр следовал за кадром. Я не мог оторвать глаз от экрана. Там, словно дикое, неизвестное науке животное, грациозно двигалось

неузнаваемо прекрасное создание. Живая Мадонна планеты Земля.

-Что, что такое? – лихорадочно спрашивал я себя. – Что произошло?

И, наконец, понял – случилась простая, но удивительная вещь. Впервые за сорок лет совместной жизни я посмотрел на эту женщину глазами любви. Вернее, камера позволила мне чуть-чуть изменить угол зрения.

Я понял, что прожил свою безрадостную жизнь именно ради этой минуты – минуты прозрения и любви. Понял, почему никогда не изменял жене. А ведь мог бы – ещё как мог!

ТА, КОТОРОЙ НЕТ

-Где ты, где ты, Жизнь моя... – говорю я себе.

За окном жирные лопухи трепещутся от ветра, по берёзам гуляет пламенем осень. Небо чисто и необъятно. Что мне ещё делать? Вернее, уже ничего не нужно делать. Всё кончилось. Жизнь прошла, прошумела, прогремела грозами, пронеслась ароматами, улетела в облака. Ау, где ты?

Никого вокруг, только голос ветра. Где мои родные, близкие, друзья, соратники? Вот только вчера разговаривала с ними. Только час назад меня любили, помогали, сочувствовали во всём. Родители, братья, сын, муж – как много было любви! Теперь – тишина, ни звука в ответ на мой призыв.

Часто думаю, а было бы иначе, если бы все остались рядом со мной? Или одиночество неизбежно, и каждый идёт именно туда – в узкие врата? Наверное, так, ведь всякий проживает свою жизнь, находит свою судьбу. Это происходит всегда и не зависит от окружающих. Значит, я рано или поздно всё равно оказалась бы перед этим окном и увидела, как жирные лопухи трепещутся от ветра, как осень сжигает листву на берёзах.

Но что же дальше? А дальше всё просто – честная жизнь наедине с собой, где некому лгать,

некого учить, некому помогать. Суметь бы помочь себе! А это сможет не каждый.

Вы уже начали понимать, о чём я говорю? Уже почти сочувствуете мне? Жалеете? Простите, но всё предыдущее – это лишь мои фантазии. На самом деле у меня большая семья. Сейчас откроется дверь и сюда войдёт целая толпа моих родственников. Они так надоели мне, что я часто забавляюсь, представляя своё одиночество. И мне это нравится. Мне нравится одиночество. Как можно было бы жить, если бы всё зависело только от меня!

Вот-вот, слышите – это стучит в дверь брат Александр.

-Привет, сестрёнка, как жизнь? Ты не можешь мне одолжить рублей двести-триста? Надо подарок жене купить, а зарплата только через три дня. Спасибо! Ну, я пошёл. В получку отдам.

Знаю, что брат не отдаст этих денег. Его получки хватит лишь на неделю, и то - только на хлеб. Такие заработки сейчас в АО, где он работает. А дома у него семеро по лавкам, мал мала меньше.

А вот и брат Николай – это его телефонный звонок. Он просит денег на ремонт двери. Его милые соседи в очередной раз испортили замок – пробовали несанкционированно проникнуть в квартиру. Они, вероятно, думают, что за дверью

найдут кучу драгоценностей или мешок денег. Но там, за этой заветной дверью, обшарпанные обои, старая мебель, пустой холодильник. Жена в десятый раз ушла к своей маме, прихватив и детей. Я, конечно, выделю брату небольшую сумму – нельзя же жить в квартире с не закрывающейся дверью.

Так-так, а вот и муж собственной персоной. Рубашка совсем выцвела. Надо купить новую. Да и ботинки никуда не годятся. Если честно, то и у меня дела обстоят не лучше. Но... сыну скоро платить за учёбу, время поменять зимнюю одежду. И так – каждый день.

А ещё нужно сходить к родителям, купить им продуктов, помыть пол, постирать, сходить в аптеку за лекарствами. Накормить. Старики почти ничего не едят – нет аппетита, приходится несколько раз в день заставлять их поесть. Так что сидеть мне некогда. Побежала. Вот ещё одну секунду, только одну... Всё – моё время истекло. Я уже бегу на рынок, в магазин, в аптеку...

Странно, жизнь кипит, цунами суеты сметает всё и вся, но с каждым днём во мне нарастает ощущение нежития. Я не живу. Разве всё это жизнь? То, что называется жизнью, исчезло, прошло, прошумело, прогремело грозами, пронеслось ароматами, улетело в облака. Жизнь когда-то закончилась. Я просто не заметила, когда

это случилось. Любовь, сияющее счастье, солнце – это было тогда, давно, когда я жила. Теперь же нет и меня. Мне остаётся только сказать несколько слов себе: «Ау, где ты?»

А я (или не я) стою в аптеке в очереди, чтобы купить отцу сосудорасширяющие, матери – успокоительные, витамины, вату, йод и прочую лабуду. Теперь – в магазин. Хлеб, масло, овсяная крупа, конфеты, чай, кефир... Сумка становится всё тяжелее. Бегу к родителям.

-Мамочка, выпей кефиру, тебе это необходимо. Папочка – вот твои таблетки. Сейчас приготовлю овсянку, вам надо поесть горячего. И не возражайте, это не обсуждается.

Ну, наконец-то, теперь могу купить продукты для нас. Сумка опять набита доверху – ничего, я привыкла. Бегу домой без единой мысли в голове, и только три слова звучат мелодией будущего: «Ау, где ты?».

Где же я? Да вот здесь – на лестничной площадке перед дверью своей квартиры. Не могу повернуть ключ, когда же муж поменяет замок! Ну, слава богу, открыла. Ура! Я дома. Дома – это значит на кухне. Варю обед на всю семью, и на родителей в том числе. Пообедаем, тогда отнесу им своего борща. Тогда и пол помою у них.

Ну, вот, все поели, всё в порядке. Вымою посуду и - к родителям. Господи, почему же день такой безобразно длинный? Я совсем потерялась

в его недрах, хотя...как может потеряться та, которой давно нет.

Или я всё-таки есть? Так есть или нет? Надо подумать об этом.

КОГДА СЛУЧИТСЯ ЖИЗНЬ

Вы не поверите, если я скажу, что мы все находимся в чистилище. Нет такого места в православном мире. Но, думаю, священники просто жалеют прихожан и не говорят им всей правды. Поэтому люди уверены, что просто живут на планете Земля, просто рождаются, становятся взрослыми, работают, старятся и прочее. Они думают, что могут быть счастливыми, все – без исключения. Но факты говорят о другом. Люди даже не знают, что такое счастье. Как же можно достичь того, о чём ты не имеешь понятия. Это то самое – пойди туда, не знаю куда; найди то, не знаю что.

Зато первая правда, которую они узнают, начинает медленно убивать каждого. Ещё ребёнком всякий из нас узнаёт потрясающую весть – люди смертны, все смертны. И ты, такой красивый, умный, добрый, такой живой, ты рано или поздно умрёшь. И тебя закопают в землю. И ты не будешь видеть солнечного света, не будешь ощущать его тепла, не увидишь жёлтых одуванчиков весной, оранжевых листьев осенью.

Вообще ничего не будешь видеть и чувствовать. Отныне твой удел - страх. Бог своим милосердием заставляет человека забыть, хотя бы на время, но *забыть* об этом.

Что происходит дальше? Огромная череда испытаний. Испытания должны заставить человека вырастить в храме своего тела чистую Душу. Душа – это наш настоящий ребёнок. Это удаётся лишь единицам – тем, кого называют Святыми. Все остальные легко поддаются первому же соблазну беса – обмануть, украсть, предать, убить (хотя бы жука или мыш). Так постепенно Душа из прекрасного ребёнка превращается в смрадного монстрика. Он может быть таким невзрачным, что никто и не заметит этого превращения, даже и сам хозяин – носитель тела. Он будет считать себя человеком и никогда не согласится с тем, что вместо прекрасного ребёнка вырастил зверёныша. То есть, зверёныш – это и есть он сам. То бессмертное зерно – Душа, которая могла бы сделать его человеком, избавить от смерти, она исчезла. Вместо неё – зверёныш, страшный и уже ненасытный, творение беса, но не Бога. Зверёныш смертен, а с ним и его носитель.

Никто не знает, что было бы, если каждый имел уверенность в бессмертии. То есть, не имел бы страха, но знал, что несёт в себе чистое создание, божьего ребёнка – Душу, которую нужно растить, питать пищей – верой в бессмертие и в

Добро. А вот если ты стал отнимать у неё эту пищу, она начинает умирать, зато набирает силу другой зародыш – отпрыск беса, зверёныш, ведь он питается твоими чёрными делами и мыслями.

Это и есть чистилище. Трагедия в том, что никто не объяснил тебе этого, да и не должен был объяснять. Ты обязан понять всё сам. Многие доходят до этого понимания, но уже тогда, когда исправить что-либо невозможно. Да и реально ли что-то исправить?

Вот ты уже знаешь всё это, но никто не подсказал, да и не подскажет, как исправить эту ужасную ошибку? Как вернуться к Истоку? Возможно ли это? Может ли человек, вырастивший зверёныша в себе, начать жизнь сначала? Считается, что да, может. Для этого необходимо пройти исповедь, раскаяться и причаститься. Неужели всё так просто? Думаю, это не так. Скорее всего, исповедь, раскаяние и причастие – это лишь Знаки, некая печать на твоём теле, на твоём храме, которую ставишь ты сам. Главное не это, ведь почти все «раскаявшиеся», пройдя обряды, продолжают жить так, как жили раньше.

Но что же делать? Как вернуть Душу-ребёнка и начать растить её, а не мерзкого зверёныша, уже выпестованного тобой? Вспомним слова Христа, адресованные больному, которого Он вылечил: «Иди, и больше не греши». Вот где истина. Раскаяться, конечно, необходимо – это

позволит изгнать зверёныша, но главное, чтобы он не мог вернуться. Если ты раскаялся, дал обет Богу, то должен поступать, как велел Христос. Грешить больше нельзя. Как только нарушишь обет, зверёныш воцарится снова.

Но возможно ли это? Кто же не даёт тебе проверить! Раскайся, пусть даже не в церкви, а наедине с собой и перед лицом Бога. Но больше не вступай на путь сделки с бесом. Вот тогда, я думаю, *случится жизнь*. Ты будешь жить, и смерть оставит тебя, ведь она ищет только грешников. Тогда чистилище, *твое чистилище*, приведёт тебя в Рай - по определению библии, это место рядом с Богом.

Всё так просто, но так невыполнимо. Почему? А потому, что толпы грешников сделают всё, чтобы ты стал таким же, как они. Они не терпят *других, иных*, ибо они – стая зверёнышей. Стая живёт по законам животного мира. *Другой*, не похожий на них, обречён. Поэтому люди, идущие к Богу, уходили из мира в скиты, становились отшельниками. Тогда стая просто физически не могла их достать. А если всё-таки попробовать уйти от греха, оставаясь в миру?

Неужели нам не хочется жить? Неужели мы так возлюбили смерть? Знаете, а я не верю в это!

ВАСИЛИСК

Что там – за этими кустарниковыми зарослями, за лебедой, вехом, болиголовом? Там – гора. Вернее, не гора, а складка местности – такой невысокий бугор. На нём – мурава, чистотел. А что за бугром? Там дикое царство Кощея. Испугались? А зря. Я пошутила. За бугром живёт Василий. Но царство его одичало и в самом деле – дом разваливается, сараям давно пришёл конец, всё заросло бурьяном. Из хозяйства остались только цепной кобель да жена. Жену Василий всегда считал частью хозяйства. И сейчас считает. Она кормила его тогда, когда корова мычала в стайке, телёнок бегал по лужайке, в свинарнике визжали поросята. Кормит и сейчас – устроилась на работу в санаторий. Каждый день ездит в Белокуруху – там находится это заведение. В деревне работы нет уже лет пятнадцать. Василий тоже принялся добывать копейку – купил на все сбережения автомобиль, стал таксистом. Теперь они почти городские жители, хотя никуда из деревни не уехали. Думаете все рады? Все смеются? Ну, да, так может показаться со стороны. Мол, приспособились люди и при капитализме не пропадут.

Однако дом и двор требуют обустройства, а времени и сил на это уже нет. Да и деньги мешками в кладовке не стоят. Деньги добываются

где-то, далеко от дома. Всё уходит на ремонт «тачки». А время - на поездки: жена - в Белокуруху в шесть утра, домой – в десять вечера, Василий – то в Бийск, то в Барнаул с пассажирами. Вот и весь капитализм. Из развлечений – лишь компьютерная игра. Василий купил её для племянника, а у того уже, оказывается, была такая. Много раз пытался дойти до конца игры, но никак не получалось. Застрял на шестом уровне.

-Василиск! Открывай, ваша мама пришла, молочка принесла, - кричит жена и бухает за порог огромные сумки с продуктами.

Вот оно – счастье! Сейчас поужинают, чем бог послал, поспят часов пять и – снова в путь! Они уснут без задних ног, а вокруг всю ночь будет тянуться ввысь лебеда, с неба - падать тяжёлые звёзды, сараи, кряхтя в темноте, ронять с потолка прогнившие плахи. Бурелом всё плотнее станет наступать на ветхое жилище. В доме прожили три поколения, но, кажется, четвёртому здесь уже нет места.

-Василиск, вставай! Уже пять часов – заводи машину.

Василий не возражает против «Василиска». Ему даже нравится такая транскрипция. А что? Мужик он, хоть куда. Здоров, крепок, не дурак. А то, что деревне не нужен – так наплевать! Она ему тоже в мамки не годится. Документы на дом оформить не дают – всё отговорки какие-то. Даром

что дом-то прадед родной строил, дед здесь жил, родители. А вот теперь все они, вроде как, ни при чём. Поэтому Василий живёт здесь временщиком – пока не выгнали, и - слава богу! Кто он – ни зверь, ни человек. Василиск!

Садится Василиск на холодное сиденье, включает зажигание. Крутой разворот и – прощай дом родной! Сегодня три пассажира до Барнаула. Сейчас соберёт всех по домам, свернёт на трассу. Вот она, родимая – серая, новенькая, гладкая, как шёлк! Так – чего-то не хватает. Ну, конечно, радио. Василиск услышал ровный голос то ли ведущего, то ли какого-то учёного:

Вы затронули вопрос, который будоражит умы человечества на протяжении всего периода существования разумной жизни на Земле. И никто с уверенностью не может на него ответить. У нас нет твёрдого знания относительно обстоятельств так называемого Конца Света. Вера и разные гипотезы есть, а знания – нет. Различные описания апокалипсиса, которые можно встретить в религиях мира, приспособлены под менталитет паствы и носят скорее отпечаток социально-политического мифа, чем научного описания физических явлений.

Мы же предпочитаем исследования людей с инженерной жилкой, учёных, теоретиков и практиков. Высказываемые ими гипотезы по

крайней мере претендуют на возможность того или иного сценария. И в этом ряду на первом месте стоит монументальный труд Юрия Бабикова «Мировоззрение, или возвращение Прометей»

-Так, интересно, что будет дальше, - подумал Василиск и подкрутил регулятор громкости приёмника, усилил звук:

Я воздержусь от подробного комментария к этой книге — сейчас не об этом речь. В целом информация разделена на две большие группы: научную и мистическую. Научная гипотеза о происхождении мира представляется мне очень убедительной. С мистической же частью, на мой взгляд, дело обстоит не столь однозначно.

Так вот, согласно научной гипотезе автора, любая планета (в том числе и планеты солнечной системы) рождается в результате взрыва вещества сверхновой и последующего «слипания» сверхтяжёлых элементов, которые автор назвал тероидами (их нет в таблице Менделеева, хотя теоретическая возможность их наличия есть). В результате образуется раскалённое ядро с протекающими реакциями ядерного распада тероидов и синтеза новых, более лёгких, элементов. Со стороны это выглядит как рождение новой звезды. Со временем поверхность ядра остывает, покрывается коркой, затем происходит

отслоение ядра от планетарной коры, образование магнитосферы, «распухание» оболочки, и так далее, уже в зависимости от близости к другим источникам излучения. Следуя логике этого процесса, можно предположить, что наступит момент, когда планетарное ядро истощится, и интенсивность процесса ядерного распада сойдёт на нет. Ядерный реактор планеты остановится. Жизнь в любой форме прекратится.

-Да, вот это перспективка! – с каким-то мрачным восторгом подумал Василиск. – Наши беды – это ерунда, получается.

Размеренный голос из недр эфира продолжал рисовать картины будущего:

Автор утверждает (и очень даже доказательно!), что именно так устроены не только планеты солнечной системы, но и само Солнце! То есть Солнце — это не раскалённый газовый шар, а обычное тероидное ядро, которое вот-вот начнёт остывать и со временем превратится в огромного мёртвого гиганта. Появление пятен на Солнце как раз свидетельствует о начале отвердения коры. Однако хотелось бы Вас успокоить относительно скорости всех этих процессов. Согласно расчётам Юрия Бабикова до момента отвердения Солнца нам ещё ни много, ни мало 6

миллиардов лет. И со временем сторонний наблюдатель может быть до глубины души потрясён увиденной картиной: в полном мраке, слабо освещаемом мерцанием далёких звёзд, бесшумно вращаются вокруг остывшего солнца темные и безжизненные планеты...

-Круто! – мысленно воскликнул Василиск, представив себе страшную картину мира без Солнца.

После долгой паузы снова возник голос ведущего:

Но...! Наступит момент, когда они, утратив гравитационные связи с бывшим светилом, начнут на него падать, одна за другой. И в результате падения самой большой по массе планеты солнечной системы Юпитера произойдёт пробой коры Солнца, что вызовет цепную реакцию и гигантский взрыв. Родится сверхновая, которая даст рождение новым планетам, и всё повторится вновь. Одним словом, птица Феникс.

Василиск так проникся тяжёлой судьбой человечества, что даже смахнул непрошеную слезу.

-Давай, дальше! – мысленно погнался он ведущего.

По поводу Солнца и Земли можно смело сказать, что всё это очень даже не скоро. А вот Луна ... Здесь есть о чём задуматься.

И тут мы вплотную подходим к разным пугающим календарным срокам. В частности, к календарю мая. Складывается впечатление (это, конечно, не научный метод, но других пока нет), что мы живём в пределах гигантской и неплохо налаженной системной программы, ключевым звеном которой и, возможно, главным процессором является Луна. То есть Луна не совсем естественный спутник Земли, а скорее искусственный, используемый под свои системные цели кем-то, имеющим прямое отношение к земной цивилизации.

Мы как будто находимся в лабиринтах отражений Сергея Лукьяненко, и рано или поздно программа завершается последним уровнем, после которого идёт перезагрузка системы и ... новая игра. Кстати, именно поэтому история, как известно, склонна повторяться, только с небольшими коррективами на уровень развития людей. Да и механизм предсказаний становится понятным, важно только распознать алгоритм работы программы. Тот, кому это удаётся, становится оракулом. Но и платит своей жизнью за полную подчинённость системе, так как становится одним из элементов системного кода.

-Значит, жизнь это чья-то компьютерная игра?
Но делать такое может только Бог, - подумал
Василиск.

*А что же говорят календари? В календаре
мая называется дата — 23 декабря 2012,
после которой наступает Великая Пустота,
безвременье. В Новом Завете это время
именуется Апокалипсисом, и все пророчества
последних дней в нем описаны очень четко.
Оглянитесь вокруг, посмотрите
международные новостные телеканалы,
а потом перечитайте Новый Завет, где найдете
ответы на многие вопросы...*

Василиск вспомнил, что книгу с таким
названием оставила ему в наследство бабушка.
Заглядывал не раз в эту книгу Василиск, но не
нашёл в ней ничего интересного.

-Надо почитать, - подумал он. – Я же не читал,
а так – листал просто. А, похоже, бабушка-то не
зря хранила книжицу.

*Видимо, нас всё-таки ждут серьёзные
перемены, и они будут похожи на сказочные
метафорические описания, которые мы
встречаем в религиях мира. И мы с вами
станем живыми свидетелями происходящего.
Как, например, воспринять сообщение о
приближении к Земле неизвестного
космического тела? Цитирую из того же*

источника: «Серьезные уфологии, внимательно оценивающие процессы во Вселенной, констатировали: к Земле приближается некое космическое тело. Это не банальное НЛО, а именно большое космическое тело, которое четко не проявлено в нашем пространстве. Оно относится к «нетрадиционной», неизученной материи, словом, нечто совершенно ИНОЕ. Тем не менее это самое «ОНО» обладает массой и инерцией, а главное — рядом электромагнитных параметров. По мере его приближения к определенным координатам нашей Солнечной системы резко меняются все параметры, связанные с понятием «электромагнитное поле Земли и других планет».

Вот так, ни много, ни мало. Может быть это «долгожданная» Нибиру, о которой писал Захария Ситчин? Может быть, это Реклостер — двойник Земли Юрия Бабикова? Может быть, это межпланетный флот Владимира Пятибрата? Гипотезы разные, но сходятся в одном — к 2012—2014 году стоит ждать больших перемен звёздного масштаба. Только вот КАЧЕСТВО этих перемен зависит уже от нас с вами. Я имею в виду, к добру это или к худу.

Вот на этой мажорной ноте разрешите завершить сии размышления о грядущем.

Удачи вам! С вами был журналист Михаил Кош.

Василиск уже не замечал звучащей из приёмника музыки. Поражённый услышанным, чувствуя себя новым человеком, который вдруг независимо от воли хозяина сам собой народился внутри, он механически вёл машину. И на обратном пути всё прокручивал в уме картины погибающего и вновь нарождающегося мира.

-Игра, игра, - думал он. – Играет Бог, а люди... Что люди? Ведь говорят, что душа бессмертна. И мы на каждом новом уровне этой игры рождаемся вновь. У нас, может быть, десять жизней или сто. Надо изучить «Новый Завет».

Вот с этого самого времени Василиск и начал читать «Новый Завет», потом - Библию. «Новый Завет» выучил наизусть. Бросил машину, жену, дом, всю суету беспросветного быта. Теперь служит в местном приходе. Он спокоен, лицо его всегда освещается неким внутренним светом. Он думает, что это Свет Божий.

А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...

Жила-была дама, которая обожала мужчин. Знакомилась при каждом удобном и даже неудобном случае и всех приводила к себе в дом – переночевать. Ну, хотя бы раз. Вот так и шёл этот кудрявый поток – все разные, а скорее, одноразовые. Ну, как бумажные носовые платки, например. И так всю её долгую, цветущую жизнь - до восьмидесяти лет. Она называла это любовной лирикой.

А в остальном она была очень хорошим, *нравственным* человеком – учила детей в школе, как надо писать стихи. Её даже наградили за это медалью.

Жила-была дама, которая занималась ведовством и магией. Она считала, что ведьма – это хорошее слово. А Люцифер – это Ангел света, который помогает людям. И ей тоже помогает. Да так оно и было, и даже - за умеренную плату. Много ли стоит Душа? А в остальном она была очень хорошим *верующим* человеком и учила всех, как надо писать стихи и прозу.

Жила-была дама, которая считала себя гениальной писательницей и собиралась стать знаменитой после выхода на пенсию. Поэтому

постоянно ездила в Москву, а потом давала интервью местному телевидению.

А в остальном она была хорошим и даже *умным* человеком и учила всех, как надо писать гениальные произведения.

Жила-была дама, которая считала себя гениальной поэтессой и пародисткой. При этом очень гордилась тем, что пишет письма одному знаменитому актёру. Находили они своего адресата или нет, неизвестно, но отблеск славы весьма кстати украшал даму-пародистку.

А в остальном она была добрым и даже *правдивым* человеком и учила всех, как надо жить и как следует писать стихи.

Жил-был джентльмен, который считал себя гениальным поэтом. Чтобы все могли это заметить, он вынужден был давить остальных гениев. Давил он их, давил, и добился, в конце концов, того, что гениальностью превзошёл всех.

А в остальном он был очень милым и даже *добрым* человеком и учил других, о чём нужно писать в стихах.

ЛЮБОВЬ – СТРАШНАЯ СИЛА

Всё лето – холод, дожди. Мало солнца, небо исчезло. Развалы туч на крышах домов лежат, словно мохнатые «персы». Заглядывают в окно на моём девятом этаже. На восьмом гудит «нанотехнология» - день и ночь варят наркоту. Растворитель, кислота, какие-то химикаты – всё это снизу летит в моё жилище. Идёт охота за моей квартирой. Сегодня обнаружила в почтовом ящике письмо из пенсионного фонда на имя неизвестного гражданина Арепьева.

Значит, мошенникам остался пустяк – убрать владельца, то есть, меня. После этого Арепьев поселится в моей квартире, ведь у него стоит штамп в паспорте с моим адресом. Женится. Они будут жить здесь долго и счастливо и умрут в один день.

Но они не знают главного – моя любовь к жизни сильнее их любви к моей квартире.

× × ×

КАРТИНА, НАПИСАННАЯ РЖАВЧИНОЙ

Унылый белёсый дом напротив моего окна. Жестяные щиты балкона – картина, написанная ржавчиной. Потоки дождя и талые воды – два художника ваяли это полотно. На нём – семь ржавых человечков, худых и печальных, держатся за руки. Они идут куда-то - в неведомое. Знают что-то своё. Они молчат, заглядывая в моё окно. Они одиноки все вместе и каждый в отдельности. Я говорю им: «Привет! Как вы там, в вашей тайной жизни?»

Они зябко прижимаются друг к другу, колышутся и машут руками.

-Вижу, - говорю я. – Мне тоже рады в этом мире.

Мы понимаем друг друга, и дождь останавливается. Человечки уже не плачут, а я плакать давно разучилась. Нам не надо многого – только солнца и ветра. Вот этого побольше!

× × ×

СВОБОДНЫЕ ГРАЖДАНЕ

Разрушенный кирпичный завод. Руины бывших цехов. На крышах растут тополя и берёзы. Окна зияют чёрными дырами. Что там, внутри? Или кто? Цивилизация бомжей и наркоманов. Она вызрела внутри нашего сообщества, как семечко в арбузе. Вон тропинка петляет в зарослях полыни, а по ней в сторону руин движется Некто – свободный гражданин свободной империи. За ним, не торопясь, болтая хвостами, идут задумчивые собаки. Они тоже свободные граждане на свободной территории.

Свобода здесь абсолютна. Все могут весь день лежать на солнце. Могут лежать в тени. Могут делать это неделю, две. Все свободны от забот. Могут умереть сегодня или завтра, через неделю или месяц. Никто не заметит этого. В этой империи живут в Истине, ибо нет более непреложного абсолюта, чем свобода смерти. И поэтому граждане её – вечны!

Но почему-то очень хочется освободить их ещё больше – дать им Свободу Жизни. Жаль, что я не волшебник.

× × ×

ГОРОД КРЫШ

Есть города, стоящие на земле. Есть подземные города мёртвых – кладбища.

В нашем городе есть одно самое высокое здание – это десятиэтажка. Около сорока зданий – высотой в девять этажей. Остальное – пятиэтажные дома и жмущийся к земле частный сектор.

Поэтому из окна моего девятого этажа открывается просторный вид – это Город Крыш. Пустынный Город Свободы. В нём живут только птицы и я.

Крыши сверху похожи на палубы подземных лодок. Вот они поднялись из преисподней и застыли от удивления – оказывается, над толщей суеты есть небо и солнце! Есть другой мир. Он, действительно, другой. Это блистающий мир Природы, созданный Богом.

Он так сильно отличается от мира, творимого людьми – от этой душной возни, утопающей в жадности, зависти, злобе.

Мысленно шагаю по крышам, потом – по кронам сосен, по травам в степи, по вершинам гор. Здесь я могу быть Ангелом. Внизу Ангелам нет места. Мой город – это Город Над Городом! Приходите в гости!

ТЕОРЕМА ПОТОКА

Дано: Человек живущий, Поток материи-пространства-времени

Доказать: Бессмертие человека

Доказательство:

Шагает папаша в светлых джинсах – такой долговязый циркуль. За ним несётся мальчонка в красной рубашке и цветной кепке. Издалека он похож на круглый спелый фрукт, типа бегущего яблока. Мальчику года четыре. Он успевает погладить бродячую собаку, постоять возле кошки, присесть на клумбу и догнать папу.

Я смотрю на них сверху из окна. Они уходят, скрываются за углом. А мне так хочется завернуть за этот угол, бежать следом, войти с ними в их дом, видеть, как течёт жизнь. Хотя...она и так течёт. И я вижу этот поток. И чувствую. А как же иначе – ведь я его часть. Мне хорошо в этом необъятном.

Вот я закрываю глаза и слышу голос Потока: любимая мелодия – «Европа», первый альбом; многошумный ход автомобилей; лай собаки, крик сороки, гудок электровоза издалека; лязганье мусоровоза во дворе, вой пылесоса этажом ниже, детские голоса с улицы, журчащая песнь коршуна в полёте. Этих красивых птиц много

в осеннем небе. Они нарезают круги над жилым массивом в поисках пищи.

Плотный Поток материи, звуков, красок, беспредельное число форм – Жизнь.

Есть что-то магнетическое в движении Потока. Может быть, это просто физика – Поток создаёт себе вакуумную оболочку. Проще говоря, увлекает всё близлежащее, затягивает в себя. А, может быть, и не только физика. Волшебство жизни. Всё живое создано так, что испытывает удовольствие, ощущая Поток Жизни. И поэтому стремится прикоснуться к нему, слиться с его течением.

Летит Поток. И я лечу вместе с ним - его часть, но неотделимая от него. А значит, я и есть Поток. И каждое живое существо – тоже. Мы едины со всем сущим. Это - доказательство бессмертия. Я доказала теорему Потока. Какую оценку поставит мне Учитель?

× × ×

МИР ТВОРИТСЯ МЫСЛЮ

Ненавижу так называемую реалистическую прозу. Под этим ярлыком скрывается депрессивное видение мира. Одно пятно светлой краски (для приличия) - на бочку негатива.

Читаешь такие тексты и погружаешься в катакомбы, заполненные какой-то физиологической грязью. Хочется отряхнуться от липких ошметков чужого больного сознания, не знающего надежды, блуждающего в тесных лабиринтах рассудка – бытового мышления.

Это голос ортодоксов-безбожников. Свой угрюмый мир мёртвых вещей и таких же вещественных персонажей они считают единственно верным, не подлежащим изменению.

Они не верят, что можно видеть иначе, жить в другом – гармоничном и светлом мире, где людьми правит Дух, а не плоть. Реалистическая проза агрессивно плодит бесовщину – и не только на страницах книг, но и в умах людей, а значит, материализует себя в мире.

Как вы думаете, почему Библия написана языком детей и поэтов, языком сказки? Всё просто. Дети, поэты и сказочники видят мир глазами Истины. В этом мире Добро всегда побеждает, Зло всегда бывает наказано. Это и есть Истина и

Закон, на котором стоит мир Человека, Божьего создания.

Дети, поэты и сказочники – творцы настоящего, живого, духовного мира. В этом мире, и только в нём, место Человеку Божьему. Человек-бес или человек-животное устроен так, что больше всего боится именно Света Божьего, выражающего себя через Нравственность. Человек-животное всегда против Нравственного Закона. Он придумывает сотни формулировок, оправдывающих его позицию, например: нравственность ограничивает права человека. Но Нравственность всего лишь заставляет человека быть человеком, а не животным.

В одном из рассказов австрийской писательницы Ильзы Айхингер описан герой, который не снимал с себя верёвочных пут. Он так и жил связанным, так и зарабатывал на жизнь в цирке. Люди ходили за ним по пятам, каждый норовил потрогать верёвочные узлы, проверить их прочность. Но когда Связанный ночью победил волка, выбравшегося из клетки и напавшего на него, никто в это не поверил. А после того, как Связанный сбросил путы, все вообще отвернулись от него. Очень наглядная аллегория.

Человеку, переставшему быть животным, победившему в себе волка, во-первых, никто не верит. Во-вторых, человек, сбросивший с себя путы животного мира, Человек Духовный,

ощущается миром бесов как нечто враждебное. Теперь он – другой, из другого мира, и с ним не о чём разговаривать. Хотя все уверены, что он просто лжёт, а на самом деле – такой же, как они. Можно быть уверенным, что ОНИ постараются доказать это. Они просто не знают, что Человек Духовный непобедим. Человек Духовный – ребёнок, поэт и сказочник, носитель Нравственного Закона на Земле. И да здравствует сказка!

× × ×

Я НИКОГДА НЕ БУДУ БАБУШКОЙ

1.

Когда-то давно, в другой жизни, читала я книгу Александра Неверова «Ташкент – город хлебный». Начиналась она печальными словами: « Дед умер, бабка умерла, потом – отец. Остался Мишка только с матерью да с двоими братишками..... Мать с голодухи прихварывает. Пойдёт за водой на реку, насилу вернётся. Нынче плачет, завтра плачет, а голод нисколько не жалеет. То мужика на кладбище несут, то сразу двоих. Умер дядька Михайла, умерла тетка Марина».

Помню, как жалела Мишку, которого отец за хозяина перед смертью оставил. Сочувствовала Мишке – тяжела у него судьба, трудна дорога в город хлебный.

А вот теперь и у меня брат умер, тётка умерла, сын умер, мать, потом – и отец. Осталась я одна-одинёшенька, взрослая девочка, которой пора уже называться бабушкой. Но бабушкой стать мне не суждено. Бабушкой я не буду уже никогда.

И голода нет, а народ мрёт и мрёт. «То мужика на кладбище несут, а то и сразу двоих». Что же такое происходит? То ли продукты заграничные, то ли солнечная радиация народ

валит? А то ли неизвестные «вирусы». Всё помаленьку, а в целом получается как в той забытой книге «Ташкент – город хлебный».

Только идти теперь Мишке было бы некуда, разве на Луну улететь. А мне и тем более податься некуда – вот и сижу там, где сижу, и думаю, что же с нами происходит.

Великая криминальная революция 90-х ввела в обиход единую меру всего и вся – деньги. Душу деньгами не измерить. Отмерла Душа за ненадобностью. Исчезла родственная любовь друг к другу, не говоря уже о ближнем. Деньги вынули Душу у народа.

Ещё по привычке газеты вопят: Пушкин в XXI веке, Пушкин – это наше всё! Но Пушкина никто не читает. Вообще никто ничего не читает – кому оно надо! Вирусы, конечно, своё дело делают, но Душу вынули. А без неё живой человек – не жилец. Другое дело – мёртвый, бездушный от рождения. Вот таким сейчас самое время.

Я поспешила, когда сказала, что Мишке некуда было бы податься. Станислав Говорухин в поездке по стране нашёл такого «Мишку» десяти лет. Так вот этот «Мишка» – крупный асс по вагонам. Как и весь город Забайкальск. Занимается «Мишка» грабежом железнодорожных составов, идущих из Китайской Маньчжурии. Он курит по две пачки «Мальборо» в день, помогает

больной безработной матери, купил себе японский мотоцикл.

Вот здесь, в деревне, где жили мои родители, есть местный «Мишка». Он пьёт в свои три года пиво и «красное», курит и помогает матери варить наркоту.

Так что вопрос мой «Что с нами происходит?» задавать некому, только себе самой. Отвечать на него страшно, но я же большая девочка. Мать звала меня в детстве – Лю. Так я и сама себя зову.

В эту самую минуту нахожусь в пустом родительском доме. Жить здесь в одиночку нельзя. Одиноких грабят и убивают. Так что дорога мне предстоит дальняя. Я должна перевезти дом моих родителей в город. Вернее, не дом, а дух его – старые вещи, фотографии и память о прежней жизни. Перевезти память... И самое печальное, что кроме меня сделать это некому.

Рассматриваю фотографии. На них куски далёкой и прекрасной жизни, когда все были живы. Когда мир сиял от солнца, улыбок и цветов. Всё это исчезло, растворилось во времени. Остались только вот эти солнечные драгоценные кусочки.

Вот так – в пустом молчаливом доме началась одиннадцатая жизнь Лю. Жизнь в одиночестве. Но так думать не правильно. Одиночества нет. Человек остаётся один на один со своей Душой. А Душа – живое создание, это

ребёнок, который живёт в каждом, кто не потерял совести. Ещё с человеком остаётся Ангел-хранитель, остаётся при любых условиях. Так что Лю, единая в трёх лицах, вступила в свою одиннадцатую жизнь с помощниками, лучше которых и придумать нельзя.

2.

Вы спросите, почему эта жизнь одиннадцатая? Потому, что до неё Лю прожила десять разных жизней. Настолько разных, что казалось - каждый раз переселялась на другую планету.

Детство – огромная счастливая солнечная жизнь на зелёной планете, где весной цветут в горах лохматые дикие пионы, оранжевые огоньки, похожие на маленькие розы, и лиловые кукушкины слёзки.

Школьные годы в родительском доме – тоже долгая, весенняя жизнь. Сиреневая, черёмуховая.

Университет, студенческие годы.

Возврат в родительский дом, работа в школе.

Работа в НИИ, учёба в аспирантуре.

Самая длинная и тяжёлая жизнь – шестая, семейная. Болезни сына, которые следовали одна за другой. Страх его потерять.

Седьмая жизнь – трагические годы перестройки, безработицы, безденежья. Закончилась она потерей мужа и единственного сына. В это же время погиб младший брат.

Параллельно седьмой, Лю успела прожить ещё одну короткую, но тоже трагическую, восьмую жизнь, когда уехала ухаживать за больной тёткой в другой город..

Девятая жизнь – болезнь матери, её смерть.

Десятая жизнь - наедине с больным отцом, и его уход навсегда.

Сколько жизней ещё в запасе? Что там записано в программе по имени «Судьба»? Этого не знаю. Но одну вещь знаю абсолютно точно – никогда не буду общаться с носителями негатива. Эти чёрные дыры съедают чужую жизнь.

3.

И вот тихо, незаметно подкатила к воротам родного дома моя одиннадцатая жизнь. Для начала обернулась она маленьким грузовиком – зелёная кабина, плоский параллелепипед кузова. В его тесные границы должен был войти мой дом. Я пыталась сопоставить несопоставимое – спичечный коробок кузова и мою жизнь в родительском доме. Поэтому казалось, что ничего не получится – моё детство, юность и зрелость,

жизнь сына, родителей, братьев никогда не уместятся в этот крошечный грузовичок.

Но произошло невероятное. Вещи, а с ними и наша история, любовь к родительскому дому, наш труд, желания, время – всё вдруг стало уплотняться, сжиматься. И, в конце концов, превратилось в маленькую кучу. Из неё удивлённо выглядывала наша жизнь. Но брезент, натянутый сверху, закрыл её. И уже было трудно что-либо узнать сквозь его серое полотно. Это катастрофическое сжатие нескольких жизней до размеров коробка, потрясало и убивало сознание. Оно отказывалось верить в происходящее.

Я уселась в легковую машину рядом с водителем, и мы отправились вслед за грузовиком. Он резво уносил мой дом от собственных ворот. Всё это казалось абсурдом, но в то же время было самой реальной из всех возможных реальностей. Я смотрела и не могла насмотреться на этот убегающий вдаль коробок, заполненный прошлой жизнью.

Теперь осталось только настоящее, сиюминутное – размером с цветочное семечко. Оно висело где-то глубоко внутри меня, словно звёздочка в огромной галактике, и могло легко потеряться. Но так же легко способно было дать росток и даже расцвести.

По мере того, как дом мой убежал, я гналась за ним и не могла поверить, что всё это случилось со мной.

Родительский дом ещё вчера казался оплотом мира. Всё могло рухнуть, исчезнуть, раствориться во времени, сравняться с землёй, стать прахом. Всё – только не дом, где прошло моё детство, да и вся жизнь.

Сжался мой дом
И вошёл в грузовик,
Словно он к этому
С детства привык.

Утром сегодня,
Припомнив о том,
Едет куда-то
Мой маленький Дом.

Мамины сказки,
Поделки отца,
Солнце, взошедшее
возле крыльца,

Братя, сыночек,
Бабушкин лик –
Все уместились
В один грузовик.

Вот он бежит,
Покоритель дорог,
Счастье моё унося
За порог.

Солнце и ветер,
Мелодия - в тон.
Дом мой закрылся,
Свернулся в бутон -
Зиму впустил
На один коготок.

Где же мой аленький
Прежний цветок?

Цветочек Аленький, Сказка Жизни, теперь во мне одной. И я не имею права не знать этого, не понимать, сколь много должна ещё сделать. Пока не напишу сто книг о прекрасном мире, в котором жили мои родные, где обитаю я сама, до тех пор не устану, не состарюсь, не заболую, буду Воином Жизни. Так началась и закончилась в один день моя одиннадцатая жизнь.

Мраморные снежные вихри на дороге – это след, который оставил грузовик. Я бегу по этому летучему следу из настоящего в будущее.

Вся нечисть, которая питается чужими жизнями, сегодня сгорит дотла. Они прицепились

ко мне в прошлом, а в настоящем я легко стряхну их, стоит только захотеть! Прочь, твари!

Двенадцатую жизнь я должна прожить в солнечном мире. В этой жизни вновь расцветут в горах дикие пионы, оранжевые розы огоньков и лиловые кукушкины слёзки.

× × ×

Ad absurdum

Автор спешит сообщить любознательному читателю, что повесть эта выдумана, все персонажи вымышлены. Но автор надеется, что правда всё-таки победит.

ГЛАВА 1. Дятел промахнулся

1.

Ну-с, начнём нашу почти детективную историю. И начнём её с портрета главного героя. А как же иначе? Вот он, собственной персоной.

Вечно приклеенная улыбочка – словно растянутая куриная гузка. Быстрые глазки под тяжёлым лбом. Длинный “иностранный” нос. Всегда – в полупоклоне. Всегда отглажен. Всегда – комплименты для женщин, рукопожатие для мужчин. Всегда – патриотический пафос. Он думает, что окружающие не понимают, что это – фасад. А тем более, не видят того, что за этим фасадом. Поэтому считает себя неотразимым. Везде козыряет некоей красной книжицей.

С комфортом дожил до семидесяти. И собирается прожить ещё одну такую же «насыщенную» жизнь. Он думает, что бессмертен. А, может быть, так оно и есть. Он – бессмертен. Они все бессмертны. Это мы умрём – оболганные ими в пухлых досье. Кто мы? Мы всего лишь

неизвестные никому романтики, работяги, местные литераторы – в общем, обыватели. А они - хозяева жизни.

Они долбят её сладкий ствол нагло и настойчиво, не задумываясь ни о чём, не мучаясь укорами совести. Что бы ни «творили», безнаказанность обеспечена. Они считают, что служат государству. Хотя... государство по их понятиям – это и есть они сами.

2.

Он остался вдовцом. Горевал ровно столько, сколько положено в таких случаях. Тем более что давно дружил с молодой красавицей Анной. Жена долго болела. В доме висела осязаемая тяжёлая обречённость, словно привидение в замке. Анна же всегда улыбалась. С ней было легко и беззаботно. Она никогда не отказывалась от хорошего вина. И закуска находилась тотчас – фирменная, домашняя...

Разносолы на столе под рюмочку, блестящие глаза, ласковые речи. Любил бывать у Анны. В последние годы длинные вечера после рабочего дня заполняла она – симпатичная, услужливая, простая и понятная. Аннушка – так он называл её.

Весть о смерти его жены Аннушка восприняла спокойно. Она давно считала себя настоящей женой. Он тоже так считал. Не

раздумывая, предложил оформить брак. Не боялся этого. Был уверен, что с Аннушкой всё будет хорошо - теперь у него есть надёжный тыл на старость.

-Жизнь продолжается, - думал он. - И продолжается красиво – как и ожидалось. И в семьдесят – я хозяин жизни. И в восемьдесят будет так же. Здоровьем бог не обидел.

Как бы видел себя со стороны – бодрый, подтянутый, молодой муж, молодая симпатичная жена – намного моложе супруга. Они вместе ходят на общественные мероприятия. Он выступает перед благоговейщей публикой, читает стихи. Жена с обожанием смотрит на своего любимого. Она – украшение любого банкета. Верная спутница жизни...

-Эта картинка соответствует духу времени, – так казалось ему. - Ведь сейчас модно иметь жену лет на двадцать-тридцать моложе себя.

Был доволен – вот теперь может считать, что адаптировался в новом мире. Кто упрекнёт, что он – просто пенсионер, когда рядом с ним такая жена.

Немаловажным было и то, что имущество его умножилось. Аннушка жила в своей квартире одна. А теперь переселилась к супругу, и её квартира пустовала.

Целый год вместе с молодой женой азартно искал покупателей на её квартиру. Аннушка жила в старом деревянном доме. Там, на втором этаже в двух маленьких комнатах прошла вся её жизнь – выросли дети, распалась семья. Анна осталась одна.

Он считал, что её квартира теперь не нужна, а деньги, конечно, пригодятся. Должно же быть приданое у молодой, ведь она теперь хозяйка его большой квартиры.

Можно было найти покупателей и быстрее, но он не торопился. Быстрее, значит – дешевле. А зачем ему это? Деньги любил. Они грели сердце, заставляли его биться молодо и весело, давали надежду, рисовали перспективы, обещали всё – любовь, преданность любой женщины, комфорт, удачу! Порой признавался себе, что эти хрустящие цветные бумажки – его единственная и всепоглощающая страсть. Всё остальное...

- А ничего остального и нет, – так он считал, если не лукавить перед самим собой. - Люди гибнут за металл? Кто это придумал! Всё наоборот – с деньгами жизнь становится настоящей. Женщины? Они – лишь средство в цепочке удовольствий. Они глупы и всегда позволяют использовать себя.

Аннушку пока ставил особняком, но приданое радовало.

Наконец, нашлись желающие купить квартиру за ту сумму, что запрашивал. И вот приданое в его руках – деньги, которые заслужил. Он не сомневался в этом. Уже обдумывал, куда их вложить – в машину, гараж или, может быть, обменять на валюту и – в банк. А лучше всего, конечно, пустить их на ремонт его квартиры, сделать из неё игрушку.

Удачная женитьба, хорошие деньги – всё это ещё больше поднимало его в собственных глазах.

-Старости нет, - думал он. - Я такой же, как и в семнадцать. Особых отличий не нахожу - только внешний вид. Но для мужчины это не имеет значения.

4.

-Милый! Ты уже решил, что мы будем делать с деньгами?

-Пока нет.

-Знаешь, дочь просит займы – не хватает на покупку машины. Давай дадим под хороший процент. Через год-два вернёт – она работает в частной фирме и очень неплохо зарабатывает

-А под какой процент?

-Ни один банк не даст столько. Она согласна на тридцать процентов в год. Через три года эта сумма удвоится.

-Да? Стоит подумать. А как ты?

-Конечно, «за». Своей дочери я верю.

Он на минуту задумался. Не доверять Аннушке нет причин – она никогда его не обманывала.

-Ну, хорошо. Какую-то часть денег – примерно одну треть, можно отдать дочери, тем более что через три года сумма удвоится. А остальное я предлагаю вложить в ремонт нашей квартиры – евроремонт, камин, новая сантехника. Всё будет по высшему разряду. Ты согласна?

- Договор с дочерью будем заключать?

-Зачем? Верю и так. Я не из тех, кем можно пользоваться. А тем более – это твоя дочь, родня.

-Родня, - улыбнулась Аннушка. - А ремонт – это просто замечательно! У нас появится общая собственность.

Он пропустил эти слова мимо ушей – ведь квартира принадлежит ему.

-О какой общей собственности говорит Аннушка? Она просто заблуждается, как и всякая женщина, многого не додумывает. Но это ничего. Даже хорошо, что так. Крепче семья будет, - думал он. – Вложить деньги в ремонт – это самое разумное. Машину или гараж при разводе Аннушка заберёт. А здесь уже будет сложнее. Всё останется на месте. Не заберёшь же с собой камин, стены или сантехнику.

Поймал себя на этих крамольных мыслях и тут же отогнал их:

-Я не собираюсь разводиться с Аннушкой. Она меня устраивает.

Молодая жена помогала в ремонте с энтузиазмом – ей нравилась их общая квартира. Контраст с её маленькой прежней жилплощадью в деревянном доме – колоссальный. Аннушка была довольна, просто летала от счастья.

-Наконец-то повезло. Всё прекрасно. А главное, что после вложения моих денег в ремонт квартира становится общим достоянием супругов.

Об этом Аннушка знала точно – побывала у нотариуса.

5.

Он же с течением ремонта просто физически ощущал, как приданое молодой жены становится его собственностью. Дубовые двери, дорогие обои, паркет, камин - большой и живописный, выложенный зеленоватым камнем – всё это просто вращало в сердце, и оно билось горячо и молодо.

Спустя два месяца ремонт завершился. Квартира и в самом деле стала похожа на игрушку – новенькая, светлая, просторная. Но главным её украшением он считал Аннушку.

Целыми днями она порхала в нарядном фартуке из кухни в комнаты и обратно. Суетилась,

устраивая своё новое гнёздышко, готовила завтраки, обеды, ужины.

У него же появилось свободное время. Вернулся к своей работе – наблюдению за народными массами, а паче чаяния – за местной литературной тусовкой. За каждый доклад полагалась премия. И он старался, как и раньше. Как всю жизнь. Чувствовал себя мастером. Почему бы и нет? Кроме того, он и сам пописывал патриотические стихи и прозу. Это занятие тоже требовало времени. Особенно тогда, когда приходила пора издать очередную книжицу. Тут всё время уходило на поиски и старание обаять спонсоров. Сейчас как раз наступил такой момент.

Рыскал по городу, вёл переговоры с директорами фирм, предприятий. Выходил из дома с утра, возвращался к вечеру.

В очередной тяжёлый день - как водится, это был понедельник, он вошёл в подъезд своего дома и двинулся вверх – на пятый этаж. На площадке третьего этажа увидел знакомого – это был местный художник Миша Заварзин. Весёлый, бородатый, в цветастой косоворотке, подал руку и прогудел:

-Привет, старик. Как жизнь?

-Нормально. А ты как здесь оказался?

-Да знакомая тут живёт.

- А-а, - понимающе улыбнулся он. - Ну, бывай! Будь здоров.

-И ты не кашляй, - пробасил Миша и коlobком покотился вниз.

Аннушка встретила его как всегда – с улыбкой. В доме пахло свежей сдобой и ещё чем-то вкусным.

-Ну, скиталец, давай за стол – пироги испеклись.

-А поцеловать? – пошутил он.

Аннушка припала к его груди, обняла за шею и поцеловала охотно и радостно. Так и отбыли на кухню, не размыкая объятий.

-Хорошая штука жизнь, - подумал он, отправляя в рот один за другим пироги с мясом.

– Хороши пироги, да и сам я неплох! – сказал вслух.

Аннушка засмеялась, пододвинула ему позолоченную чашку – кофе со сливками.

6.

Вторник оказался не лучше понедельника – весь день бега по спонсорам. Кто-то обещал через три дня выделить часть необходимой суммы, кто-то просил подождать до следующего месяца. Но пока всё на этом и останавливалось. Только обещания. Даже предложения поделить предполагаемую наличку между сторонами на этот раз не помогали.

-Похоже, спонсоров скоро не станет совсем, - бормотал он, спускаясь по лестнице из очередного кабинета. – Мода прошла. Денег отдавать никто не хочет. А с другой стороны, и правильно. Я бы вообще ни разу никому не дал. Ну, это я. А то – они. Раз дают, значит, что-то в этом устраивает. Ну, на сегодня уже хватит – пора домой. Аннушка теперь заждалась. Ужин стынет.

В подъезде опять столкнулся с Мишей.

-Привет! Ты снова тут?

-Я тут, где дают, и не мне одному, - сострил Миша и заржал жизнерадостно и громко.

-Ну-ну, дело молодое.

-Молодо-о-е, - пропел бородач.

Густая струя дорогого одеколona тянулась следом за художником. Запах рассеялся только где-то на уровне четвёртого этажа.

-Интересно, к кому ходит этот оболтус? Наверное, к Зинке из пятидесят пятой квартиры. Больше не к кому. Ну и Зинка! Вот стерва. Муж в командировках вечно, а она успевает. Кстати, интересная особа – надо с ней познакомиться поближе. На всякий случай...

За этими приятными мыслями не заметил, как оказался перед собственной дверью.

-Жена, открывай, - пропел он, нажимая на звонок.

-Ну, наконец-то, - Аннушка обняла его. – Что так долго?

-Спонсоры упрямые попались – не хотят кошелёк открывать.

-Ладно, давай за стол. Ужин давно готов. Мой руки и вперёд – на кухню. Там тебя ждёт сюрприз.

-Что такое, интересно? Какой букет! И коньяк! По какому случаю?

-Догадайся с трёх раз.

-Так-так-так...сейчас. Милая! Прости, забыл. Виноват! У нас же годовщина свадьбы.

-Вспомнил, слава богу! Лучше поздно, чем никогда.

Аннушка весь вечер была в приподнятом настроении, улыбалась. Шутила, обнимала мужа. И он несколько раз почувствовал какой-то знакомый аромат, но не вспомнил, что это. Напахнуло мимолётно и ушло. Да и бог с ним! От Аннушки всегда приятно пахнет. Ещё бы – сходит на склад, выдаст инвентарь, а через три часа – уже дома. Времени свободного уйма, должна следить за собой. Всё для него, родного мужа.

И всё-таки какая-то тревога закралась в закоулки сознания и не отпускала. Он несколько раз задумывался, словно припоминая что-то важное, но потом махнул рукой:

-Ерунда какая-то, чертовщина. Выбросить из головы и забыть!

7.

Наконец деньги на издание книги были найдены, и началась работа с издателем. Молодая наборщица восхищалась его сочинениями, а он даже не замечал ноток иронии в её возгласах:

-Надо же, в семьдесят лет вы пишете такие бодрые стихи!

-Бодрости у меня хватает не только на стихи.

-Да что вы! А на что же ещё?

-Я ведь молодожён, - улыбался он.

-Вот это да! – восхищалась девчонка.

Они подолгу сидели у компьютера, проверяя тексты. Временами он клал руку ей на плечо и шептал на ушко:

-Хотите в ресторан?

Девчонка дико хохотала и выдавливала с икотой :

-С вами – хоть на край света, - и снова хохотала до слёз.

В дни таких милых бесед пожилой поэт возвращался домой особенно счастливым – он чувствовал себя знаменитостью, суперменом, Шварценеггером.

-А девчонка-то не промах, - думал он. –
Надо с ней поближе познакомиться. А смеётся как!
Очень сексапильно.

Встречи с Мишей – художником в подъезде
участились, но счастливый молодожён уже не
удивлялся:

-Зинка – стерва. Это ясно.

Но однажды, обнимая Аннушку, вдруг
вспомнил этот запах – одеколон в подъезде.

Молния пробила его с макушки до пят. Удар
грома поразил в самое сердце.

-Что такое?- спросил себя молодожён,
боясь даже сформулировать ужасное подозрение.

Обнял жену, несколько раз прислонился к
её волосам, но подозрение не желало
рассеиваться. Наоборот. Оторопело плюхнулся на
диван, бессмысленно разглядывая полки с
книгами. Его бросило в жар, пот бисером выступил
на лбу.

-Что делать? Что делать? – какой-то
отрывочной бегущей строкой семафорило в мозгу.
– Неужели это Аннушка? Знакомая Миши-
художника – это его Аннушка? Не может быть! С
кем угодно такое могло произойти, но не с ним!
Нет, нет и нет! Он – не все! Он – это он, хозяин
жизни. Кто посмеет им попользоваться? Кто
рискнёт? Только не его собственная жена – слабая
глупая баба! Но проверить не помешает.

Эта здравая мысль придала ему сил, и он тут же стал придумывать, как это сделать.

Если Мишка ходит к Аннушке, то главное для неё – знать, когда муж вернётся домой. Может быть, поэтому она всегда просит звонить и сообщать, когда он закачивает дела и собирается приехать. Говорит, чтобы встретить мужа горячим обедом или ужином.

-Попробую-ка завтра явиться домой пораньше, да без предупреждения. Вот и посмотрим, разлила Аннушка подсолнечное масло или нет, - вдруг вспомнил он Булгакова. – А пока расстраиваться рано. В ароматах я не спец, могу и ошибаться.

Немного успокоился, смотрел на Аннушку почти с прежним удовольствием. Она ловко мыла посуду, расставляла тарелки и чашки по полкам, легко нагибалась, открывая нижние дверцы кухонного шкафа. При этом под платьем рельефно обозначались круглые бёдра.

Время клонилось к ночи. Он отправился сначала в большую комнату, намереваясь заняться редактированием рукописи. Но работать не смог. Вошёл в спальню. Аннушка давно уже видела пятый сон. Прилёг рядом, но уснуть не удалось. Мысли постоянно возвращались всё к тому же – мерещилась наглая бородатая рожа Мишки и резкий запах одеколona.

8.

На следующий день явился домой в три часа дня, не позвонив Аннушке. Взбирался по лестнице без привычных остановок между этажами. Сердце выпрыгивало из груди, било прямо в рёбра. Добрался до кнопки звонка, нажал её, не отпуская. Прошла минута. За дверью – тишина. Подождал ещё минуту и снова позвонил нетерпеливо – раз, два, три, четыре. Ни звука. Достал ключи и принялся открывать замки наружной двери один за другим. Их было три. И тут послышались шаги – Аннушка спешила навстречу. Они одновременно распахнули обе двери: он – наружную, она – внутреннюю.

Пристально вглядывался в её лицо, пытаюсь определить, одна была Аннушка в квартире или там где-то прятался гость. Но её лицо не выражало, казалось, ничего – какая-то удивительная бесстрастность, словно маска надета.

-Однако ты, подруга, переигрываешь? – подумал он. – Что-то слишком спокойна. Обычно мой приход радовал тебя. Куда же эта радость подевалась?

-Почему не открывала?

-Я же не знала, что это ты – думала, чужие.

-Где твой гость?

-Какой гость? – удивилась Аннушка. – Нет никаких гостей.

-А мы сейчас посмотрим, - рявкнул молодожён и ринулся в спальню.

Кровать была заправлена, но казалось, что только-только, за минуту до этого. Или он уже бредит? Заглянул в шкаф, под кровать, в нишу. Оторопело остановился посреди комнаты, не зная, что делать дальше. И тут явственно услышал, как стукнула входная дверь.

-Кто это? – крикнул он, выбегая в коридор.

Аннушка стояла как раз в коридоре, сложив руки на груди витым крендельком, и улыбалась:

-Милый, кого ты ищешь? Что ты придумал?

-Мишка Заварзин к тебе ходит?

-Не знаю я никакого Мишки.

-Художник. Знаешь ты его, как облупленного – в одной компании не раз бывали.

-А-а, художник. Значит, он – Заварзин?

-А ты не знала?

-Нет. Откуда мне знать? – звучало вполне правдиво. – Так ты меня приревновал? Милый! Как здорово! Значит, ты меня и вправду любишь? Только зря приревновал. Я-то кроме тебя ни о ком и слышать не желаю.

Молодожён смотрел на Аннушку и не находил в её лице смущения или страха. Наоборот – она была весела, смотрела смело и даже нагло.

Нет, он не ошибался. Печать довольства украшала лицо его любимой женщины.

-Довольна, что приревновал? Что любит? Может быть, это и хорошо? Не похоже, что она притворяется. А если она довольна, что удачно провела старого мужа? И ей смешно, как он прыгает, пытаюсь поймать давно скрывшегося любовника? Ей смешно, что на его лбу выросли ветвистые рога? Чёрт её знает – может, мне уже мерещится всякая ересь. Старость что ли пришла? – думал он. – Ладно, хватит разыгрывать Отелло. Всё равно сейчас я ничего не смогу сделать. После драки кулаками не машут. Надо было сразу обойти все комнаты, а не лазить по шкафам в спальне. Мишка сам, как шкаф – он бы и не поместился в тесной коробке.

-Смотри, Аннушка, - сказал он на всякий случай. - Если что – сразу развод. Измены терпеть не приучен. Не обижайся, если перегибаю палку. Но поставь себя на моё место. Звоню, никто не отвечает. За дверью – тишина. Что я должен думать?

-Что ты, что ты! Разве я могу себе такое позволить?

-Ладно, прости дурака. Виноват.

-Ну, так-то лучше. Хотя ты мне очень понравился – бешеный такой. Я тебя таким ещё не видела.

-Причин не будет, и не увидишь больше.

-Причин не было, нет, и не будет, - улыбалась жена.

Казалось – всё закончилось благополучно. Но какая-то заноза осталась. Он долго размышлял, что это. И понял – слишком весёлый вид Аннушки, когда она стояла в коридоре, сложа руки крендельком. Что-то было в её облике от театрального, наигранного.

-Проверю ещё раз, - решил он. - Тогда и выяснится всё. В следующий раз сначала в ванную и в туалет загляну, а не в спальню.

Он опять несколько успокоился. Появилось даже ощущение, что всё хорошо, всё - как прежде. Но мысль, что остался в дураках – не уходила.

-Вот чёртова баба! А казалась такой простушкой, такой открытой и наивной. Все они артистки. Все продажны. Неужели и Аннушка тоже? Если так, никогда не прощу себе, что оказался разиней.

9.

Выждав три нескончаемых дня, молодожён повторил свой эксперимент. Все эти дни исправно звонил жене перед приходом домой, как будто ничего и не произошло. Как будто всё осталось по-прежнему. И вот, наконец, снова явился домой без предупреждения.

Всё повторилось точно так же, как и в прошлый раз. Аннушка долго не подходила к двери. Наконец, слышались её шаги, и дверь распахнулась. Не говоря ни слова, рванулся к ванной – пусто. В туалете – пусто. В спальне – никого. Он облегчённо вздохнул.

Аннушка, стоя в коридоре в той же позе, снова смеялась, не скрывая своего довольного лица. Оторопело остановился, глядя на жену, не зная, что сказать.

-Ну, что, Отелло? Молиться мне или подождать?

-Аннушка, прости. Я, действительно, дурак.

-Ничего, мне даже приятно. Если ты, конечно, не станешь меня душить.

-Смейся, смейся над стариком. Заслужил, - он обнял жену и почувствовал всё тот же запах – одеколон Мишки Заварзина.

-Да нет! Ерунда! У меня уже глюки, - пробормотал он.

-Что ты там бормочешь? – смеялась жена. – Пошли на кухню. Голодный ведь. У меня щи свежие, салат.

Прошли на кухню, сели за стол. Аннушка налила полную тарелку щей, подала ложку, хлеб, сметану. С удовольствием отправил в рот несколько ложек горячих щей и тут снова услышал, как стукнула входная дверь. Рванулся в коридор –

никого, и дверь закрыта. Выскочил на лестничную площадку – сосед шарахнулся в сторону:

-Ты чо, молодожён? Кого ждёшь?

-Да так – вроде, звонил кто-то, - соврал он. -
Послышалось, наверное.

Вернулся в коридор, прислонился к стене.

-Нет, так нельзя. Чушь всё это. Аннушка тут ни при чём - это у меня крыша едет. Валерьянку пора пить.

Аннушка на кухне просто покатывалась со смеху:

-Ну, ты Мавр! Сто очков вперёд Отелло дашь.

-Ничего смешного не вижу, - буркнул он.

-Да цирк просто. Хоть билеты продавай. Щи простыли, салат сдох. А ты всё бегаешь – марафонец да и только.

-Говори, где Мишку прячешь? – попытался он пошутить, но шутка не получилась – голос сорвался на крик.

-Так в стиральной машине, где же ещё, - хохотала молодая жена, уперев руки в бок.

-Он туда не влезет, колобок этот.

-Да что там – в машине! В шкатулке, где деньги лежат.

Он побледнел, рванулся к книжному шкафу, достал шкатулку, где хранились общие деньги на хозяйственные расходы. Пересчитал

бумажки, положил обратно. Медленно закрыл шкатулку.

-Ты шути, да меру знай, - сказал хрипло.

-А ты шуток не понимаешь, как выясняется. А знаешь, у кого с юмором плохо бывает?

-Ладно, хватит зубоскальничать. Пошли щи доедать.

Они снова уселись за стол, молча доели ужин. Молча разошлись в разные стороны. Аннушка пошла мыть посуду, а он устроился перед телевизором. Включил его и, и тупо глядя на экран, продолжал думать всё о том же:

-Что за чертовщина! Чувствую, что в дураках, а за хвост поймать не могу. Или я и вправду ум потерял? Вот что значит – молодая жена. И всё-таки, откуда этот запах – одеколон этот дорогой? Может, у неё духи похожие? Надо проверить, но, честно говоря, надоели уже эти кошки-мышки. И на Аннушку я уже смотреть не хочу. Почему бы это? Такие вещи просто так не возникают. Нет. Надо проверить всё. Так недолго из-за пустяка потерять молодую жену. А вдруг всё это – лишь мои измышления, и она ни в чём не виновна? Что тогда?

Но червячок сомнения не давал покоя.

-Я не проверил лоджию. Вот где мог скрываться непрошенный гость. Да, именно так. Неужели так?

Свой «эксперимент» молодожён повторил ещё несколько раз, и, наконец, однажды столкнулся с Мишкой прямо в дверях своей квартиры.

А его любимая Аннушка всё так же стояла в коридоре, сложив руки крендельком, и смеялась, нагло глядя прямо в обесцветившиеся глаза мужа.

-Убью! – сказал он хрипло.

-Только попробуй! Сядешь, - смеясь, ответила она и добавила зло: «Старый козёл. Импотент траченный».

Бешенством налились его глаза, он размахнулся, но понял – она, действительно, посадит. А Мишка будет продолжать ходить в его квартиру.

-Я, кажется, влип, - сознался себе. - Но в убытке окажется она – без квартиры и без денег.

Эта мысль согрела его изнутри, как глоток водки.

-Пусть попробует скитаться по чужим углам. Быстренько приползёт к нему на коленях. Да. Так и будет! Но почему она смеётся? Неужели не понимает, что останется ни с чем?

-Знаю, о чём ты думаешь, - хохоча, сказала Аннушка. – Но квартиру тебе придётся разделить. Вот увидишь.

-Как бы не так! Квартира моя и больше ничья. Она до брака мне досталась, значит, разделу не подлежит. Самое большое, чего ты можешь добиться – это вернуть какие-то деньги за ремонт. И то, если есть чеки на материалы и оплату работы. А чеков никаких нет. Знаю точно. Собственноручно всё уничтожил. Ну, как тебе это нравится?

-Предусмотрительный ты наш! Но ты, дорогой мой, плохо закон знаешь. Квартира – давно наша общая собственность, потому что моё жильё ты продал, а деньги вложил в нашу общую квартиру. У меня нет чеков, зато есть свидетели – дочь и зять, агентство, где ты оформлял продажу моей квартиры. И сумма там указана в документах.

-Какая сумма? Ты же кучу денег дочери отдала!

-А вот это ты не докажешь. Документов нет, свидетелей нет. Так что, мне - однокомнатную благоустроенную, остальное – твоё.

-Что?! – только и смог выдавить молодожён.

Он захлебнулся от злобы, вдруг нахлынувшей удушливой волной. Понял – всё было проделано сознательно и грамотно. И продажа квартиры, и ремонт на её деньги, и та сумма, которую она отдала дочери. Всё просчитано заранее. Его «кинули» легко и просто, как последнего лоха. А он, дурак, купился на бабу.

Если бы писал на неё досье, то сейчас можно было бы прижать эту семейку. Но он считал себя защищённым со всех сторон, и вот – дал маху. Повёлся на «тёлку».

-Пусть по суду ты разделишь мою квартиру, но фактически я не дам этого сделать. И очень просто – меня не будет устраивать ни один вариант раздела. Ты будешь всю оставшуюся жизнь искать желающих на эту квартиру.

-Хорошо. Меня устроит и совместное проживание. На свою жилплощадь я буду приводить друзей – это всё те же художники. Я их люблю, и они меня тоже. Пусть будет коммуналка в этой квартире.

-Ах, ты стерва! Шлюха!

-А ты-то кто? Старик стариком, а жену ему молодую подавай! А молодой-то платить надо, друг любезный. Ты что – этого не знал?

Он снова захлебнулся от её наглости, но не мог признаться даже себе, что был глуп и слеп. Женился на шлюхе в семьдесят лет. Он представил себе, как вся эта толпа художников-бабников, пропойц, будет пастись в его квартире, в ванной, в туалете. Вместо надёжного тыла – цирк и зверинец. А он – клоун на манеже.

-Я на твоих друзей каждый раз ментов вызывать буду. Мне они не откажут, - крикнул он, сбиваясь на фальцет.

-А я возьму ломик и раскрошу камин, новые двери, паркет – всё, что сделано на мои деньги. Обойдётся дороже, чем раздел квартиры. Так что – выбирай.

Она стояла в своей любимой позе, сложив руки крендельком на груди, и смеялась, смеялась... Чем больше он злился, тем наглее становился смех:

Ну, что, молодожён, включил мозги? Или у тебя их уже не осталось? И не мудрено – водочку-то любишь, люби и саночки возить.

-Стерва, стерва, - повторял он бессильно. - Обставилась: художники, свидетели...

-А ты бы хотел, чтобы свидетелей не было? Сироту надо было в жёны брать. Да они и сироты нынче-то умные. Так что подавай на развод и раздел имущества. Да не забудь, мне – однокомнатную благоустроенную. Я заработала.

11.

-Все умными оказались, один я – в дураках. Вот тебе и хозяин жизни. Ладно. Раскисать не буду. Разменяю квартиру. Пусть подавится. А я компенсирую потери. Так же и компенсирую, как потерял. Что, я дурнее какой-то шлюхи! А ведь получается – дурнее. Аннушкой звал. Считал, что я её использую. А вышло наоборот. Она из деревянной халупы в благоустроенную квартиру

пойдёт, а я из четырёх комнат – в две. Старый дурак.

И снова целый год молодожён вёз на себе воз забот – развод, суд... Он всё ещё надеялся, что суд оставит ему квартиру, присудят, может быть, вернуть деньги бывшей супруге. Тогда он помотал бы ей нервы. Но напрасно – хваткая баба требовала жильё, и не какое-нибудь, а не хуже того, где обитала со своим молодожёном – за моральный ущерб и потерю собственного жилья по его вине.

Потом снова бегал в поисках вариантов размена. Он бегал, а Аннушка жила без забот и хлопот в его квартире. Только иногда обсуждала с ним, пригоден ли тот или иной вариант лично для неё.

Наконец, они нашли то, что устраивало и её, и его - тоже. Ей - однокомнатная в малосемейном общежитии, ему – двухкомнатная в девятиэтажном доме. Район был не очень удобным, но другие варианты – ещё хуже. За её квартиру требовали доплату, потому что суммарная стоимость двух квартир была выше, чем одной, хотя и четырёхкомнатной. Ему пришлось продать свой гараж – ничего другого не оставалось. Иначе эта история никогда бы не закончилась, а ему не терпелось переехать и начать поиски «новой жены», которая и должна

была возместить все потери – и моральные, и материальные. Не терпелось использовать тот опыт, который он приобрёл благодаря молодой жене.

-Ничего! Отрицательный результат – тоже результат, - повторял он. – Лопухнулся один раз, теперь очередь за другими.

Разъехались по новым адресам летом. Стояла сухая жаркая погода. Солнце палило так, что листья на деревьях пожухли. Запах высыхающих трав витал в воздухе. Молодожён обливался потом, но упорно занимался упаковкой вещей для переезда. Аннушка уложила свои вещи в кучу посреди спальни и пригласила Мишку. Здоровяк за час упаковал всё так аккуратно, словно всю жизнь этим занимался.

Аннушка уходила куда-то, а когда вернулась, всё уже было готово к переезду, и грузовой фургончик уже стоял у подъезда.

-Ну, прощай, молодожён, - смеясь, Аннушка помахала рукой бывшему мужу. - Надеюсь, не увидимся.

-Пошла ты...

-Именно так я и сделаю. Благо, идти-то есть куда. А ты женись ещё разок. Авось, бомжом станешь. Ну, прощай!

И она уехала с фургоном, набитым вещами и растворилась в людской массе. Словно и не

было никакой Аннушки. Да её и вправду не было – той Аннушки, которую он придумал: симпатичная, услужливая, простая и понятная. А на самом деле – хитрая, изворотливая, хваткая и хищная. Как и все шлюхи.

-Ничего! Овец на мой век ещё хватит, - сказал он, садясь в кабину КАМАЗа с фургоном.

На новом месте быстро провёл ремонт на деньги, оставшиеся от продажи гаража. Расставил вещи, освоился в новой квартире и... принялся составлять список потенциальных невест. Долго пыхтел на кухне, мысленно перебирая кандидатуры. Отметал одну за другой: у кого-то близкой родни полгорода, у кого-то хитрости многовато, у других – жильё дешёвое. Список оказался настолько короток, что о выборе не было и речи.

После некоторых размышлений остались лишь три кандидатуры. Обдумав каждую из них, он понял, что и эти дамы не годятся. У каждой в городе проживали возможные наследники, и все варианты, которые проанализировал, не могли их нейтрализовать. Даже если удастся кого-то подставить и посадить за решётку, они всё равно по закону останутся наследниками.

-Ну, не убивать же их. Это уже слишком, - сказал вслух и испугался. – Ну и мысли лезут в башку!

И вдруг понял, что вариант всё-таки есть. И он может сработать, если всё будет сделано самой невестой добровольно, по убеждению. В том, что все эти престарелые дамы – дуры, при всей их хитрости, он не сомневался. Знал их много лет, все они были из той самой литературной тусовки. Знал и то, что к нему они относятся как к завидному мужчине. Возможно, и более – как к кандидату в мужья.

-Ну, что ж, попытка не пытка. Начнём с Ирки. То есть с Ирины Николаевны. Она самая активная из всех. Вперёд, друг мой! Ты – снова жених, не смотря на недавний развод.

Опрокинул рюмочку водки, закусил, потёр руки.

-Дай бог, не последняя! – сказал он вслух.

12.

Ирина Николаевна суетилась на кухне, таскала тарелки с салатами и другими закусками. Жених достал из портфеля коробку конфет, бутылку красного вина и бутылочку водки.

-Ох, не много ли будет? – кокетливо пропела Ирина.

-Ничего. Посидим, поговорим. Нам же есть о чём поговорить.

-Ну, да. Ну, да. Есть о чём. Поговорить всегда есть о чём.

-Вот я о том же, Ирочка. Можно я так буду вас называть?

-Отчего же – пожалуйста. Ведь мы с вами примерно одного возраста. Вы с какого года?

-Я с тридцать третьего. А вы, Ирочка?

-Я – с тридцать девятого. Неделю назад день рождения отпраздновала.

-Ну, с прошедшим Днём рождения, Ирочка! За вашу красоту! Это мой первый тост.

-Спасибо! Я понимаю, что это комплимент. Но всё равно приятно.

Они выпили, закусили. Ирочка всё добавляла в его тарелку то грибочки, то икру из баклажан, то колбаски.

-Ирочка! – начал жених. – Не скрою, я давно за вами наблюдаю. Можно, я перейду на «ты»? Мы ведь ровесники. Ирочка! Ты очень милая женщина. Умница, красавица. Почему ты одна? Только не обижайся, ради бога. Я ведь этот разговор не просто так затеял.

-Ну-у, не знаю. Не сложилось как-то. С мужем развелась десять лет назад. А больше никто не понравился. Или я никому не понравилась.

- А вот это не так. Ирочка, а как ты относишься ко мне?

-Я думаю – вы серьёзный человек. Но, кажется, и у вас что-то не сложилось?

-Мы с тобой, Ирочка, товарищи по несчастью. А я думаю, что мы должны стать товарищами по счастью.

-Да, счастье... Это в молодости может быть счастье, а мы с вами, увы...

-Старости не существует, Ирочка. Для меня ты – юная девушка, - он поцеловал руку даме и проникновенно посмотрел ей в глаза:

-Ирочка! Выходи за меня. У нас получится прекрасная семья.

-Это так неожиданно, так странно. Но обещаю, что подумаю об этом, - зарделась, засмушалась Ирина.

-Подумай, подумай. У нас отличные перспективы Предлагаю тебе поменять место жительства. Мы уедем в Подмосковье, в Саров. Там живёт моя родня. Там мэр платит стипендию литераторам, будет хорошая добавка к пенсии. Продадим наши квартиры, купим двухкомнатную в новом доме. Родня мне поможет. А? Как ты на это смотришь?

-Столько предложений за две минуты! Я так не могу. Нужно подумать, посоветоваться с детьми.

-Да-да, конечно. Но что дети? Они взрослые, у них своя жизнь, Ирочка. Ты для них всё уже сделала, что могла. Ты сама имеешь право на счастье.

-Наверно, так. Но всё-таки нужно поговорить с детьми. Их мнение для меня много значит.

-Ирочка, поговори, конечно. Но не забывай о себе. У тебя должна быть своя личная жизнь. Ну, давай за перемены в судьбе и за наше счастье!

-Да, за счастье! Это хороший тост.

Он сел на диван рядом с Ириной, обнял её за плечи, прижал к себе. И всё рассказывал, рассказывал, как они будут жить вместе в красивом городе Сарове. Обещал ей издать книги, сделать лауреатом литературных премий.

-Там писателей мало. Мы будем в большом почёте, клянусь тебе! – обнимал он Ирину и целовал ей руки.

13.

Жених потратил целый месяц на ухаживания за Ирочкой. Но она уперлась – дети были против переезда. Они считали, что в её возрасте такие перемены на пользу не пойдут. И она соглашалась с детьми, ведь и в молодом возрасте поменять место жительства не просто, а что же сейчас, когда она уже бабушка.

-Ирочка! Ну, какой такой возраст? Это им мы кажемся стариками. Но мы-то знаем, что это не так. Мы молоды и не только душой.

-И всё-таки, всё-таки - не так уж молоды. Да и что такое Саров для меня? Ни одного

родственника, ни одного знакомого. Как мне там жить?

-Познакомимся, подружимся. Это ведь не проблемы. Кроме того, ты будешь не одна. А я-то на что?

-Может быть и так, но все же переезд – большая проблема. И с детьми не увидишься уже столько, сколько хотелось бы.

Аргументов «против» с каждым днём находилось всё больше. И, наконец, жених понял, что от Ирочки ничего не дожждётся.

-Что ж, есть ещё две кандидатуры. Авось, будут сговорчивей, чем эта упёртая. Начну с Катерины. Она всегда ко мне хорошо относилась. Правда, баба своевольная, но, по-моему, глупа как раз на тот самый нужный градус. Здесь должно, должно моё предложение сработать. Лишь бы согласилась на переезд и продажу квартиры. А там – дело техники. Переезд – дело трудное, в любой момент разладиться может. Но в ремонт её деньги вкладывать уже не стану. Поживём на широкую ногу, без регистрации, конечно. А потом и разбежимся. Главное, деньги брать без свидетелей и ни во что не вкладывать – что называется, просто проедать. Потом никто ничего доказать не сможет.

Но на удивление точно, даже в деталях, история повторилась. Катерина сначала расцвела

от его ухаживаний и почти согласилась выписаться из своей квартиры, чтобы переехать и прописаться у жениха, но когда дошло до дела, вдруг тоже уперлась, а потом и совсем отказалась от заманчивого предложения.

-Надо же, дура душой, а тут и на кривой козе не объедешь, - досадовал жених. – Надо что-то менять в тактике. Сначала переселить к себе, прописать, а потом уж и говорить о переезде. Да, так и надо было делать. Неправильно я начал. А теперь уже Катерина и на такой вариант не пойдёт. Значит, остаётся последняя кандидатура – Валентина. Надо быть осторожным, не торопить, не давить, ухаживать побольше, угощать послаще.

Жаль потерянных кандидаток, но теперь уже поздно о них мечтать. На третьей попытке не должно быть осечки.

14.

Эпопея с Валентиной растянулась на четыре месяца. Жених ходил вокруг да около, носил цветы, гостинцы, даже пригласил невесту в ресторан, но уговорить Валентину прописаться у него и перейти на жительство в его квартиру никак не удавалось. Она говорила почти слово в слово то же, что и две предыдущие «невесты».

-Это всё детки. Наследнички чёртовы! Это их работа. Сбивают с толку своих мамаш. Надо и вправду искать «сироту». Аннушка-то была права.

Хотя, какая она Аннушка. Анька – шлюха, да и всё. Но в одном она права – обмануть даже дурака не просто. Но она-то меня окрутила, чёртова баба! Да, видно и в самом деле глуп стал. Старость что ли накатила? Нет, врешь! Овец на мой век ещё хватит. Может, не надо про Саров говорить, это их пугает. Надо предлагать обмен через продажу – здесь, в нашем городе. Да! – обрадовался жених. – Будем продавать, чтобы обменять мою и её квартиру на трёхкомнатную. Продажу начнём с квартиры невесты. Обмен – дело хитрое, в любой момент всё разладиться может. Да-да, это будет более реально и не так пугающе, как переезд в чужой город. Остаётся только найти невесту. Найдём!

Сделав перерыв на несколько дней в трудной «работе», он успокоился. Перечитал все газеты с объявлениями о знакомствах и решил, что здесь как раз и прячется его «поле чудес». Огромное количество «невест» искали через газетные объявления свою «половину», предлагая немислимые блага будущему жениху. Он позвонил по одному из телефонов брачных агентств. Но очень скоро выяснилось, что двигаться по этому пути – занятие пустое.

Знакомиться хотели либо ушлые хитрые бабёнки, типа Аннушки, либо тормозные старушки, мечтающие о небесной любви и не желающие

слышать ни о чём другом. Все его попытки на «поле чудес» провалились одна за другой. Пришлось снова обратиться к литературной тусовке. Неожиданно он обнаружил там один весьма интересный вариант – дама без наследников, но с недавно образовавшимися деньгами – наследством от бабушки.

-Ну, что, брат? Кажется, это то самое, что ты искал. Главное, не упустить!

ГЛАВА 2. Мусорный ветер.

1.

Кто-то настойчиво звонил и стучал в калитку высокого забора.

-Сейчас, уже иду, - крикнула Марина, спустилась с крыльца и прошла по широкой тропинке, выложенной гранитом, мимо густо пахнущих бордово-жёлтых бархоток.

Откинула засов, открыла тесовую дверцу. За ней стоял с букетом ромашек Вова Иванович, известный в литературных кругах как надзиратель от каких-то там важных структур. Правда, поговаривали, что он давно на пенсии, но каким-то красным удостоверением очень любил щеголять. Вытащит эту книжицу из кармана, помашет перед глазами кондуктора в трамвае или где-то в

присутственных местах, и спрячет, преисполненный важности.

-От меня-то что ему нужно? – подумала Марина. – Пришёл собрать матерьяльчика для досье? Так у меня ничего интересного не происходит.

-Мариночка! Здравствуй! Можно в гости напроситься?

-Проходите, Вова Иванович, - сказала Марина, с трудом выговаривая странное имя пенсионера.

-Мариночка! Цветы тебе. Поздравляю!

-С чем же поздравляете?

-С получением наследства, конечно.

-Вы, как видно, в курсе всего и вся?

-Слухом земля полнится. Но я пришёл по другой причине. Честно скажу – больше не могу скрывать свои давние чувства.

Марина пропустила мимо ушей это странное заявление, сделала вид, что не расслышала:

-Проходите, проходите. Сейчас чайку попьём. Я как раз печенье испекла.

Нельзя было сказать, что Марина рада неожиданному гостю – скорее наоборот. Этот тип всегда вызывал у неё чувство брезгливости. Но не выгонять же его, раз пришёл.

Она усадила шустрого Вову за стол, налила чашку чая, пододвинула сахарницу, вазу с печеньем.

-Пейте чай, пока горячий.

Вова отхлебнул из чашки, отведал печенья.

-Мариночка! Ты волшебница. Печенье очень вкусное.

-Я рада.

-Мариночка! У меня к тебе предложение.

-И какое же?

-Руки и сердца, - сказал Вова. Опустился на одно колено и приложился к ручке дамы.

Марина еле удержалась, чтобы не засмеяться – так нелепо выглядел лысый Вова в роли жениха.

-Вы большой шутник! – весело сказала она.

– Я оценила вашу шутку.

-Это не шутка, Мариночка!

-Вот как?

-Да-да, я предлагаю брак и надеюсь на взаимность. Ты – одна. Я – тоже. Интересы у нас общие – литература. Мы будем хорошо понимать друг друга.

-Ну, да, - удивлённо произнесла Марина. - Но ведь этого мало для брака.

-Обещаю тебе поддержку во всем, ты же знаешь – я многое могу. Ты ни в чём не будешь нуждаться.

-В общем-то, я не об этом.

-Да-да, конечно. Ну, ты же знаешь, что я тебя люблю, Мариночка, - просиял Вова всеми своими морщинами.

-Но даже если так, всё равно для брака не достаёт ещё одной малости.

-Я готов на всё! Что ты хочешь?

-Вы меня не поняли. Я говорю о себе. Я к вам хорошо отношусь, но до любви, как вы понимаете, весьма далеко.

-Ах, я старый болван! Конечно, конечно! Но я сделаю всё, чтобы ты меня полюбила. Поверь мне!

Марина сделала серьёзное лицо, подобающее случаю, и сказала то, что, видимо, и ожидал настойчивый жених:

- Я подумаю над вашим предложением. Но пока ничего обещать не могу, - добавила она на всякий случай.

-Конечно! – радостно воскликнул Вова. – Торопиться некуда. Но знай, что мы можем обменять твой домик с доплатой на хорошую квартиру в центре. Я тебе помогу. Если же домик продать и добавить денег, то купить квартиру ещё легче, чем обменять. С моими возможностями всё будет легко. Новая квартира, семейное счастье – что ещё нужно в нашем возрасте?

-Вот уже и моим имуществом распорядился,
- подумала Марина, не зная, как, наконец,
отвязаться от пожилого ухажёра, а вслух сказала:
«Ну, да. Ну, да. Но мне уже пора идти. Меня ждут
в типографии».

-Понял. Исчезаю. Но очень надеюсь на
понимание.

Вова откланялся и заспешил к выходу.
Марина проводила его до калитки. Когда дверца
захлопнулась, она облегчённо вздохнула.

-Слава богу! Надо же – как муха на мёд
прилетел за добычей. Смешно! Но ведь этот тип
придёт ещё, и будет доставать в надежде на
прибыль. Ну, что тут можно поделаться – это его
сущность. Да и чёрт с ним!

2.

Марина и в самом деле собиралась продать
свой домик и купить квартиру. Но допускать
хитрого Вову к своим делам и не помышляла.
Точно знала – надо всеми возможными путями
избежать его настойчивой «помощи». Понимала –
этот «сотрудник» поможет так, что мало не
покажется.

Вернулась в дом, присела на диван. Нашла
в газете телефоны одного из жилищных агентств.
Об этой организации не раз слышала хорошие
отзывы. Сообщила, что хочет продать дом и
одновременно купить квартиру. Её пригласили

прибыть с документами на улицу Советскую, где находилось агентство.

Вскоре ей позвонили и сообщили, что есть покупатель на дом. Нашлась и квартира, которую продают по приемлемой цене. Дали телефоны покупателя дома и продавца квартиры.

Марина созвонилась с этими людьми, договорилась, что во вторник вечером будет ждать покупателя. Он собирался посмотреть дом. А в среду нужно было ехать смотреть квартиру.

Всё сложилось, как нельзя лучше. Мужчина, который хотел купить дом, дал задаток. И Марина отправилась на переговоры о квартире уже с деньгами. Встретиться с продавцом договорилась на площади у магазина «Детский мир».

Марина подъехала к остановке точно в назначенное время. У афишной тумбы стоял мужчина лет сорока, явно ожидая кого-то.

-Это мой продавец, - решила Марина и не ошиблась.

-Здравствуйте, я Игорь, - представился мужчина. – Ну, что? Идём смотреть квартиру, так я понимаю?

-Конечно. А почему вы сразу не дали мне адреса?

-Хотел сначала посмотреть, кто придёт. А вдруг на встречу явились бы какие-нибудь «братки»?

-Но ведь мои координаты находятся в агентстве. Если что, они свидетели. Но хочу сразу сообщить вам, что я не грабитель, а обыкновенная законопослушная гражданка.

-Вижу, - улыбнулся Игорь.- Идёмте на смотрины.

-Далеко идти? – поинтересовалась Марина.

-Примерно, две остановки. Пойдём пешком или поедем?

-Ехать, как я понимаю, придётся на тридцать девятом номере. А этот автобус ходит редко. Дольше прождём.

-Хорошо. Идём пешком.

3.

Квартира понравилась Марине. Она впервые увидела такую интересную планировку в однокомнатной квартире. Кухонное окно выходило на фасад здания, на восход. Окно комнаты – на противоположную сторону дома. Вид из окна кухни – на город. Весь город, как на ладони, с высоты девятого этажа. Окно комнаты смотрело на закат, на увал, поросший деревьями и диким кустарником. Дальше взгляд уходил в поля, где в ромашковом царстве гудела железная дорога. Марина даже успела увидеть вдали длинный товарный состав, убегающий за горизонт.

-Квартира для поэта и романтика, - подумала она. - Просто подарок!

-Ну, как? Что скажете? – спросил Игорь.

-Если вы не против, я могу дать задаток прямо сейчас. Или завтра оформим это в агентстве – как хотите.

-Я не против, но квартира не приватизирована. Вроде пока задаток не полагается. Но под расписку с двумя понятыми это сделать можно и без участия агентства. При этом ваш риск больше, чем мой. А вдруг я возьму деньги, а продавать квартиру передумаю.

-Но вы же не передумаете?

-Да нет. Я давно всё решил, квартиру продаю точно. Только какое-то время сначала уйдёт на приватизацию. И только потом будет оформляться сделка. Ну, что? Будем писать расписку на задаток?

-Свидетелей найдём?

-Конечно, есть же соседи.

Игорь привёл соседей откуда-то с нижних этажей и написал расписку. Свидетели расписались внизу листа. Марина вручила ему деньги.

-Завтра иду в агентство, начнём приватизацию, - сказал Игорь. – Буду держать вас в курсе!

Игорь понравился Марине – ни тени фальши не заметила она в этом парне. И не ошиблась. Ещё не раз пришлось порадоваться,

что продавцом оказался именно этот человек. Продажа-покупка жилья – долгая история. В ней сокрыто много прелестей для жуликов. И не дай Бог, попасть на мошенника в таком деле - мигом останешься ни с чем.

-Главное теперь, чтобы этот хищник Вова не узнал о моих делах, - думала Марина. – Со дня на день позвонит, будет интересоваться, что я решила. Не возжелала ли стать его второй половиной.

Через два дня Вова, действительно, позвонил – напрашивался в гости. Спросил, не решилась ли Марина на семейное счастье. Марине удалось уйти от разговора и непрошенного гостя – сослалась на занятость: лето, огород, заготовки на зиму и т.д.

-Поговорим позднее, ближе к осени, - предложила Марина.

-Да-да, - с готовностью согласился Вова. – Но я буду звонить, Мариночка. Я же не могу без тебя. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

-Звоните, - сказала Марина и положила трубку. – Вот чёрт! Так и знала, что эта дрянь будет лезть в каждую щель, пытаться контролировать каждый шаг. Жадность и желание скорее поиметь прибыль – вот его двигатель. Вечный двигатель. Ладно, будем сочинять обстоятельства так, чтобы как можно дольше не

встретиться с этим контролёром. Может быть, просто послать его и всё? Нет, гадить начнёт. Знаю я это сокровище! Поскорее бы прошла приватизация квартиры, чтобы этот дятел не успел вмешаться.

4.

Через день Вова снова висел на телефоне.

-Мариночка! Как у тебя дела с продажей дома? Или ты решилась на обмен?

-Я пока ни на что не решилась. Пока некогда. Вот уберу урожай, закончатся все огородные заботы, тогда и подумаю, что делать.

-Конечно, Мариночка. Проблемы надо решать по мере их поступления. Но ведь цены на квартиры растут. Ты не забывай, что я в твоём распоряжении. Помогу, ускорю, что смогу.

-Спасибо. Я помню об этом.

-Ты знаешь, удобнее, конечно, дом продать и купить квартиру. Это проще и быстрее, - заботливо сообщил Вова. – Дом продашь, переедешь ко мне. Квартиру будем покупать вместе. В таких делах нужен надёжный тыл. Знаешь, сколько жуликов вокруг!

-Не знаю, но догадываюсь. Наверное, вы правы.

-Ещё как прав. Так что, Мариночка, я готов обеспечить тебе хороший тыл. Одна голова – хорошо, а две – всегда лучше.

Марина чувствовала, что Вова звонит не просто так – наверняка, уже вызнал кое-что. Собрал информацию по своим служебным каналам. Видимо, так оно и было – приватизация квартиры застряла, затормозилась. Дело не двигалось с места – то справка БТИ затерялась, то чиновник заболел, то срок справки закончился – надо снова оформлять. А значит, снова ждать и ждать. Марина решила не суетиться – всё равно рано или поздно отговорок у чиновников не останется. Отказать в приватизации они не могут – это нарушение закона. Могут лишь с подачи Вовы затормозить продвижение бумаг. Но не может же это продолжаться вечно. Когда-то всё свершится так, как предусмотрено законом. Одно было хорошо – Игорь спокойно относился к этим проволочкам.

-На каждое действие есть противодействие, - говорил он. – Пусть! А мы подождём. Квартиру мне всё равно продать нужно. Может быть, всё так медленно движется потому, что взятки не даём. Но этого делать не будем. Чиновники зарплату получают, вот пусть за неё и делают всё, что положено.

О мошеннических усилиях Вовы Марина ничего не рассказывала – зачем расстраивать Игоря, усложнять отношения. Вдруг он

занервничает, откажется от сделки. Пусть всё идёт, как идёт.

Игорь даже предложил Марине переехать в квартиру досрочно. Он в ней не жил – находился всё время в семье по другому адресу. Квартира пустовала. И это особенно радовало Марину. Если бы Игорь жил здесь, прохиндей Вова давно нашёл бы его и постарался расстроить сделку – без него никто бы и чихнуть не имел права. Ведь для этого «чёрного риэлтора» главным было – поставить Марину в зависимость от себя, любимого, могущественного «сотрудника». Тогда вся информация пошла бы только через него. Кто владеет информацией, тот и деньгами распоряжается.

Марина понимала всё это, но ей не оставалось ничего другого, как делать вид, что пока нет причин для беспокойства.

-Да, старый пустоголовый дятел, - думала она, - ты жутко не профессионален и патологически самоуверен. Все твои заготовки шиты белыми нитками. Я, конечно, совершила глупость – поделилась с подругой, рассказала о наследстве. Слово – не воробей, уже не поймашь. Если бы молчала, этот старикашка ничего не знал бы. Теперь же остаётся одно – обыграть этого мошенника. Жаль, что так

получилось, но ведь я понимаю, что происходит. Значит, вооружена.

5.

Шесть месяцев тянулась канитель с приватизацией квартиры – уже в два раза дольше, чем это бывает обычно. Из хвастливых намёков и загадочного поведения Вовы следовало, что всё это – его работа. Однако, ресурсы резинщиков уже заканчивались. Агентство сообщило Марине, что уже пора оформлять сделку. Дата этого события два раза отодвигалась по разным причинам, вернее отговоркам, но всё-таки этот момент наступил. Они с Игорем подписали договор купли-продажи. Игорь получил деньги, Марина – квартиру на любимом девятом этаже.

В тот же день позвонил Вова, напрашивался в гости. Марина с удовольствием, может быть, с несколько наигранной радостью сообщила, что ей некогда – надо переезжать на новое место жительства. Старикашка долго поздравлял с удачным приобретением, предлагал помощь в переезде. Марина как наяву видела все его ужимки и прыжки там – на другом конце провода. Сморщенный бес с облезлым хвостом совершал ритуальный танец с телефонной трубкой в руках.

-Я позвоню вам, - сказала Марина, - упакую вещи и позвоню. Если будет надобность.

-Но я могу помочь и с упаковкой вещей.

-Тут я и сама управлюсь – не так уж много у меня имущества, - сообщила Марина и продолжила мысль специально для настырного Вовы. - Мы должны быть свободны в этом мире. Зачем поэту, вольной птице, обременять себя земным грузом. Зачем весь этот хлам?!

-Согласен, согласен, Мариночка. Ты – умница, - Вова был почти счастлив от духовного родства с будущей супругой.- Кстати, ты можешь переехать сразу ко мне. Зачем тебе лишний переезд?

-Я думаю, нам пока рано делать такие шаги. Скоро только сказка сказывается. Правильно?

-Ничего. Я подожду.

-А я по-прежнему ничего не обещаю.

-Мариночка, ты просто устала. Поговорим позже.

-Вот это верно. Тем более что мне, действительно, некогда.

Марина быстро, в течение двух дней, упаковала вещи, заказала транспорт, грузчиков и перебралась в новую квартиру. Вова каждый день звонил, интересовался, как идут дела. Марина надеялась, что после переезда Вова хотя бы на какое-то время потеряет её из вида. Но не тут-то было. Не успела кое-как распаковать вещи, зазвонил телефон. Это был Вова, он уже знал новый номер Марины.

-Мариночка, поздравляю тебя с новосельем! Я очень рад. У нас теперь две квартиры. Но ты зря затаскивала вещи на девятый этаж. Ведь после регистрации мы будем жить вместе. Я надеюсь на это. Если бы ты знала, как я устал быть один, - доверительно сообщил Вова.

-Сочувствую, - сказала Марина. - Но до регистрации, думаю, ещё далеко. Кроме того, я уже говорила, что ничего обещать не могу. Я пока не собираюсь создавать семью.

Вова, словно не понимая сказанного, жизнерадостно продолжил:

-Но новоселье-то мы отпразднуем вместе?

-Если я буду что-то праздновать, постараюсь сообщить вам. А может быть, обойдусь и без новоселья.

Марина решила, что пришла пора расставить точки над «и». Пора дать понять этому «риэлтору», что все его предложения поняты абсолютно правильно. Он, конечно, и дальше будет делать невинное лицо, но это уже - его проблемы, как сейчас говорят. Вот *что* последует дальше, как поведёт себя престарелый аферист – это вопрос.

6.

Новоселье Марина решила устроить в мае. Девятого числа городские литераторы группой выступали на праздновании Дня Победы.

Микрофон установили на площади у набережной, где всегда проходили майские дни, посвящённые ветеранам войны.

А потом все поехали к Марине. Вова с воодушевлением бежал впереди группы. В доме уселся на главное место – в торце стола, где обычно сидит виновник торжества. Он себя таковым и чувствовал. Вёл себя по-хозяйски, показывая братьям и сестрам поэтам, что он в этом доме – не последний человек.

Марина с интересом наблюдала это цирковое шоу. Когда все засобирались по домам, Вова демонстративно остался, провожал каждого до выхода, прощался, словно хозяин дома. Марине было смешно, но она решила досмотреть представление до конца. Было даже интересно, что увидит дальше?

Выпроводив последнего гостя, Вова кинулся обнимать Марину.

-Можно тебя поцеловать? В щёчку хотя бы.

-Вова Иванович. Присядьте, надо поговорить, - отстранилась она. – Вы помните наш первый разговор, да и потом было то же. Я вам никогда ничего не обещала. Ни продажи квартиры, никакого замужества нет в моих планах.

-Плохое настроение? Я понимаю – переезд и прочие заботы. Ты отдохнёшь, и всё изменится.

-У меня очень даже хорошее настроение. Я купила квартиру. Она маленькая, но мне нужна именно такая. Так что у меня всё в порядке. Дело не в настроении и не в усталости. Дело совсем в другом. Мои планы никак не совпадают с вашими. Это факт, и вы должны это понять. И ничего со временем не изменится. Мы разные люди, и пути у нас разные.

-Мариночка! – задушевно взял её за руку Вова. – Мы очень подходим друг другу. Мы одиноки. А в одиночку человеку жить трудно. Тем более женщине. Ты же знаешь, что идёт охота за одинокими людьми. Могут подослать мужика – под разными предложениями. И не заметишь, как окажешься в ловушке: отравят, лишат здоровья, а то и жизни. Методов у них много.

-У кого это – у них?

-У чёрных риэлторов, конечно. Ну, ты же смотришь телепередачи, слушаешь радио. Защита нужна и тебе, и мне. Будем поддерживать друг друга. Иначе нельзя. Годы идут, молодости не прибавляется, здоровья тоже. Шансы уменьшаются.

-Шансы на что?

-На создание семьи, конечно.

-Вова Иванович! Я уже говорила, что никакой семьи создавать не собираюсь. Я пока справляюсь сама со своими проблемами. Так что

квартиру продавать не планирую. Замуж не тороплюсь. Я привыкла жить одна, и до сего дня у меня не было никаких подобных забот – какие-то дилеры, подсадные утки и прочая ерунда. Даже думать не хочу на эту тему. Пусть, кто хочет, живёт в таком дурдоме, а я погожу.

-Ну, хорошо. Но попробовать жить вместе мы можем?

-Вот тогда-то ты и развернёшься, а я окажусь в той самой ловушке, - подумала Марина и сказала нарочито грубо:

-Нет, и пробовать нечего. Я не собираюсь ни к кому приспособливаться. Хозяйки дома из меня не получится. Я целыми днями пишу или читаю. Занимаюсь только собой, только своими делами. И меня это устраивает. Менять привычки не собираюсь.

Вова нисколько не смутился, всё так же бодро улыбался и уходил, похоже, не намереваясь. Схватил Марину за руку и продолжил с пафосом:

-Обещаю, что ты будешь заниматься своими делами. Все заботы по дому возьму на себя. Я всё умею – и борщ варить, и стирать, и уборкой заниматься. Мне от тебя ничего не нужно – только ты сама. Неужели ты не понимаешь, что я тебя люблю.

Лысина его блестела, глазки увлажнились, длинный нос покраснел – за столом он явно перебрал водочки. Друзья-поэты и поэтессы почти не пили, а Вова на правах хозяина опустошил две бутылки огненного зелья. Вот теперь его и развезло.

-Эк, тебя разбирает! Так и хочется хозяином стать. Привык чужими жизнями распоряжаться, - удивлялась Марина, а вслух сказала резко и решительно:

-Вова Иванович! Мы слишком разные люди и никогда не будем вместе.

Она намеренно подчеркнула слово «никогда», надеясь, что старикашка, наконец, опомнится. Но не тут-то было.

-Ты же знаешь, что я тебя люблю и не теряю надежды. Мы ещё вернёмся к этому разговору.

-Наверное, нет, - спокойно произнесла Марина. - Обсуждать-то нечего.

-Всё может быть в жизни. Сегодня ты говоришь так, а завтра всё изменится, - пьяно ухмыльнулся Вова.

Марина поняла, что он готов поменять стратегию.

-Теперь начнётся шантаж, - подумала она. – Ведь песок сыплется, восьмой десяток пошёл,

даже лысина сморщилась, а всё считает себя хозяином судьбы, собирается жить вечно.

Кое-как выпроводив совершенно распоясавшегося «гостя», Марина решила больше никогда не приглашать его в свой дом. При выходе Вова демонстративно осмотрел дверь, потрогал замки, подмигнул пьяно и весело. С каким-то утробным смешком покатился по лестнице, качаясь из стороны в сторону на кривых ногах.

-До свидания, – крикнул снизу. – До скорого!

7.

Марина подошла к остановке автобуса. Там стояла, прикрываясь от солнца козырьком цветной кепочки, аккуратная старушка.

-Скажите, а восемнадцатый автобус хорошо ходит? Сколько мне его ждать? Или лучше идти на трамвай? – спросила бабуля.

-Ходит, интервал где-то минут пятнадцать. Так что можете подождать.

-Спасибо. А то я город ещё не очень хорошо знаю. Приехала сюда недавно – племянник вызвал за внуками поухаживать.

-Понятно, - сказала Марина, удивляясь странной разговорчивости незнакомой бабушки. Обычно так вели себя попрошайки: сначала душещипательный разговор, потом – просьба дать денег.

-А вы тут давно живёте? – не умолкала старушка.

-Всю жизнь.

-А я вот на старости лет переехала, и не очень удачно. Племянник-то звал, звал – я квартиру продала в Дзержинске, приехала к нему. У него свой дом в Заречье. Пожила с ними полгода – нет, привыкнуть не могу. У них шум, музыка, внуки бегают. Трудно так жить. Пожалела, что квартиру продала, но делать нечего. Покупать пока жильё не хочу. Вот сняла комнату в квартире у одной бабушки. Живу. Пока нормально.

-Ну, что ж, - сказала Марина. - Жизнь есть жизнь. Всякое бывает.

-За комнату плачу исправно – ещё месяц не прошёл, а я уже отдаю тысячу. Денег-то у меня достаточно – с продажи квартиры выручила. В Дзержинске квартиры много дороже, чем здесь. Да и пенсия у меня хорошая.

-Да-да, рада за вас, - Марина удивлялась всё больше. - Непонятно было, зачем эта бабка рассказывает первому встречному про свои удачные дела.

-По образованию я филолог, - не замолкала бабуся. - Люблю литературу. Мой любимый поэт Борис Леонидович.

Тут Марина, кажется, начала кое-что понимать, но вида не подала. Кивнула в ответ и сказала:

-А вот и автобус идёт.

Автобус подошёл почти пустой. Два пассажира выбрались наружу, Марина быстро вошла и уселась на одиночное сидение, полагая, что назойливая собеседница, наконец, отстанет. Но бабуся тут же уселась у неё за спиной и тронула Марину за плечо.

-Так вот, Борис Леонидович. Я, конечно, имею в виду Бориса Пастернака.

Марина, молча, слушала.

Бабуся, прищуриив бесцветные глазки, вдруг начала читать нараспев:

-Мело, мело по всей земле,

Во все пределы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

Как роем летом мошкара

Летит на пламя,

Слетались хлопья со двора

К оконной раме...

Марина сбоку внимательно наблюдала за неожиданным концертом, но не говорила ни слова.

Бабуся декламировала текст, явно ожидая поддержки темы, но Марина сказала только:

-Да-да, у вас хорошая память.

Марина поняла, что её провоцируют на душевный разговор, а далее последует просьба пустить интеллектуалку на квартиру.

-Так-так, Вова не дремлет. Хорошо подготовил диверсанта и решил забросить в тыл врага – то есть в квартиру Марины. И приманку разбросал – регулярная плата в тысячу рублей, совпадение интересов. Как же – бабуся знает самого Бориса Леонидовича наизусть – такое нечасто встречается. По его плану Марина должна была просто броситься на эту бабушку, умолять её поселиться вместе с хозяйкой в новой квартире.

-Грубо работаете, неуважаемый,- сказала про себя Марина, а вслух объявила: «Извините, но я уже выхожу. Сейчас моя остановка. Всего вам доброго».

Бабуся было рванулась за Мариной, но сообразила, что будет выглядеть более чем странно. Марина мельком отметила, как изменилось лицо пожилой интеллектуалки – бесцветные глазки сверкнули колюче и злобно, губы превратились в скобочку. Она стала похожа на собаку, промахнувшуюся при ловле брошенной сосиски. Лакомство ушло прямо из-под носа.

Марина вышла на первом участке, вдохнула свежий воздух. Было такое впечатление, что стянула с себя мокрицу – противно, мерзко, гадко. Но в то же время и смешно – настолько очевидным был этот спектакль. Бабке нужно было для начала лишь зацепиться за что-то для продолжения знакомства. Разговорись Марина о своём любимом поэте Пастернаке, и – пошло, поехало, как по маслу. Слово за слово, а разговор с поэзии уже и на жизнь перешёл. Вот Марина поверяет милой бабушке все свои сердечные тайны, рассказывает о своих проблемах. Так и до полного доверия недалеко. Глядишь, бабуся лучшей подругой бы стала. А там и до приглашения в гости недалеко или совместного проживания - ведь бабушка осталась без жилья. А почему бы такого ангела, любительницу поэзии, не принять как родного человека. Ведь родство душ – более чем кровное родство.

-Ну и логика у тебя, красавец ты наш, Вовочка, - думала Марина. - Дубовая логика. Как, впрочем, и ты сам. Одним словом, бессмертный дятел. Действует нагло, считая Марину круглой душой. Сам пустоголов, и подручные такие же. Сам «тормоз», а шестёрки ещё хлеще. Но надо быть начеку. Неизвестно, что он придумает ещё.

И продолжение не замедлило явиться в лице интеллектуала Кидалова. Этот толстяк на

пятом десятке лет решил вдруг записаться в филологи – поступил на первый курс филфака. Стал постоянным участником литературных тусовок. Являлся, имея всегда наготове мнение на ту или иную тему – в зависимости от того, что в сей момент студенты проходили по программе.

8.

Кидалов обратился к Марине – просил взять в редколлегию местного издания. Ему нужен был опыт работы в редакции. Ничего особенного в его просьбе не просматривалось – многие студенты таким образом проходили практику. Марина согласилась.

Кидалов некоторое время исправно добывал материалы для журнала, обрабатывал, приносил Марине. Они подолгу обсуждали творения каждого автора. Великовозрастный студент производил впечатление неглупого и даже интересного собеседника. Бывал он и дома у Марины. Она помогла ему с набором текста одного из рефератов.

Однажды Кидалов приспросился продать ему старый компьютер, который без дела пылился в углу.

-А почему бы и нет? – сказала Марина.

-Только денег у меня пока нет.

-Отдадите, когда будут.

Марина включила компьютер, почистила диск – убрала все файлы, которые ещё оставались – все они давно были перенесены на новый носитель в другой компьютер.

-А рисунки – они будут нужны? Или стереть их, чтобы не занимали места на диске?

-Что за рисунки?

Марина показала Кидалову часть рисунков, заложенных в папку «Мои рисунки».

-Вы знаете, давайте оставим их. Вдруг пригодятся, - сказал студент.

-Ну, хорошо. Пусть остаются. Всё. Вот системный блок, монитор, клавиатура.

-Я вам очень благодарен, постараюсь как можно быстрее набрать нужную сумму. Так я забираю компьютер?

-Забирайте, - согласилась Марина.

Кидалов упаковал агрегат в коробку и отбыл домой.

С этого дня с ним произошла странная метаморфоза. Этот великовозрастный студент пытался, не скрывая намерений, предлагать себя Марине. Она сначала неслыханно удивилась, а потом, поразмыслив над происходящим, поняла: Кидалов делал попытки расплатиться за компьютер не деньгами, а натурой. Собственной натурой. Что-то нескладное было во всей этой истории. Но, в конце концов, сопоставив факты,

Марина поняла – это очередная подсадная утка от Вовы.

Несколько раз она видела Кидалова, выходящего из подъезда, где жил перспективный «жених» - бессмертный пастырь народных масс. Скорее всего, Кидалов получил задание – войти в доверие, а затем и в дом Марины.

-Да, неизобретательно и однообразно, - думала она. – Но, может, это и к лучшему? Скоро я сохodu буду отличать этих «шестёрок» от нормальных людей.

Кидалов ещё некоторое время пытался читать Марине лекции о пользе сублимации половой энергии, все поминал то Фрейда, то выдвигал в качестве идеала женщины красавицу Медею, убившую детей ради мужа, но скоро понял, что его тактика разгадана. И вдруг куда-то исчез. Оказалось – студент впал в очередной запой. Выяснилось, что этот катаклизм случается каждые два месяца - с неотвратимостью цунами. А бывает с ним и нечто похуже... Однажды Кидалов позвонил Марине и заплетающимся языком сообщил:

-А вы знаете, что отсутствие хороших отношений со мной вредит и мне, и вам?

Нотки важности и превосходства, многозначительные паузы украшали его невнятную речь.

-Вот как? – сказала Марина. – А ты кто такой, чтобы навредить мне? Ты – «шестёрка» и не более того. Алкоголик, хам и аферист.

-А вы знаете о том, что я восстановил все файлы, которые вы уничтожили. Так что ваши сочинения теперь у меня в руках. Почитаю на досуге, и не я один.

-Ну, ты и дерьмо!

-А вы думали! Интересно, сколько нужно времени писателю, чтобы понять, с кем он имеет дело?

-Уже поняла, но если будешь хамить, я посажу тебя. В компьютере стоит моя личная программная метка, о которой знаю только я. В два счёта докажу, что ты вор. И твои покровители не помогут.

Кидалов тут же положил трубку, и больше Марина не слышала ни разу его запойного бреда. Но понимала, что арсенал «дятла» Вовы не исчерпан, и дело этим не кончится. Этот бессмертный кадр будет стараться загнать Марину в ловушку, чтобы она была вынуждена прибегнуть к его «помощи». Либо сделать так, чтобы его «шестёрки» всё же смогли ограбить её.

-Ну, это мы ещё посмотрим. Он думает, что я – овца. На этом и погорит, - вслух сказала Марина. – Надо внимательнее присматриваться к людям. Анализировать каждого. Ничего другого не

остаётся. Сейчас такие времена, что деграданты - везде, расширять круг знакомств не стоит вообще.

9.

Трамвай качало, может быть, потому, что вагон был почти пустым. Марина смотрела в окно – наблюдала за собакой. Белая дворняжка с чёрными ушами и хвостом остервенело лаяла на бегущий трамвай, неслась рядом с вагоном и никак не хотела отстать. Вагончик катился под гору по району, который называли «частный сектор» - деревянные дома, сараи, заборы, огороды. Вдали полыхала оранжевым осенним пламенем заросшая деревьями и кустарниками высокая гора. Город тянулся вдоль неё в пойме большой реки.

Марина задумалась, глядя на мелькавшие за окнами аккуратные домики на фоне осеннего великолепия, поэтому вздрогнула от незнакомого голоса.

-Позвольте сесть рядом, - услышала она перекатывающийся тенорок.

Обернулась – рядом стоял плотный мужчина лет пятидесяти. Поправил очки и снова спросил:

-Так как? Можно?

-Странный вопрос - транспорт общественный, места – хоть отбавляй. Садитесь на любое сидение.

Мужчина, слегка покачнувшись, сел на свободное сидение рядом с Мариной.

- А познакомиться можно? – заглянул он в лицо Марине.

-А что, так уж приспичило, что надо знакомиться в трамвае?

Мужчина довольно засмеялся:

-Вот это вы точно заметили – приспичило. В гости хочется, а пойти некуда.

Мужчина говорил подчёркнуто невнятно, помогая себе картинными жестами.

-Спиртным от него не пахнет, - отметила Марина.

-Так как?

-Что, как?

-Насчёт гостей.

-Какие гости могут быть в рабочий день.

-Ну, да. Мне тоже завтра на работу. Но мы успеем.

-Что успеем?

-Хорошо познакомиться.

-Да мы уже познакомились – этого, я думаю, и достаточно.

-Вы так считаете? Вы ни-ког-да не зна-ко-ми-тесь в трам-ва-е, - протянул он.

-Никогда.

-А почему?

-А потому что, это скучно. Не успел познакомиться, а уже выходить.

-Вы уже уходите?

-На своей остановке, конечно, выйду.

-А можно я с вами?

-Интересно – куда это со мной?

-К вам домой.

-А мужа куда денем? – спросила Марина.

-Какого мужа? – оторопел ухажёр.

-Моего, родного. Он у меня здоровый, кулаки по пуду. Сейчас как раз дома.

-А разве есть муж? – уже совершенно чётко выговорил новый знакомец.

-А вы как думали?

-Ну, ладно. Я тогда пошёл.

-А как же гости? – засмеялась Марина.

-Ну, мы так не договаривались – муж дома, любовник в шкафу.

-Ну, да. У вас была другая информация?

-Друга-а-я, - удивлённо протянул мужичок и выскочил из вагона.

Ещё одна «шестёрка», - решила Марина. – Снова - бессмертный Вова. Я даже стихами заговорила. И как ему не надоест, неутомимый он наш. Альфонс семидесятилетний, чёрный риэлтор хренов. Решил любой ценой довести до конца начатое? Ну, что ж делать? Придётся играть дальше.

Марина понимала, что обращаться, например, в милицию сейчас, бесполезно. Что она предъявит им – сватовство Вовы, старушку-прилипалу, афериста Кидалова или трамвайного ухажёра? И это самое плохое в такой ситуации – человек остаётся один на один с шайкой аферистов. Ему можно надеяться только на самого себя. Да ещё на то, что идти на крайние меры, типа убийства, аферистам не выгодно. Им нужно получить доступ к документам на квартиру, нужна подпись владельца на дарственной или договоре продажи. Или - отнять деньги после продажи квартиры. Но если человек не собирается продавать квартиру, то его ещё нужно вынудить сделать это.

Марина рассудила, что следующим этапом в этой эпопее престарелый «дятел» изберет травлю. Постарается сделать жизнь Марины невыносимой. Логично было предположить это. И Марина не ошиблась. И не удивилась, когда её соседка по имени Луиза вдруг стала нагло следить, когда Марина уходит из дома, когда приходит. Вдруг высовывалась из двери и спрашивала:

-Вы надолго уходите? А когда вернётесь? А куда пошли?

Или интересовалась:

-Вы уезжаете?

По её наглому поведению было видно, что «крыша» имеется, и весьма существенная. Однажды в автобусе Марине довелось наблюдать, как бессовестно хамила кондуктору одна толстая дамочка, которая совала бедной женщине в лицо кусок картона с какой-то печатью. Пустые глазки, барское выражение лица, матерная речь – оказалось, что это сотрудник милиции. Вот так же примерно вела себя Луиза – нагло расспрашивала Марину о том, о сём, словно следователь, и при этом хитро, демонстративно улыбалась.

От этой картонной улыбки щёки Луизы уплывали куда-то за уши. А её имя, карикатурно прилепленное к фамилии «Капустина» становилось неприличным анекдотом. Марина, глядя на свою соседку, вспоминала знаменитую картину «Любительница абсента». «Любительница самогонки» – так хотелось Марине называть эту нелепую дамочку, которая никак не тянула на роль добропорядочной гражданки. А вот для роли пастуха чужой квартиры Луиза просто была рождена.

Марина подчёркнуто равнодушно отвечала на вопросы, но решила на всякий случай поставить сигнализацию в квартиру – бережёного бог бережёт.

Целый месяц с нетерпением ждала, когда охрана придёт для установки оборудования – у них пока не было каких-то комплектующих. Старалась, как можно реже уходить из квартиры, но это было ей даже на руку. Целый месяц, не отвлекаясь, Марина писала прозу. Проза требует времени, внимания, терпения.

-Я хотела написать эту повесть, вот Бог меня и усадил за стол. Значит, так тому и быть!

Она работала упорно, а время от времени, в короткие моменты отдыха подходила то к одному, то к другому окну. И не могла налюбоваться видом города, раскинувшегося далеко – казалось, до самого горизонта. Вечером светящиеся вафли высоток особенно празднично выделялись на тёмном фоне звёздного неба.

В другом окне сияла янтарём листопада ясная сухая осень. Алкашка Луиза, деградант Вова казались в такие минуты несуществующими фантомами, грязью где-то на обочине.

Когда пришли монтажники устанавливать сигнализацию, Марина намеренно открыла дверь шире, чтобы Луиза прочувствовала происходящее. Мадам Капустина не замедлила полюбопытствовать – что же происходит в соседней квартире?

-Вам что, кабель меняют? – спросила она басом, видимо, со вчерашнего бодуна.

-Нет, сигнализацию ставят, - улыбнулась Марина.

-И что, она будет работать?

-А как же.

-Вот люди – бросают деньги на ветер. У вас что, денег много?

-Да, - ответила Марина. - Я самый богатый в мире человек.

-Да ладно! – махнула рукой Луиза.- Если деньги есть, люди помалкивают об этом, а то не ровён час...

-Вот-вот, это вы правильно рассуждаете, - сказала Марина. – Логика железная.

-Логика железная, зарплата – золотая, - похвалилась Луиза.

-Так вы же не работаете, какая зарплата?

-А это я так, - проскрипела Луиза. - К слову.

Марина видела, что мадам Капустина не верит ей – в мозгах, пропитанных алкоголем, не укладывался такой вариант развития событий. «Что ещё за сигнализация?» - написано было на лице Луизы.

-Ну, теперь будут проверять, работает ли сигнализация, - подумала Марина.

Через несколько дней после отъезда к родителям, вернувшись домой, она нашла на кухонном столе акт вскрытия квартиры – сработала сигнализация.

-Ну, так и есть. Контролёры не дремлют. Надо как-нибудь пригласить милашку Луизу в гости, рассказать, что сигнализация работает даже тогда, когда нет электричества. Зато есть автономный источник питания. Надо показать этой «пастушке», что ничего ценного в квартире нет. Марина не считала нужным тратить на дорогую мебель, радио, видео и прочие земные блага.

-Много ли надо человеку на этой Земле? Всё своё ношу с собой, - Марина стояла на этом всю жизнь.

Никогда не завидовала богатым чужим домам. Никогда не видела смысла в богатстве. Да и вообще никому не завидовала.

-Да, - думала Марина. - Плешивый Вова не учёл того, что мне пришлось одиннадцать раз менять место жительства, много раз продавать и покупать жильё, десятки раз сталкиваться с мошенниками. Нет худа без добра, и наоборот. Теперь у меня такой мощный опыт – просто иммунитет против аферистов. Так что, привет тебе, чёрный риэлтор, Вова. Не такой ты и чёрный. Скорее, облезлый.

Но Марина понимала – арсенал престарелого «дятла» неисчерпаем. Эти «птички» всю жизнь, при социализме, занимались так называемыми диссидентами. Правда, сейчас выяснилось, что диссидентами были как раз

нормальные люди, в отличие от «пернатых». Запуская поток нечистот, они делали жизнь человека невыносимой и вынуждали его стать эмигрантом. А сейчас эти методы «борьбы» им служат для охоты за одинокими владельцами квартир.

Вова занимался как раз вот этим – делал всё, чтобы выжить Марину из квартиры, вынуждал её к продаже или обмену. Или пытался заставить для начала обратиться за «помощью» к благородному «защитнику». А дальше – уже дело техники.

Марина удивлялась, как это Вова до сих пор не использовал такую простую вещь, как «поносная критика» - заказные разгромные статьи в печати. При социализме это убойное оружие похоронило не одного литератора. Но всему свой черёд - пришло время и для «критики».

11.

Волонтёры от литературы принялись за книги Марины. Но делалось это, как и полагается *стукачам*, закулисно. В писательскую организацию, в редакции краевых журналов, в газеты пошёл поток анонимных поносных писем в адрес её книг, ну, и автора не забывали поливать при этом. Конечно же, Вова, принимал в этой травле самое активное участие. Его почерк в этом

мероприятии был легко узнаваем. Но он являлся заказчиком.

Исполнителем же сего циркового номера стал бывший газетчик, который из тщеславия всё-таки подписывал свои подмётные письма давно забытым псевдонимом. Однако, люди, работавшие в городской газете, вспомнили этого персонажа и позвонили Марине. Так она и узнала имя великого «критика».

Для исторической достоверности следует привести в повествовании один из его пасквилей. Судите сами, что это такое. Великий критик не поленился облаять чуть ли не каждую строчку повести. Так и видно было, как после лая он ещё роет землю задними лапами, далеко отбрасывая ошмётки грязи. Воспроизводить полностью опус нет смысла — слишком однообразно и неизобретательно это было сделано. Вот самая характерная часть анонимного сочинения:

« Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца» - это цитата из повести. А вот комментарий критика: Как это нежный живой голосок может бормотать? (*Неправда ли, глубокомысленное замечание?*).

«Красочные ткани обвивают стройные ноги, то, сливаясь в одно целое, то, распадаясь на летучие лоскуты. Шехерезада, танцуя, удерживает руки на уровне гибкой талии, не

давая им спуститься туда, где бьёт вечным ключом источник сладкой муки. Лейтенант, не отрывая глаз, следит за плавными движениями точёных рук и тонких бёдер» - это цитата из текста. А вот комментарий «критика»: **В литературном выражении (!?)** бёдра могут узкими и широкими. Это – первое. Второе – если у девушки тонкие бёдра, то вы талию у неё не найдёте. Автор женщина и такие вещи должна знать.

(Не правда ли, ещё более глубокомысленное замечание? Особенно, что женщина должна знать про талию. Но критик-то мужчина и должен знать ещё лучше, что талия всегда есть. Кроме, разумеется, таких фигур, которые можно охарактеризовать как 130x130x130.)

«Однако при внимательном наблюдении, лейтенант понял, что это совсем другой человек - иная причёска, цвет волос, манера двигаться» - это цитата из повести. Здесь комментарий литературоведа просто поражае «глубиной» мысли: Он не «понял», а увидел, а «иная» может быть жизнь, культура и т.п. *(Как, однако, умно! Просто бездна образованности! Особенно в толковании слов «иной» - «другой»! Какое дело «критику» до того, что эти слова синонимы!)*

«Незнакомка, действительно, была копией Шехерезады и отличалась от оригинала только цветом волос и одеждой» - это цитата из текста. И снова сногшибательный комментарий Анонима: Как она может быть копией, если у неё иная причёска, цвет волос?

(Анониму-критику и в голову не приходило, что, сменив одежду и цвет волос и даже манеру двигаться, человек всё равно остаётся узнаваемым, остаётся копией самого себя. Что до этого, если зуд критиканства непреодолим!)

«Она стояла возле кровати почти обнажённая - только прозрачная сорочка, прикрывая, не прикрывала её юное девическое тело» - это цитата из текста повести. А вот образчик мудрого совета великого «критика»: Можно написать: в прозрачной сорочке она казалась обнажённой. *(Не правда ли, текст стал существенно лучше? А какая бездна художественности в этой фразе!)*

И вот так – на шести листах формата А4. И это был не единственный шедевр его критики – поток, фонтан! Прорвало, что называется.

-Просто Белинский какой-то! Интересно, сколько он заработал на этом задании? Хотя... Заработал, наверное, Вова, а критик скорее всего получил лишь большое моральное удовлетворение, - думала Марина.

Но по благоприятному стечению обстоятельств за одну из повестей как раз в это время ей была присуждена литературная премия. И критик на время замолк.

-Но, это, вероятно, не навсегда, - решила Марина.

И действительно, через некоторое время он вновь объявился с новой порцией своих критических «шедевров». Но Марина перестала обращать внимание и тратить время на эту возню – попросту не читала «чернухи». На писательстве и её издательских делах эта шелуха никак не сказывалась. Творческая работа давно стала независимой ни от кого, никем не финансировалась. С одной стороны, это было плохо – безденежье, невостребованность. А с другой стороны – свободное творчество давало очень многое, хотя бы возможность не зависеть от заказных «поносных» сочинений.

12.

К этому времени Вова, видимо решил, что Марина созрела и при его появлении просто бросится на шею «спасителю». Расскажет о своих бедах, попросит помощи. Если бы Марина не понимала, откуда дует *мусорный ветер*, может быть, так и случилось. Но она наблюдала это цирковое шоу, отлично зная, кто его режиссёр.

Вова явился в гости без предупреждения. Просто поднялся на девятый этаж и позвонил. Марина в этот день ожидала сантехника, поэтому открыла дверь, даже не спросив, кто там.

-Так, всё идёт по плану, - подумала она, еле сдерживая смех.

Вова начал издали:

-Мариночка! Я тут мимо шёл, решил заглянуть к тебе. Как ты? Как здоровье?

-Заботливый ты наш! – разозлилась Марина, но вслух сказала:

-На здоровье не жалею. Бог даёт.

-Да-да, я сейчас вот занимаюсь биодобавками. Есть очень хорошая - содержит селен. А селен – это мощная вещь – здорово помогает!

-От чего же помогает?

-От нервов, суставы лечит – да от всего помогает. Я же знаю, что творится вокруг твоей квартиры – обстановка неважная. Никаких нервов не хватит.

-Ну, да – ещё бы ты не знал о делах рук своих! – подумала Марина и спросила, улыбаясь:

-А что такое творится? Абсолютно ничего! Живу себе спокойно, да и всё! А вы откуда взяли, что обстановка какая-то неважная?

-Да так. Я же профи.

-Что-то сведения ваши больше, чем на двойку, не тянут. Видимо, «профи» - это уже в прошлом?

-Хорошо, хорошо, - быстро согласился «профи». - А как насчёт биодобавки? Селен – уникальный элемент.

-И где же продаётся это чудо? В какой аптеке?

-Продажа только через меня – я дистрибьютер.

Слово прозвучало почти непечатно, словно отборный мат. А дистрибьютер продолжал:

-Наша фирма долгое время работала только в крупных городах, а теперь пришла и сюда. Ну, как, надумала? Продам очень дешево.

-Вы знаете, я не верю в биодобавки. Предпочитаю добавлять к обеду яблоки и апельсины. В крайнем случае – витамины в драже.

-Жаль, жаль. Но у меня есть и поливитаминные биодобавки, и для снижения веса.

-Я не собираюсь худеть. Меня устраивает то, что есть.

-А как насчёт моего главного предложения?

-Это какого?

-Руки и сердца. Перебирайся ко мне. Мы заключим брачный контракт. Твоя квартира останется в твоей собственности. Если продадим

её, деньги тоже будут твои. Тебе не о чём будет волноваться.

-А я и сейчас не волнуюсь ни о чём. И квартира без всякого контракта мне принадлежит. Зачем мне какие-то другие бумаги?

-Все заботы по дому я возьму на себя. Тебе ничего не придётся делать.

-А я и сейчас не очень-то загружена. Сижу – пишу свои книги. Ни у кого разрешения не спрашиваю, в контракты не заглядываю, что мне позволено.

-Ну, я так – к слову. Не нужен контракт – значит, без него обойдёмся.

-Да уж. Придётся. И без контракта, и без брака. Я не собираюсь заводить новую семью. Мне хватило того, что было. Ничего другого не нужно.

Вова вдруг опустился на колени, при этом было видно, что поза нелегко ему даётся.

-Мариночка! – с пафосом воскликнул «профи». – Я люблю тебя. Не представляю своего будущего без тебя. Выходи за меня.

И поза плешивого жениха, и картинные речи – всё отдавало такой дешёвой фальшью, что Марина с трудом сдерживала смех.

-Ну, на эту тему мы уже говорили, повторяться не будем.

«Чекист профи» с трудом поднялся с колен, сверкнув маленькими злыми глазками – его чёрное

риэлторство никак не хотело становиться прибыльным.

-Хорошо, - сказал он. - Я подожду ещё. Надеюсь, ты передумаешь.

-Вряд ли, - Марина прямо и насмешливо посмотрела в его перекошенное лицо.

Жених откланялся и ретировался. При этом, как всегда, цепким глазом окинул замки на двери и коробку сигнализации.

13.

-Кушай свои ядовитые добавки сам, неутомимый ты наш,- сказала Марина, когда дверь захлопнулась. – Даже интересно, что ещё придумает этот «профи». Ясно, что мусорный ветер крепчает. Его фраза «я надеюсь, что ты передумаешь» - это, конечно, обещание «светлого» будущего.

И оно не замедлило явиться. Будущее было расцвечено мрачными красками телефонного террора. Телефон не замолкал ни днём, ни ночью. Детские голоса требовали к телефону Катю, Машу, Антона и т.п. Невнятные мужские и женские голоса бормотали что-то о бане, магазине, пилораме...Иногда в трубке просто молчали. Так продолжалось более месяца. Наконец, всё это надоело Марине. И она решила вопрос с телефонными «шестёрками» быстро и просто. Слава Богу, социализм давно закончился, и

магазины ломались от телефонного оборудования. Марина купила телефонный аппарат с определителем номера и перестала отвечать на неизвестные звонки. А трезвон продолжался. Звонили с разных номеров, но всегда – из двух районов города – из старого центра и с новостройки с романтическим названием «Полуостров». Там, видимо, в частном секторе и проживали алкаши, наркоманы, бывшие ЗК – любимые кадры Вовы, его чёрные подручные, информаторы, марионетки.

Видимо, эти подручные сообщили, в конце концов, своему патрону, что звонить бесполезно – ответа не бывает. И тактика телефонной игры заметно изменилась.

Вдруг с некоторых пор стала названивать Марине поэтесса Лидия – дама импозантной внешности, бывший сотрудник МВД. Кульминацией каждой беседы становилась новая сплетня о Марине. Якобы, всё это говорят многочисленные подруги, друзья, литературный бомонд. Ну, и недруги, конечно. За месяц плотного вынужденного общения с красавицей Лидией Марина узнала о себе столько нового, что если бы всё это сообщалось незнакомым людям, они могли посчитать Марину настоящим монстром.

В конце концов, Марина решила отодвинуть от себя мадам Лидию – пусть общается со своим

патроном Вовой. Ведь это он держал грязной лапкой дудку, в которую дула поэтесса из МВД. Кстати, там, в этой славной системе, она проработала все свои лучшие годы. А оттуда на пенсию, как известно, не уходят. Просто меняют статус – пожизненно становятся «дятлами».

-Пора завершить этот цикл бесед при ясной луне, - решила Марина. И поступила всё так же – перестала брать трубку, когда видела на табло знакомый номер. Вначале мадам «дятел» названивала раза по три в день, надеясь поймать объект. Потом стала трезвонить по вечерам. И, наконец, поняла, что игра окончена.

Но, видимо, телефонные игры ещё не исчерпали себя, и у Марины появился новый абонент. Вернее, старая знакомая по имени Розалья. Это странное для русского уха имя, возможно, было псевдонимом. Эта дама и не скрывала, что она – информатор. Наоборот, охотно рассказывала, что была приобщена к тайнам «мадридского двора». Но при этом в красках описывала свои нравственные муки и последовавшее далее чистосердечное раскаяние.

-Я поняла, что не могу заниматься стукачеством. Это не моё.

Из этой исповеди каждый должен был сделать вывод о том, что Розалья – человек

искренний и кристально честный. Ведь даже о том, что оступилась, она поведала всему миру.

-Уж, кому-кому, но мне можно доверять! – этот шоколадный лозунг просто сиял на лбу достопочтенной дамы.

Розалья, как и Вова, не чуралась творческих позывов. Лет пятнадцать назад её стихи даже выставлялись как образец для начинающих авторов и даже публиковались в центральных изданиях.

Доказательством доброты Розальи служил её домашний зверинец – несколько кошек и собак. Однако... вся литературная тусовка была убеждена – Розалья стучала, стучит и будет стучать до скончания веков!

И вот эта, исполненная доброты и заслуживающая доверия, стала называться Марине.

-Мариночка! Я что-то счёт времени потеряла, какой сегодня день?

-Что ж, бывает. Сегодня среда двадцатое июля.

-Спасибо, Мариночка. Надо отметить в календаре. Как у тебя дела, всё нормально?

-У меня всё нормально. Это у *них* плохо, а у меня – просто отлично.

-Ха-ха-ха, ну ты юмористка!

-На том стоим, - сказала Марина.

-Да, сейчас без юмора никак нельзя. Марина, приходи в гости, я тебя с бароном познакомлю.

-Это кто такой?

-Это мой новый друг – пёс борзой породы. Красавец!

-Как-нибудь зайду – по пути.

-Я слышала, ты квартиру купила. Как живётся на новом месте?

-Отлично.

-Ну, я так и думала. Ты же у нас умница. Марина премудрая. Ты, кажется, издательской работой занялась?

-Кажется. Журнал издаю.

-Молодец, Мариночка. А как с доходами? Хорошо получается?

-Мои занятия убыточны. Дохода не приносят. Вся работа держится на спонсорах. Свои литературные премии трачу на это.

-Да?! Ну, ты просто сподвижница. Но квартиру-то купила всё-таки.

-Это другие деньги. Родители помогли.

-Ну-ну. А мои стихи можно опубликовать в твоём журнале?

-Ты немного опоздала. С очередного номера публикации у нас стали платными. Тридцать рублей страница. Материалы принимаем на дискетах.

-Так я подготовлю дискету. Заходи, Мариночка, в гости. Поболтаем.

Когда Розалья через неделю позвонила и снова спросила, какой сегодня день и число, Марина поняла – из неё будут делать дуру. Это ещё одна «метода» борьбы с диссидентами. А теперь – с претендентами на отъём квартиры. Но при этом сватовство должно активизироваться. Это самый простой способ получить доступ к документам на квартиру.

-Значит, кто-то снова будет напрашиваться в гости или на знакомство, - рассудила Марина.

Так и случилось.

14.

В гости напросился семидесятилетний жених – всё тот же Вова. Пришёл с букетом хризантем и несколькими мятыми пирожными в кошёлке.

-Ну, случай – из ряда вон! Вова разорился не только на букет, но и на угощение, - подумала Марина. – Хотя, букет он явно приватизировал у кого-то на клумбе. Очень уж облезлые хризантемы.

-Мариночка! – начал привычную песню бессмертный пернатый, падая на колени. - Я снова прошу твоей руки и сердца. Не мыслю своей жизни без тебя. Ну, зачем ты меня мучаешь?

Всё это звучало весьма натурально, но «влюблённую птичку» выдавало выражение лица – все морщины Вовы сложились в некую фигу.

Марина понимала, что сейчас не время для смеха. Видела всю подноготную этого циркача, но не могла удержаться от усмешки – очень уж нелепо выглядел «жених». Особенно его плоская морщинистая лысина и длинный кривой нос.

-И не думала никого мучить, - сказала Марина. - Мы же с вами не в опере. Я никогда ничего не обещала. В чужой дом не пойду. Семью заводить на старости лет не собираюсь. И вы об этом знаете. Что же ещё?

-Ты не права. Я знаю, как тебе трудно живётся. Обещаю помощь. Можешь на меня рассчитывать.

Последнюю фразу Вова сказал с такой значительной интонацией, что сразу стало понятно – это его козырь. Но как он ни старался выглядеть достойно, всё равно речь его отдавала ржавой фальшью.

-Спасибо, но с чего вы взяли, что мне трудно живётся? Всё прекрасно. Я живу хорошо и спокойно. В помощи не нуждаюсь.

-Это я так, к слову. Одинокой женщине не бывает легко в нашей стране.

-А я думаю, это лозунг мужского шовинизма. И не более того. Мужчинам выгодно

так думать и говорить. На самом деле, одинокая женщина всё своё время и средства тратит на себя. И для неё - это благо.

-Но есть же ещё физиология!

А что такое физиология?

-Женщина без мужчины болеет – это известно всем.

-И это тоже заблуждение. Может быть, в детородном возрасте мужчина и нужен, но физиология меняется. И после сорока - мужчина уже становится необязательным элементом в жизни женщины, ни физиологически, ни материально. К этому времени женщина в финансовом отношении легко обеспечивает себя сама. Физиология нормальной женщины тоже уже не зависит от мужчины. Другое дело, если распустить себя. Вот тогда обмен веществ нарушается, и женщина становится самкой. Появляется зависимость от самцов. Только в таком случае можно говорить о физиологии. Но таких распущенных не так уж и много.

-Мариночка, а тебе не кажется, что ты переоцениваешь свои силы?

-Ничуть.

-А мне кажется, переоцениваешь. Женщина не может жить одна, в каком бы возрасте она ни была.

-Женщина может жить одна. Более того, одной проще и легче жить. Другое дело, что род мужской всегда приспособлялся к женщине себе в прислуги. Как это – женщина, и никому портки не стирает!

-Что ты, Мариночка! У меня и в мыслях такого нет. Ты мне нужна как украшение дома, как свет в моём окне.

-Вот-вот, именно *мне нужна*, именно *в моём* окне, - сказала Марина, а про себя отметила:

-Знаю, знаю, что у тебя в мыслях, дятел облезлый.

-Не мучай меня и себя. Мы предназначены друг для друга, - упорно пел свою песенку Вова. – Ты же знаешь, я буду ждать, пока ты не согласишься.

-Боюсь, вы напрасно потеряете время. Найдите другой объект – более сговорчивый. Многие сами ищут мужа.

Глазки настырного старикана сверкнули, как лазер. Марина почувствовала, что он готов просто придушить её.

-Вы меня извините, - сказала Марина. - Но ко мне сейчас придут гости – нужно хотя бы чайник согреть.

-Хорошо, подожду ещё. И я уверен, что ты передумаешь, - в сотый раз пообещал Вова.

Когда дверь за «женихом» захлопнулась, Марина сказала:

-Больше в дом пускать его нельзя. И если уж придётся – то только при свидетелях. Однажды этот ухаждёр просто бросится на меня с молотком. Он всегда действовал чужими руками, но маразм может сыграть с ним и такую шутку. Тормозов у него нет, люди для него – мусор.

15.

Достопочтенная Розалья тем временем продолжала названивать Марине. Темы её бесед всё больше сдвигались в нужную сторону.

-Марина, – сообщила она однажды. - Что мне делать – я всё чаще слышу голос.

-Что за голос? – удивилась Марина.

-Я слышу его внутренним слухом. Он говорит, что я – дрянь. Большая дрянь. Что я способна на всё.

-Знаешь, я не врач. Ничем помочь не могу.

-А у тебя такого нет?

-Что-то не замечала.

-А что такое «внутренний голос»?

-Внутренний голос - это просто интуиция.

-А у тебя интуиция есть?

-Интуиция есть у всех, даже у идиотов.

-А, может быть, мой голос – это и есть интуиция?

-Тебе лучше знать. А я тебе не помощник.

-Ты так считаешь?

-А ты как думаешь? Тебе надо к врачу или в церковь.

-Ну, в церкви я уже была. Мне там не климат – сознание теряю. В обморок падаю. У тебя такого не бывает?

-Нет. В церкви мне хорошо. А тебя, видимо, бесы одолевают. Молиться не пробовала? Грехи свои замаливать?

-Пробовала. Но мне от молитв только хуже становится.

-Значит, грехи твои велики.

-Все грешат. Святых-то нет.

-Однако немногие в церкви в обморок падают. Розалья, а тебе не кажется, что разговор у нас несколько «не в ту степь»?

-Ну, что делать? Если есть такие проблемы и у меня, и у тебя – почему же не поговорить?

-У меня таких проблем нет.

-Я рада за тебя, - рассмеялась Розалья.

-А я рада за себя, что ты рада за меня.

После этого скользкого диалога Марина решила, что настало время остановить душещипательные беседы с Розальей. Марине надоели наглые намёки и смешки. И она поступила прежним образом – перестала брать трубку, когда звонила настырная мадам. Иногда Розалья звонила раз по семь, восемь в день. Перезвон

каждый раз продолжался несколько минут. Но Марина не обращала внимания на это, и Розалья, наконец, отстала.

16.

Через некоторое время Марина узнала от одной знакомой, что бессмертный дятел Вова по большому секрету сообщает всем желающим, что у Марины «крыша едет» на почве потери сына. Сына она потеряла три года назад. И вот эти грязные «птички» использовали в своей чёрной игре даже этот факт. Марина знала, что Вова и его шестёрки – просто бандиты. Для них нет ничего святого. Она не удивилась и даже не расстроилась, услышав сплетни.

-Теперь надо ждать очередной «шестёрки». Кто же будет развивать эту идею бессмертного Вовы. И «шестёрка» явилась незамедлительно – как чёрт из табакерки.

В десять утра, когда Марина обычно занималась сочинительством – писала прозу или стихи, позвонила любительница ведических знаний - так она себя называла – Аня Каширина. На самом деле эта дама бросалась то в одну модную секту, то в другую. Ещё месяц назад она не скрывала своей принадлежности к какой-то «Калагии». Марина слышала краем уха, что это тоталитарная секта, претендующая на управление

миром. Но мадам Каширина заговорила на этот раз о другом.

-Здравствуй, Марина! Рада слышать тебя. Как дела, как жизнь?

-Дела идут, контора пишет, - отозвалась Марина стандартной фразой. За мастерицей оккультных дел давно тянулся шлейф от бессмертного и бессменного Вовы.

-Я рада, что у тебя полный порядок. Хотя, всё, конечно, относительно. Марина, а не приходилось ли тебе слышать такое имя – Григорий Грабовой?

-Что-то слышала – кажется, отрицательное.

-Не может быть! Его зовут «Григорий – воскреситель».

-И кого же он воскресил – Брежнева или Хрущёва?

-Напрасно ты иронизируешь. Григорий Петрович – кандидат наук, академик международных академий. Он учёный. Написал несколько десятков научных трудов. В них он описывает технологию воскрешения умерших. И его технология запатентована.

-Я рада за него и за тебя тоже. Только я могу запатентовать всё, что угодно, даже дырявый валенок. Ну, ты в курсе – я ведь долго работала в НИИ.

-Ты не права. Григорий Петрович, действительно, воскрешает людей. Он – Иисус во втором воплощении.

-Ну, тебе видней. А я вот слышала, что Грабовой – мошенник. Приехал откуда-то из Средней Азии. И у него – тоталитарная секта, типа «Аум сенрикё».

-Нет. У тебя – неверная информация. А я вот горжусь, что живу в одно время со Христом. У него большой офис в Москве. Кстати, он может воскресить и твоего сына.

-Неужели? Но для этого, как я понимаю, нужно продать квартиру и подарить твоему мессии тридцать серебряников? Так, кажется, работают подобные секты?

-Да нет. За воскрешение он берёт всего тридцать девять тысяч рублей. Не так уж и много.

-Ясно. Ну, мне, я думаю, нет нужды задумываться о таких вещах. Ничего продавать я не собираюсь. Кроме того, ты слышишь сама, что говоришь? У Христа – офис в Москве! – Марина засмеялась.

-Ничего смешного. Ну, офис. Сейчас не первый, а двадцать первый век. Офисы есть у всех. Кроме того, мне он сына воскресил. И я его видела в трамвае и разговаривала с ним.

Марина не удержалась и снова засмеялась.

-Извини, - сказала она. - Но тебе, по-моему, пора - сама знаешь, куда.

-Хорошо. Думай, что хочешь, но если надумаешь вернуть сына, звони. Я дам тебе адрес Григория Петровича.

-Ты знаешь, его адрес уже известен. Он на Петровке 38. Им занимается прокуратура. Он открыл филиал секты в Беслане, и пытался ограбить матерей, потерявших детей.

-Всё это неправда. Вот увидишь. Приезжай, я покажу тебе его книги. Почитаешь, тогда и решай – права я или нет.

-Я и книги его читать не стану. Мне не интересен этот бред.

-Напрасно. Подумай, почитай, а тогда и поговорим.

-Я думаю, что к этой теме мы не вернёмся.

Но Марина ошиблась. Вскоре после занимательной беседы с мадам Кашириной по телевиденью прокатилась волна передач о махинациях Грабового. Он был арестован, и прокуратура предъявила ему обвинение в более чем десяти эпизодах. Вот тогда Марина позвонила оккультных дел мастерице и посоветовала посмотреть новости первого канала. Мадам ведунья сказала, что уже в курсе, но это ничего не меняет – Грабовой - это Христос, и терпит

притеснения от фарисеев. Ведь и в первом пришествии он был оклеветан и распят.

-Вот увидишь, он ещё будет президентом России, - заявила она.

Марина махнула рукой – демагогия сектантов непобедима. Кроме того, истинная цель этой дамы была ясна: «колдунья» – марионетка в руках бессмертного чекиста. И если клиент, то есть Марина, клюнет и начнёт, во-первых, продавать жильё, чтобы подарить «Христу», тогда Вова останется только подключиться к этому процессу. Во-вторых, если клиент не будет «дожат» до продажи жилья, то надо постараться хотя бы заинтересовать Марину книгами Грабового. Уже один тот факт, что она читает такую чушь, позволял бы поставить ей «диагноз». А там и Вова – тут как тут. Заботливый жених или муж, пекущийся о здоровье жены.

-Сколько же их, этих «шестёрок»? Такое впечатление, что вся литературная тусовка только и делает, что стучит, стучит, стучит – каждый на каждого.

Вероятно, Марина была не далека от истины. Заштатный городишко, захлестнутый безработицей и криминалом, кинулся во все тяжкие – народ пытался хоть что-то урвать, сдав

соседа, друга, брата на милость вот таких хищных «дятлов», как Вова.

С того момента, как «жених» впервые переступил порог дома Марины, прошло уже два года. Однажды во время общего застолья Восьмого Марта Вова, стоя, предложил тост:

-Внимание, друзья! Я хочу, чтобы мы подняли бокалы не просто за женщин, за их красоту и доброту. Я хочу выпить за их стойкость, их умение выживать в любых условиях. Наши дамы проявляют чудеса стойкости в это тяжёлое время!

Он поднял бокал и подмигнул Марине. И вот тут впервые за всё это время она не смогла сдержать волны отвращения. Глядя в бесцветные старческие глазки, Марина мысленно выстрелила серебряной пулей в маразматика-оборотня.

17.

Всё, что принёс «мусорный ветер» в эти годы однажды показалось Марине сущим пустяком. Вдруг активизировалась, словно новый штамм бактерий, мадам Капустина. Абсолютно открыто, нагло она принялась варить в своей квартире зелье из «травки».

Технологический процесс начинался вечером и продолжался часов до шести утра. Зелье часами, видимо, кипело на плите в каком-

нибудь горшке или кастрюле. В это время квартира Марины превращалась в газовую камеру. Не помогали даже открытые настежь форточка и балконная дверь. Пары растворителя, уксусной или серной кислоты и вонь от «травки» были вездесущи. Марина не могла уснуть, задышалась от нехватки воздуха. Лицо горело, словно в крапивнице.

Мадам Капустина снова картинно встречала Марину на лестнице каждый раз, когда та уходила или возвращалась домой. Смотрела, хитро щуря заплывшие глазки, словно спрашивая:

-Ну, как, помогла тебе твоя хвалёная сигнализация? Весело тебе живётся?

Ни намёка на конспирацию, ни каких-либо опасений, что Марина может обратиться в милицию – ничего подобного мадам Луиза себе не позволяла. Только наглость и уверенность в своей безнаказанности.

Марина понимала, что в милицию идти не с чем – доказать, что в квартире этой гражданки идёт изготовление наркоты, не удастся. Свидетелей нет. Марина опять один на один с отморозками. И «крыша» у них всё та же. И «технология» они запустили, конечно, с подачи своих покровителей. Вова Иванович регулярно названивал Марине. Разговор протекал примерно в одном русле:

-Добрый день, Мариночка! Как поживаешь?
Как здоровье? – подчёркивал он последнее слово.

Марина всегда отвечала одно и то же:

-На здоровье не жалуясь, Бог даёт.

-Это хорошо, - весело отзывался «дядел». -
Значит, жизнь продолжается. А как моё предложение? Может быть, ты уже что-то надумала?

-Пока нет.

-Напрасно, - сожалел «жених». - Женщина должна иметь защиту, надёжный тыл, семью.

-Семья – это в первую очередь дети.

-Ну, ты не права. Семья – это ячейка общества и она может быть разной. Два человека – это тоже семья.

Если следовать вашей логике, то и одного субъекта достаточно. Он тоже может объявить себя семьёй.

-Ха-ха-ха, остроумно, - веселился Вова Иванович.

-Вот именно, остроумно – и не более того. В семьдесят лет люди могут иметь семью, но создавать её нужно в двадцать.

-Ну, Мариночка, ты просто пессимистка. Возраст не имеет значения. Чем мы отличаемся от двадцатилетних? Я думаю, ничем.

-Мы отличаемся от них так же, как марсиане от земных тварей. В двадцать лет человек

запрограммирован природой на продолжение рода. Ему даны силы для заботы о потомстве. Старики напрочь утрачивают эту программу, а с ней и нужду в создании семьи. В семьдесят можно иметь лишь то, что приобрёл в двадцать – тридцать и сохранил. А если не сохранил, то, как теперь говорят, это твои проблемы.

-Не согласен.

-Отвечу всё той же фразой – это ваши проблемы.

-И твои, Мариночка!

-Нет, у меня таких проблем не имеется.

-Но ты же, как и я, не сохранила семью.

-Так она мне и не нужна. Значит, и проблемы нет.

-Ну, вот – опять двадцать пять.

-Да-да.

-Ты просто «железная леди»! А что будешь делать, когда доживёшь до семидесяти?

-Вот когда доживу, тогда и думать буду. А пока я думаю о другом.

-И о чём же? О здоровье? – ухмыльнулся «жених».

-Я думаю о том, как много мне ещё нужно написать – десять книг. Или даже пятнадцать. А времени не хватает. Кроме того, эти книги ещё и издать нужно будет. Некогда пустяками заниматься.

-Пустьками? Это ты имеешь в виду брак, семью?

-И это в том числе. Всему своё время. Есть время разбрасывать камни, а есть время собирать камни. Экклезиаст – слышали о такой книге?

-Как не слышать!

-Книга мудрая, стоит почитать.

-Мариночка, я знаю, что ты умница. Но одного ума в этой жизни мало.

-Ничего, я до сих пор жива.

-Всему своё время, как ты говоришь.

-Говорю, но это относится ко всем и к каждому в отдельности.

-Понима-а-ю, - протянул «жених».

-Я рада за вас.

-Мариночка, звони в любое время, если будут какие-то перемены в твоём настроении. Я не теряю надежды.

-Я рада за вас, - повторяла Марина, не чая, как отвязаться от «жениха».

-Звонки «дятла» - это, конечно, полбеды. А вот что делать с мадам Капустиной? – думала она.

18.

На лето Марина уехала к родителям в село, отдохнула от «опекунов», и всё время пыталась мысленно проиграть варианты борьбы с любительницей «новых технологий».

Наконец, решила попробовать напугать мадам Луизу. Поскольку эта тварь явно не боялась милиции, возможно, всё было куплено. И участковый в том числе. Оставалось одно – угроза неофициальной расправы. Если эта угроза будет исходить от таких же, как и сама мадам Капустина, отморожков, это заставит задуматься даже её.

Марина вспомнила, как однажды довелось ей увидеть «маляву» - письмецо из тюрьмы, переданное по каналам ЗЭКовской «почты» - из рук в руки. «Малява» представляла собой плотно скатанную в маленький рулончик бумажку. Внешне она была похожа на миниатюрную шариковую ручку – снаружи аккуратно обмотанную обычной чёрной ниткой по принципу катушки.

Адресат, получив такое послание, уже по одному его виду понимал, что это такое и откуда пришло. Марина решила изготовить такую вот «маляву» и воткнуть её в дверь мадам Капустиной.

Долго думала, что написать. Текст должен быть скупым, может быть, не очень грамотно написанным. Видимо, никаких прямых угроз, но в то же время должно быть понятно, что ничего хорошего адресату ожидать не стоит. Если не изменит своего поведения.

Марина опробовала несколько текстов, но они не нравились – чего-то не хватало, не было достоверности. Наконец, она остановилась на

таком варианте: наркоша знаешь я хороший захочешь на тюрьму я с тебя много не возьму.

Текст был написан без знаков препинания. Именно это делало его близким к правде жизни. И ещё вот этот оборот – «на тюрьму». Как раз так говорили «зэки» - не в тюрьму, а «на тюрьму». Марина знала это из словаря криминальных выражений. Ей довелось однажды полистать его. И вот пригодилось. Никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь.

Марина несколько раз переделывала текст, стараясь, чтобы буквы были похожи на печатные, но выглядели коряво. Это создавало впечатление, что писал человек, которому редко приходилось держать в руках ручку.

Для «малявы» выбрала она клочок серой газетной бумаги. Плотно скатала его в рулончик, намотав на тонкую спицу для вязания. Аккуратно и плотно – нить к нити – обвязала и закрепила узелок. «Малява» выглядела весьма достоверно – настоящее тюремное послание.

Когда мадам Капустина ушла куда-то по своим чёрным делам, Марина воткнула «маляву» в скважину замка. Часть рулончика торчала наружу, так что не заметить послание было невозможно.

-Посмотрим, что из этого получится, - сказала Марина и отправилась прочь от чёрной железной двери, за которой жило, казалось, всё

уродство этого жуткого мира, этого страшного времени.

19.

Марина спускалась по лестнице и невольно оказывалась то перед одной, то перед другой грубо сработанной железной перегородкой. Это были новоявленные стены самодельных тамбуров. Так люди старались отгородиться от первобытного хаоса, который, словно зверь, рычал у порога и ожидал каждого, рискнувшего выйти наружу.

Зверь по имени Хаос не прочь был вломиться и в каждый дом. Чуть оплошал – и вот он, уже за твоим порогом и в твоём сердце.

Но странным было то, что люди, боясь впустить зверя в дом, сами же его и кормили. Лестница в подъезде никем не убиралась, мусор валили мимо мусоропровода. Марина сначала пыталась делать уборку хотя бы двух лестничных пролётов, но грязь загадочным образом тут же возвращалась. Через час-другой повсюду уже валялись бумажки, какие-то отбросы, кочки земли. И Марина бросила это занятие – жалко было впустую тратить время.

Марина выбралась из подъезда, вдохнула вольный зимний воздух. День смотрел морозно, ясно, солнечно. Но с запада тянула «низовка» - такой ледяной приземный сквозняк. На остановке никого не было. Дорога тоже зияла пустотой.

Тишина висела в воздухе, словно туман. И только чёрный полиэтиленовый кулёк, словно дикий зверёк, бежал поперёк дорожного полотна, влекомый «низовкой». Кулёк-зверёк попал в накатанную колею и двинулся вдоль неё, толкаемый сбоку сквозняком. Переполз в другую колею и выбился на противоположную обочину дороги.

Легковой автомобиль, вывернув из-за угла, пронёсся мимо. Снежная пыль с обочины и кулёк-зверёк устремились в вихревую струю воздуха вслед за машиной. Кулёк почти сразу отстал и снова оказался рядом с остановкой у ног Марины.

Через несколько секунд низовой ветер потащил кулёк на дорогу. И нелепый чёрный шуршащий зверёк повторил свой маршрут, но опять не смог убежать от проезжей части. Вихревой вакуум затянул его в след очередного автомобиля, летящего по скользкой колее.

Странное и какое-то тоскливое впечатление оставалось от этой картинки. Безысходностью веяло от бестолкового слепого движения кулька-зверька.

-Очень похоже на жизнь человека, который мнит себя живым и что-то значащим в этом мире. На самом же деле человек – песчинка, вот такой кулёк, пустой и лёгкий, летающий по воле обстоятельств туда-сюда. Вернее, сам не зная

куда. Бегаёт, суетится, а никуда не приходит, - думала Марина.

Наконец, прибыл маршрутный автобус. Марина села на любимое одиночное сидение – она отправилась на телеграф – нужно было оплатить счёт за телефон.

Вернулась через час, поднялась на свой девятый этаж. «Малявы» в замочной скважине у «адресата» уже не было.

-Значит, моя почта на месте, - отметила Марина. - Посмотрим, что будет дальше.

20.

Вечер заглядывал в окна жёлтыми глазами. Солнце давно скатилось за увал, словно утянулось вслед за длинным скорым товарняком. Голосистый электровоз утащил вагоны на запад – как раз туда, куда упало скупое зимнее солнце. Марина ждала, когда стемнеет – примерно в это время мадам Луиза запускала свою ядовитую «технологию».

-Что будет сегодня? Всё останется по-прежнему или эта тварь всё-таки включит свою последнюю извилину, - думала Марина.

Она ничего не могла делать – мысли постоянно возвращались к часу «икс». Включила телевизор. В это время шло шоу Андрея Малахова «Пусть говорят». Разговор посвящался тому самому мошеннику Грабовому, которого навязывала Марине мадам Каширина.

С экрана смотрело непроницаемое лицо новоявленного мессии, выступали истеричные «защитницы» нового Христа. Одна из них, особенно рьяная, заявила о воскрешении собственного мужа, якобы посетившего её после смерти.

-Я видела его так же, как вас, - обращалась она к Малахову.

-И где же он сейчас, - спросил ведущий. - Почему вы не привели его в студию?

-Он живёт в Южной Америке.

-Странно. Почему же именно там, а не с вами рядом?

-А как вы себе это представляете? Человек умер и ни одна официальная инстанция не признает факт его воскрешения. Значит, он будет изгоем, если останется здесь.

Слушая весь этот жалкий бред, Марина ещё раз убедилась, что и Грабовой, и его сообщники – просто наглая шайка напёрсточников. Вместо шарика они жонглировали именами умерших людей, которые не могут ни возразить, ни уличить мошенников. Очень удобно – говори, что хочешь. Опровергнуть твои заявления некому.

Закончилось шоу, прошла программа «Время», уже подходил к концу мистический приключенческий фильм «Остаться в живых». И тут Марина осознала, что в квартире не

ощущается никаких посторонних запахов – пахло только жареной картошкой. Кто-то из соседей готовил ужин.

-Значит, разговор на языке отморозков удался – призадумалась даже мадам Капустина. Хотя «призадумалась» - это слишком сильно сказано. Просто убрала щупальцы, когда почувствовала укол. Амёбы не могут думать, они лишь реагируют на внешние раздражители, - думала Марина.

Прошёл день, другой, третий. Стало уже окончательно ясно, что тактика была выбрана верно. Какие-то другие действия вряд ли помогли бы так быстро и эффективно.

-Что же - теперь незабвенный Вова Иванович будет выпытывать, кто написал эту «маляву». Обязательно поинтересуется. Конечно, разговор пойдёт окольными путями, но всё равно будет понятно, что он имеет в виду, - размышляла Марина. – Подождём, посмотрим. Я уверена, что не ошиблась.

21.

Прошло два дня и Марина, как и ожидала, услышала в телефонной трубке голос бодрячка «дятла».

-Мариночка, добрый день, - начал он с дежурной фразы.

-Добрый.

-Как поживаешь? Как здоровье?

-Всё так же – хорошо.

-Я рад. Мариночка, слушай, у меня к тебе такой деликатный вопрос. Только не удивляйся.

-Слушаю вас внимательно.

-Скажи, пожалуйста, нет ли у тебя возможности передать весточку одному парню?

-Странный вопрос. При чём тут я? Есть же почта, в конце концов.

-Да нет, ты не поняла. Парень этот сейчас сидит в «сизо». Это мой дальний родственник. Мне, сама понимаешь, неудобно действовать неофициально. А информация обычная, но цензура её всё равно не пропустит. Поэтому передать надо в обход всяких там кордонов. Нет у тебя таких знакомых?

-И снова скажу вам, что вопрос весьма странный. Как вы думаете, откуда у меня могут быть знакомые в «сизо»? Это у вас там должны быть коллеги, - язвительно подчеркнула Марина.

-Ну, вот, уже и ирония! Я же спросил просто так – мало ли чего не бывает. Пол-России сидит в тюрьмах. И у каждого, наверное, есть родственники или знакомые где-нибудь на зонах.

-Рада бы вам помочь, да нечем. У меня вот как раз и нет ни родственников, ни знакомых, которые по тюрьмам мыкаются.

-Мариночка! Считай, что этого разговора не было. Это шутка.

-Что-то шутки у вас скучные какие-то.

-Ну, нет у меня таланта юмориста – что делать?

-Таланта нет, а шутить хочется?

-Да-да-да, вот у тебя смешно получается.

-Рада, что вам понравилось.

-Мариночка, а как насчёт гостей?

-Каких гостей?

-В моём лице. Хочется тебя увидеть, поговорить.

-Да мы уже поговорили, кажется.

-Ну, ручку поцеловать по телефону не получается.

-Знаете, мне пока некогда. Может быть, позднее?

-Хорошо, договорились.

-Мы пока, вроде, ни о чём не договаривались.

-Так надо договориться.

-Давайте позднее поговорим, а сейчас мне и в самом деле некогда, извините.

-Мариночка, до свидания. До скорого.

-Да-да, - сказала Марина и положила трубку.

Каждый раз телефонные беседы с назойливым «дятлом» вызывали чувство

отвращения и ощущение, что на тебя накидывают липкую сеть. Хотелось бросить телефонную трубку так, чтобы она, хотя бы виртуально, ударила по лбу наглой «птички».

-Хорошо, что мысли не передаются по воздуху, иначе этот старикашка постоянно ходил бы с шишкой на лбу, - подумала Марина. – А я, действительно, не ошиблась. Моя «малява» дошла до настоящего адресата. Но, кажется, пора сделать ещё один неординарный шаг. Надо запустить в «народные массы» весть о моём замужестве. Тогда интерес к квартире должен побледнеть. А, может, и исчезнуть совсем. Но как это сделать? Нужна достоверность, чтобы это сработало. Буду думать. Что ещё мне остаётся? Как-то я должна защищаться.

22.

После очередной поездки к родителям Марина позвонила бывшему сотруднику МВД, любительнице «жареного» - Хадиже. Конечно, риск возобновления частных бесконечных «бесед при ясной луне» не очень был нужен, но тут уж приходилось выбирать из двух зол.

-Здравствуй, Хадижа. Рада тебя слышать. Что-то давным-давно не звонишь мне.

-Я звонила, но тебя, кажется, не было в городе?

-Да, я уезжала, и надолго.

-Какие-то дела важные?

-Очень важные. Для любой женщины, я думаю, такие заботы всегда стоят на первом месте.

-Ты о чём?

-Я о том, что вышла замуж.

-Как? За кого? За Вову Ивановича?

-Нет. Мой муж – бывший одноклассник. Мы знаем друг друга всю жизнь.

-И что – он живёт теперь с тобой?

-Ну, можно так сказать. Живёт в деревне, там, где и мои родители. У него большой дом, хозяйство. Был женат, но жена умерла пять лет назад. Теперь мы вместе. Хозяйство бросать нельзя – оно приносит неплохой доход. Поэтому я приезжаю к нему, он – ко мне. Вот так и живём на два дома. Но одной семьёй.

-Да ты что! Как же это я не слышала об этом. Поздравляю тебя с замужеством.

-Спасибо.

-А как мужа зовут?

-Сергей Михайлович.

-А фамилия как?

-Ну, фамилию я менять не собираюсь, поэтому она значения не имеет.

-Поня-а-тно. Теперь ясно, почему ты так долго отсутствовала. Ты и раньше туда ездила к нему в гости?

-Конечно.

-А Вова Иванович знает?

-Слушай, а почему я должна ему докладывать о своих делах?

-Да нет, не должна. Я так просто спросила.

-Вова Иванович тут ни при чём. Он абсолютно посторонний человек.

-Ясно, ясно, - пропела Хадижа.

По голосу было слышно, что она озадачена. Ей не терпелось обкатать в народных массах горяченькую новость.

-Хадижа, прошу тебя – никому не говори о моём замужестве. Я ведь только тебе об этом сказала, потому что знаю – ты никому ни слова, ни звука. Зачем мне лишние разговоры?

-Конечно, будь уверена – никто не узнает. Поздравляю ещё раз, желаю семейного счастья.

-Спасибо, Хадижа. Я всегда знала, что ты хороший человек! – Марина положила трубку и рассмеялась.

Она почти наяву видела, как мадам Хадижа лихорадочно набирает номер Вовы Ивановича – он будет первым, кто узнает эту новость.

-Господи! Что только не приходится выдумывать, чтобы обмануть мошенников. Какой шелухой заниматься! А что делать? Куда деваться простому человеку? Не в Европу, не в Америку же убежать от этих бандитов. Да и на что? С какими

капиталами? Это раньше можно было просить политического убежища, а сейчас маленький человек никому не интересен. И нет убежища ему нигде. Сумеешь выжить здесь и сейчас, значит, будешь жив. Не сумеешь – похоронят. Вот это и будет убежищем, - Марина сидела возле телефона, перебирая грустные мысли.

Временами ей хотелось достать где-нибудь пулемёт и расстрелять всех этих «шестёрок» во главе с наглым «дятлом», раскрошить всю эту мерзкую компанию, как это делали герои голливудских боевиков. Но она понимала, что хитрость, изобретательность, здесь - более серьёзное оружие, чем пулемёт.

-Я уверена, что информация о замужестве сработает не хуже. Воевать - так воевать! Или играть – так выигрывать!

23.

Марина, как всегда, встала рано – ещё до восхода солнца. С высоты девятого этажа было видно, как на ладони, что из-за горизонта скоро появится солнце. А пока там, вдали, над землёй, висело лимонно-оранжевое перистое облако, похожее на крыло огромной птицы. Оранжевый отсвет окрашивал стены в кухне, делая её похожей на цветную шкатулку с окном на восход.

Удивительно праздничное настроение заполнило вдруг Марину, словно она из мрачного

застенка попала в волшебную сказку. И как-то разом припомнился ей сон прошедшей ночи. Видела она себя в большом стаде каких-то бесформенных существ.

-Это бесы, - сказал кто-то.

И Марина стала выбираться из рычащего стада. Она шла, произнося лишь одну фразу, вернее, молитву:

-Во Имя Отца и Сына и Святаго духа, во Имя Пресвятой Богородицы изыди, сатана, от ног моих! Да будет так! Аминь!

И все эти серые бесовские твари падали наземь. Марина шагала прямо по ним и, наконец, вышла к свету и попала на праздник. Шла церковная служба. Вдали, на возвышении, стоял Патриарх в бело-золотых одеждах. А, может быть, это был Бог-Отец.

Марина улыбнулась легко и счастливо – так ярко предстал перед нею этот сон.

-Хороший знак! – решила она. – Значит, все эти бесы – мошенники, стукачи – отстанут от меня.

Солнце уже поднялось над горизонтом и висело огромным малиновым заревом, готовым взлететь в зенит. Марина собиралась включить компьютер, начать работу – она дописывала новую повесть. Взяла чашку с горячим кофе и направилась к столу, где стоял монитор.

Тут раздался телефонный звонок.

-Кто это в такую рань? – удивилась она. – Хотя теперь звонков, наверное, будет много – литературная тусовка не скоро переварит жареную информацию о моём замужестве.

-Мариночка! – заверещал в трубке голос «жениха». – Я тут случайно узнал о тебе интересную новость. Это правда?

-Что вы имеете в виду?

-Ну-у... тебя можно поздравить?

-С чем же?

-С замужеством? – скорее вопрошал, чем утверждал «жених».

-А-а, вот что! Ну да, можно поздравить, - подчеркнула Марина. - Мой муж, знает меня с самого детства. Мы учились вместе. Он был женат, но вот уже пять лет - один.

-А дети у него есть? – деловито поинтересовался «жених».

-Конечно. Дочь живёт в Новосибирске, она замужем. У неё двое детей. А сын пока живёт с отцом в одном доме, не женат. Помогает в бизнесе и хозяйстве.

-А что за бизнес?

Выращивают скот на мясо, - Марина говорила уверенно и спокойно, чтобы у «жениха» не возникло и тени сомнения.

-Ну, поздравляю ещё раз. Ты заслужила это счастье, - в голосе «дятла» слышны были явные нотки разочарования.

-Да, это правильно - заслужила. Но мы уже три года вместе.

-Рад за тебя, - сухо сказал «жених» и положил трубку.

-Подеяствовало! - обрадовалась Марина. – Предмет вожделения – квартира, почти ушёл с повестки дня. Так теперь должен считать этот жулик в законе. Пусть теперь проверяет информацию – найти несуществующего «мужа» - не простая задачка. Почти как в сказке – пойдя туда, не знаю, куда. Найди то, не знаю, что.

Но Марина понимала, что «предмет» исчез, а злоба осталась. Доблестный «дятел» может просто отомстить ей за то, что «товар» ушёл из-под носа.

-Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест, - сказала Марина вслух. – Поживём, увидим.

24.

Какие ещё кульбиты остались в арсенале бессмертного «дятла», история умалчивает. Причина тому весьма серьёзная. Однажды после очередной попойки «дятел» *вдруг*, как это и бывает по обыкновению, почувствовал себя плохо.

И в зените своей бурной жизни, которая должна была длиться вечно, бессмертный хозяин

жизни упал на родной диван немецкой фирмы «Грюнвальд». Более на собственные ноги он уже не поднялся.

И пока ещё мог смотреть на этот мир, поблизости от него обнаружилась молодая невеста. Она устроила регистрацию брака на дому. Молодожёны прожили в любви и согласии почти два месяца.

Молодожён часто плакал, взглядом провожая облака, которые летели в небе за окном. Вспоминал, как легко удавалось ему в иные времена отправлять своих жён в объятия необъятной системы. Назад они уже не возвращались, навсегда тонули в омутах госбезопасности. Вспоминал многих из тех, на кого сочинял досье, пуская по следу армию шестёрок. Все они, эти враги народа, так же, как и жёны, канули безвестно в болотах времени. Он вдруг стал бояться, что никто так и не узнает о его могуществе. Иногда он кричал старческим дискантом, обращая лицо в окно:

-Эти тысячи смертей – всё это сделал Я!
Моим искусством!

Люди за окном шли мимо, не обращая внимания на хриплые бессмысленные крики – мало ли сумасшедших орёт в бетонных коробках замусоренного города.

Затем бессмертный хозяин жизни отбыл в мир иной. Как ни странно, ничего из нажитого каторжными усилиями он не смог забрать с собой. Всё осталось на этом свете вместе с молодой вдовой.

А Марина ходила в церковь и поставила свечу за упокой души бессмертного Вовы. И добавила:

-Господи, упокой душу его, если она у него была.

Так бесславно закончилась история одержимого жаждой денег, готового ради них на любые деяния бессмертного «дятла» Вовы Ивановича.

А Марина с интересом наблюдала, как легко перестроилась армия «шестёрок», так самозабвенно работавших на Вову. Теперь они с такой же охотой и рвением трудились на пожилого студента Кидалова. Он - то и унаследовал титул, так долго принадлежавший старикану Вове.

-«Дятлы» бессмертны. Это мы умрём, оболганные, измазанные грязью, ограбленные ими. А они вечно будут стучать и собирать добычу, - думала Марина. – История нашего городишки давно остановилась. Может быть, где-то время и добежало до 2011 года. А здесь оно ни на секунду

не сдвинулось, и за окном на мрачной улице всё тот же прошлый век и тот же год – тридцать седьмой.

XXX

ОБЕЗЬЯНЬЕ ЦАРСТВО

*(История великой тьмутараканской
литературы. Гротеск.)*

*Все персонажи повести вымышлены. Сходство с
реальными людьми случайно.*

Пролог

Жара. На ветках развесистого дерева восседает стая мартышек. Сонное царство. Но вот одна из них протягивает руку и срывает банан. Это положительное действие не остаётся незамеченным. Стая дружно набрасывается на товарку. Крик, прыжки, визг. Инициативную особь избивают, банан отнимают. Банановая шкурка летит в одну сторону, сердцевина - в другую. Стая успокаивается. Снова воцаряются сон и покой. Таковы законы обезьяньего царства.

Из дневника путешественника по джунглям.

Глава 1. Возвращение в «родные пенаты».

1.

Так случилось, что неспешный состав «Новосибирск – Тьмутараканск», с вагонами, окрашенными в грязно-зелёный цвет, оказался моим последним транспортом на пути домой. Я возвращалась в родной некогда город после трёх лет жизни в столице Самарской губернии. Позади остались широкие светлые улицы, высотки в стиле модерн, метро и прочие блага цивилизации.

Отлетали прочь и растворялись в необъятных пространствах деревеньки, города, станции. Я вместе с пытящим от натуги поездом все более погружалась «во глубину сибирских» просторов. Поля, лесополосы, стаи ворон, знакомые названия полустанков – всё сообщало мне, что родина близко.

Колёса мерно выбивали свою незамысловатую мелодию, вагон слегка качало. В соседнем купе разговаривали под коньяк и звон гитары. Кто-то двигался по коридору в сторону ресторана, кто-то в противоположном направлении. Эта привычная дорожная суэта как бы висела внутри многоголосого звукового фона. Ощущение единства с попутчиками, ровный гул вагонной жизни создавали иллюзию уюта. И даже мысль о его временности, мимолётности не портила общего впечатления. Под стук вагонных колёс хорошо и спокойно думалось. А думы мои были просты и в то же время как бы не имели логического завершения.

Дело в том, что перед отъездом в Самару, я наблюдала весьма интересную картину. Литераторы, в среде которых моё имя, казалось, имело какой-то вес, почти в открытую радовались моему отъезду. На их высветлившихся в соответствии с моментом лицах явно читалась *надежда на то, что назад-то я, конечно, не вернусь*. Это несколько удивляло, но при недолгом

размышлении всё довольно легко объяснялось. Я думаю, читатель и сам, являясь проницательным психологом, поймёт, в чём тут дело. Именно с этого открытия и началось моё настоящее знакомство с литературной тусовкой Тьмутараканска.

Я поняла, что ничего не знаю. Скорее всего, ошибка в восприятии собратьев по перу столь велика, что мои представления о них – всего лишь иллюзия. Иллюзия – великая вещь. Порою она одна способна заставить человека считать мир пригодным для жизни. Но всё-таки всегда хочется заглянуть за занавес и увидеть мир без грима.

Уже тогда, уезжая в Самару, я сказала себе, да и многим другим: «Я вернусь». Только, по моему, не была услышана. И вот это произошло. Поезд остановился. Все двинулись к выходу. И только одна я сидела в купе, пережидая поток жаждущих выбраться на свободу. Мне не хотелось покидать уютный вагон, вдруг разом воцарившуюся в его недрах тишину, ибо никто не ждал меня в городе с красивым именем Тьмутараканск.

2.

Город встретил меня хмурым весенним небом, криком ворон, вечно гнездящихся на тупиковой станции, каким-то сельским духом узких улочек – в общем, родным и знакомым колоритом. Глаз быстро привык к низким старым зданиям

«хрущёвок», одинаковым серым прямоугольникам девятиэтажек, разбросанных, в основном, по бывшим пустырям. Легко вернулось и забытое на время ощущение «города на окраине вселенной», какое всегда производил Тьмутараканск. «Новые» районы города так и не утратили статуса пустырей – везде по-прежнему торчали метёлки прошлогодней полыни и прочей дикой растительности. Здания девятиэтажек, торчащих на этих просторах, казались голыми, словно стены в компьютерном лабиринте. По-прежнему асфальт был выбит колёсами транспорта до неузнаваемости – проезжая часть улиц блестела тёмными провалами луж. Автобусы в любую минуту могли обдать неосторожного пешехода увесистыми брызгами грязи. Это давно забытое ощущение воскресило и заставило звучать новой торжественной нотой слово «родина»!

Всё там же, в стороне заката, дымили трубы ТЭЦ, закидывая Тьмутараканск тоннами золы и прочих весомых выбросов. Это инженерное сооружение с давних пор занимало достойное место в жизни тьмутараканчан. Если бы эти смрадные трубы исчезли с горизонта, город, наверное, перестал бы существовать. Он просто сам собой стёрся бы с лица земли, вымерз, растворился в небытии. В общем, до боли знакомая картина, которая в Самаре продолжала

жить лишь в моей памяти, нарисовалась объёмно и вещественно. И с нею нужно было считаться.

Я довольно легко и быстро освоилась во всём этом, вернув себе крышу над головой и возможность участвовать в «творческом процессе».

Глава 2. Начало знакомства со старыми знакомыми

1.

Участие началось с посещения занятий местного литературного объединения. ЛИТО – так называли его в городе. За три года моего отсутствия здесь ничего не изменилось – то же облупленное здание станционной библиотеки, те же лица, тот же поток великих творений и таких же великих книг. Только амбиции у некоторых заметно подросли.

Особенно выделялась знаменитая в узких кругах поэтесса Тина Антеева. Чувствовалось, что притязания её потенциально достигают уровня руководителя. Ей очень шла эта роль, тем паче, что солидный возраст, если не сказать более, располагал к солидному же поведению. Весомым подкреплением авторитета служила её любовная лирика, возвращенная на богатейшей практике. Она умела становиться близкой подругой каждому даже еле заметному таланту. Даже и незаметному совсем. Да и то сказать, что такое – талант? С чем

его едят? Как его отличить от бесталанности?
Очень уж похоже одно на другое. Тут бойкое перо
в руках, и там – то же. Тут две руки, две ноги и
голова, да и там – то же. Этого публика слушает...
и рукоплещет, и другого - слушает. Это подметил
ещё великий мудрец Гёте:

...Задумались ли вы в своей работе,
Кому предназначается ваш труд?
Одни со скуки на спектакль идут,
Другие – пообедав до отвала,
А третьи - ощущая сильный зуд
Блеснуть суждением, взятым из журнала.
Как шляются толпой по маскарадам
Из любопытства, на один момент;
К нам ходят дамы, щегольнуть нарядом
Без платы за ангажемент.
Собою упоенный небожитель,
Спуститесь вниз на землю с облаков!
Поближе присмотритесь, кто ваш зритель?
Он равнодушен, груб и бестолков.
Он из театра бросится к рулетке
Или в объятия ветреной кокетки.
А если так, я не шутя, дивлюсь:
К чему без пользы мучить бедных муз?
Валите в кучу, поверху скользя,
Что подвернётся для разнообразья.

Избытком мысли поразить нельзя,

Так удивите недостатком связи!

Вот этим и занималось литературное сообщество. Процесс продвигался своим чередом, пробуждая в сердцах творцов радость бытия и ощущение собственной гениальности. Было приятно, что собратья по перу живы, здоровы, полны сил и желаний. Что нужно людям в таком бодром состоянии? Немного поддержки, я думаю. Чтобы чувствовать себя ещё бодрее. Ну, чтобы уж совсем бодро. Просто бодро. И всё.

2.

Я решила начать своё вспомоществование собратьям с регистрации необъявленной ценности – самого ЛИТО. При таком подходе можно было вместить в одно юридическое лицо сразу две организации - литераторов-любителей и писателей, членов Союза. Несколько маститых литераторов приняли моё предложение «на ура» и согласились образовать это самое лицо.

Вскоре регистрация совершилась, не смотря на житейские трудности. Были изъезжены, исхожены километры дорог и тропинок. Взяты штурмом многочисленные лестничные марши, открыты двери, дверцы и окошечки. Даже каменные бастионы чиновников были взяты. Даже собственные деньги потрачены. Так при помощи ещё одной гениальной поэтессы Ванны Розины, я справилась с этой задачкой. Тем более что Ванна

поддерживала меня не только финансово, но и энергетически – она слыла не то белым магом, не то божьим посланцем в миру. В делах же канцелярских проявила просто бездну способностей. Как она вникала в каждую букву, как обихаживала каждый листок документов, как строго и любовно пользовалась новоявленной печатью юридического лица! Она просто светилась при этом, словно в жизни ей не хватало как раз этого круглого увесистого предмета. И портфеля с документами. Возможно, так и было, и я недалеко от истины.

-Так вот где скрывала ты свой талант! – не однажды вынужденно восклицала я.

На что Ванна делала важное лицо, словно говоря: « Я и не то ещё могу!» И как выяснилось в последствии, она была права.

Глава 3. Издательский проект

1.

Вторым шагом в «родных пенатах» был запуск в издательский процесс моей поэтической книги с символическим названием «Я вернусь». Этот лозунг должен был прозвучать. Тут я искренне и без всяких оговорок благодарю секретаря писательской организации. Он очень помог с книгой да ещё и благословил мой

издательский проект для города Тьмутараканска. Дело-то и вправду было нужное.

Тем более что в марте исполнилось ровно два года с тех пор, как перестал существовать единственный литературный альманах города. Не мудрствуя лукаво, он так и назывался «Тьмутараканск». Гениальный редактор сего издания Егор Дерипьянченко, стоя на позициях непримиримой борьбы с социализмом, умудрился превратить печатный орган в шедевр демократии. Его жёлто-чёрный с голубым оттенком окрас не понравился кому-то из чиновников. Ведь Тьмутараканск - далеко не Питер. Издание перестали финансировать. Да, оно и пора уже было перестать. Социализм-то давно закончился. Этого не видел, пожалуй, только гениальный Дерипьянченко, который словно рыцарь печального образа всё ещё продолжал махать картонным копьём то ли сатиры, то ли дикого мазохизма, бичуя несуществующего врага.

А я всего лишь хотела, не записываясь в попрошайки, не ходя к денежным мешкам с протянутой рукой, издавать книги штучным тиражом талантливым авторам в родном городе. Это помогло бы отделить зёрна от плевел и направить хорошую литературу в отдельный ручеек. Я понимала, что дело это безнадёжное, но очень уж хотелось пробить непроницаемую броню

коллективной гениальности. На это мне было не жаль некоторой суммы.

Ах, ах! Казалось бы, нет задачи благородней? Не тут-то было!

Как только из типографии явилась на свет первая книга первого таланта (и весьма не плохая!) - Боже мой! Что тут поднялось!

2.

Бунт непризнанных гениев. Забастовка городских поэтесс-домохозяйек, мигом забывших про свои кастрюли и стиральные машины. Восстание против злого редактора, разомкнувшего тесные ряды одинаково гениальных поэтов. Увесистые камни полетели и в название книги, и в размер тиража, и в редколлегию. Поносилось всё – качество бумаги, рисунок на обложке, расположение текста, выходные данные книги и её название.

Я с интересом наблюдала за этим бурным процессом. Толпа гениев явно взбодрилась. Девятый вал гудел, сметая на своём пути все иные мнения. Да и не было никаких иных. Единодушие! Полное единодушие! Словно все до одного подверглись дрессировке неведомого профессионала. Вот вам и неповторимость гения!

Весьма интересной оказалась и реакция самого таланта, чья книга с моей помощью и на мои же средства впервые вышла в свет. Эта почти незаметная скромная поэтесса пятидесяти лет

отроду вдруг обрела мировую значимость в собственных глазах. Вот это, дорогие мои читатели, стоило видеть! Ибо по всему выходило, что я, издав первую в её жизни книгу, не помогла автору, как это казалось на первый взгляд. Я испортила великой поэтессе весь кайф. Затмила чистое имя изданием плохой книги. А имя-то, имя – так и засияло!

Дорогие читатели! Вы даже не можете себе представить, как мне понравилось это живописное представление. Грешна – очень захотелось узнать, кем и зачем оно организовано? Ну, просто любопытно стало. Любопытно. И с каждым днём всё любопытнее.

Глава 4. Раскол

1.

Сразу же после катаклизма (издания первой книги) случился второй. Вернее, вселенская катастрофа. В монолитной ранее гениальной среде произошёл раскол. В раскол ушла знаменитая поэтесса Тина Антеева. Её харизма Руководителя Поэзии требовала реализации, словно товар, имеющий срок годности. Нельзя было медлить, иначе... Ну, сами понимаете.

За нею последовала толпа обиженных гениев, которым пока ещё никто не предложил

бесплатно издать их неувядаемые творения. Среди них особенно выделялся на общем фоне жёлто-голубой, страшно гениальный Дерипьянченко.

Они так и ушли: впереди сексапильная Тина с качающимися бёдрами и развевающимися седыми волосами, за нею – загадочный и томный интеллигент Дерипьянченко в длиннополом чёрном одеянии. Не смотря на свою выпирающую интеллигентность, он чем-то упорно напоминал трактирного полового с полотенцем наперевес. За ними маршировала Мата Хари. На её лице отсвет гениальности был, пожалуй, ярче, чем у самой Тины. Мата Хари работала в стиле самого великого мэтра Шекспира – настолько в стиле, что и отличить порою было невозможно, где перо Маты Хари, а где–таки великого Вильяма. От этой живописной группы не отставал тёмнолицый фавн, то ли алкаголик, то ли наркоман, пародист Хлестаков. Так в городе Тьмутараканске родилось новое литературное сообщество «Апокриф».

2.

Вскоре сообщество зажило своей гениальной апокрифической жизнью, изобретая один способ за другим, как укротить с помощью высокого духа неукротимые желания плоти. Например, как справиться с сакраментальным желанием скушать с утра кусочек хлеба с

маслицем и запить всё это великолепиие – не водой, конечно.

Впрочем, как и всё гениальное, это оказалось не так уж и сложно. Братья и сестры – поэты, исправно предоставляли такую возможность. Они привыкли безвозмездно трудиться на ниве великой литературы Тьмутараканска. Для подпитки своих гениальных амбиций им было достаточно похвалы и поглаживания по головке. За это бесплатное удовольствие они готовы были служить верой и правдой предводительнице концессионеров Тине. «Апокриф» сеял доброе, светлое, вечное даже среди молодёжи и школьников. Особенно много светлого доставалось семье Тины. Она осуществила свою давнюю мечту - изымание средств у солидных людей. До создания «Апокрифа» просто не было весомых причин для ревизии кошельков потенциальных спонсоров. А теперь... Причина налицо!

Вначале мне подумалось, что виновник побивания первой книги проявил себя. По логике вещей таковыми должны были оказаться хозяйка «Апокрифа» Тина или гениальный Дерипьянченко. Только они могли воспринимать меня как конкурента. Я, издавая бесплатные для авторов книги, как бы играла на понижение акций любителей чужих средств. Это, конечно, путало

карты Тины. Это мешало ей реализовывать свою выпирающую харизму.

Но внутреннее чутьё подсказывало мне - что-то тут не так. А что? Понять это можно было, только повторив опыт. Да, нужно было повторить. Просто повторить. И всё! И я повторила.

Глава 5. Повторение пройденного.

1.

На сей раз, я избрала виновником торжества недавно объявившегося на литературном горизонте, но весьма талантливом молодого автора Варвару Бабкину. В создание книги включилась как бы по собственному желанию знаменитая поэтесса Ванна Розина. Она даже взялась за набор текста и решила изготовить макет. Боже мой. Боже мой! Чем же всё это закончилось! Конечно, не обошлось и без белой (или чёрной) магии.

Но не буду заранее пугать вас, уважаемые читатели. Расскажу всё по порядку.

Итак, Ванна набрала на компьютере тексты стихотворений Варвары Бабкиной. По ходу сделала пометки в стихах – выделила красным цветом те места, которые не понравились ей. Где-то было похоже на нарушение правил грамматики, где-то *штиль* не подходил. Кое-какие пометки пришлось сделать и мне. Далее над текстами должен был потрудиться автор.

По моему разумению нужно было просто отдать автору рукопись с пометками, чтобы Варвара могла основательно подумать над замечаниями. Но дело приняло совершенно иной – неожиданный для меня оборот. Ванна вызвала автора к себе домой, усадила за компьютер. И начала... *от моего имени* (при моём отсутствии) упрекать Варвару в неграмотности, попутно проявляя бездны собственных достоинств: блестящее знание правил грамматики, умение давать советы, как лучше... и т.д. По мере продвижения вперёд, обстановка накалялась в унисон с красным цветом критических пометок. Не удивительно, что Варвара через некоторое время уже отвечала агрессией на агрессию, не желая сдаваться на милость врага. Она не однажды с тоской смотрела в окно, где ветер вольно разгуливал по верхушкам клёнов и тополей. Хотелось домой – в тепло и уют. Здесь же безобразным стал казаться даже цветной надувной шарик, прицепленный к потолку.

Оказалось, что Ванна, не смотря на «светлость своей магии», легко вызвала поток негатива в человеке. И, похоже, ей это нравилось. Щеки её пылали румянцем, глаза сверкали. Выражение лица, вздыбившиеся редкие волосы, дрожащий от возбуждения голос – всё говорило о том, что процесс идёт в нужную сторону.

Обнаружив такие мысли в своей голове, Варвара, не долго думая, сказала:

- Уважаемая, Ванна! Неужели вы считаете, что знаете русский язык лучше меня? В школе я была отличницей. А у вас какая оценка в аттестате по этому предмету?

- Не помню. Кажется, четвёрка.

- Тогда кто кого учить должен? Давайте разберёмся. Или, может быть, вы уже вступили в Союз писателей? – применила она запрещённый ход. И это сработало.

- Пока нет. Ладно, - примирительно воскликнула Ванна, - мы просто устали. Пойдёмте пить кофе.

Мысленно Ванна уже накладывала «магическую» информацию на чашку кофе. Эта программа должна была «помочь» Варваре стать «лучше». Та долго отказывалась, потом нехотя выпила кофе. И засобиравшись домой.

2.

Варвара вышла из подъезда девятиэтажного дома, где жила Ванна. Смеркалось, шёл снег. Под ногами блестели лужи, схваченные первым ноябрьским ледком. Спускаясь под гору, Варвара поскользнулась - почудилось, что кто-то толкнул сзади. Не успев ничего понять, она вдруг оказалась в ледяной луже. Спина куртки, левый бок и рукав – всё промокло. Шапка, упавшая в лужу – тоже.

Она кое-как поднялась, сняла и встряхнула куртку, чтобы удалить хоть часть воды. Но напрасно. В ледяной мокрой куртке и такой же шапке под зябким снегопадом ей пришлось добираться домой.

Не надо быть провидцем, чтобы понять, что было дальше. Больница, высокая температура, воспаление лёгких. На эту картину наложилась ещё одна хроническая болячка. Нужна была операция.

Я, не предполагая ничего подобного, узнала об этой истории только спустя месяц. На очередном занятии ЛИТО на меня накинута гениальная поэтесса Мата Хари, которая периодически покидала «Апокриф», чтобы сеять доброе, светлое, вечное и в ЛИТО.

-Вы плохо относитесь к близким, - заявила она.

-К кому, например?

-К Варваре Бабкиной, да и ко мне тоже.

-А что Варвара?

-Она в плохом состоянии, можно сказать, в трагическом положении.

И Мата Хари поведала мне эту леденящую душу историю.

-Это всё ваша Ванна Розина со своей чертовщиной. Это она загнала Варвару в лужу, а вы не помешали этому, - заключила свою бурную речь Мата Хари.

-Что ж, возможно, - сказала я и задумалась.

Теперь картина событий рисовалась несколько иначе. Становилось ясно, что мои первые подозрения не справедливы. Тина Антеева, похоже, тут ни при чём. Или имеет отношение к происходящему только частично. А мне просто необходимо обратить самое пристальное внимание на магистра белой магии. Что-то здесь явно не так. Что-то слишком помощь её похожа на вредоносное действие.

В последствии меня уже не удивила реакция общества на книгу Варвары Бабкиной. Картина до мельчайших деталей воспроизводила ту же самую вакханалию - бунт непризнанных гениев. Забастовка гениальных городских поэтесс-пенсионерок. Восстание против злого редактора, разомкнувшего тесные ряды одинаково гениальных поэтов. Увесистые каменя в название книги, размер тиража и в редколлегию. А ещё – в качество бумаги, рисунок на обложке, расположение текста, выходные данные книги и её название. Не устраивало всё и всех.

Снова злой редактор преподнёс гениальному автору не праздник, а испортил тот самый «кайф», который... В общем, бунт гениев становился доброй традицией. И мне это нравилось.

Однако оставался невыясненным один вопрос – сама Ванна Розина придумала этот

сценарий или кто-то помог ей? Если сама, то резонно спросить - зачем? Чтобы загубить на корню дело, начатое мной? Ну, это как-то примитивно и пошло. Хотя, уровень мышления как раз тот. Я уже не однажды слышала собственными ушами, как Ванна уверенно заявляла: «Операция Варваре не поможет». Это звучало, как алгоритм.

Резонно было предположить, что человек, навязывающий негативные алгоритмы, способен ... на многое. Так скажем.

Для успокоения читателей, надо сказать, что Варвара, не смотря на мрачные прогнозы Ванны, выздоровела.

Но всё-таки, всё-таки – чувствовалось, что Ванна не единственный режиссёр в этом спектакле. И даже, вообще, не режиссёр. Но кто стоит за её спиной? Чтобы понять это, требовалось повторить опыт. Всего лишь повторить опыт. Да, да – повторить. И всё! И я его повторила.

Глава 6. Поиск режиссёра.

Избранником для издания следующей книги стал талантливый молодой бард и поэт Елисей. Как только мной была названа фамилия нового автора, Ванна Розина немедленно пригласила его к себе домой. Очень быстро набрала тексты стихотворений на компьютере. Молодой талант

отличался образованностью и умом. Стихи его не укладывались в рамки традиции. Интеллектуализм с примесью модернизма, импрессионизм с философским уклоном – всё, что угодно, но не традиционализм.

Я, внимательно наблюдая за Ванной, отметила странный хищный блеск в её глазах. И румянец на ланитах. И каменно-сытое выражение лица. Она явно была чем-то довольна. Но чем?

Это стало понятно сразу же после выхода книги молодого барда. Гром грянул со стороны нашей писательской организации. Хотя... организация, пожалуй, тут была ни при чём.

Ванна Розина пригласила меня на чашку кофе. Во время беседы как бы невзначай сообщила, что в столице края недовольны книгой Елисея. На мой резонный вопрос: «Откуда это известно?», Ванна поведала мне о своей давней дружбе с поэтессой краевого масштаба. Вот эта дама, по словам Ванны, оказывается, и была возмущена стихами даровитого поэта и собиралась организовать компанию побивания книги на краевом уровне.

-А понимает ли краевой гений, что это иное, отличное от традиции, литературное направление? – спросила я, - И что судить нужно не автора, а его произведения, причем в рамках того направления, которое он выбрал?

-Ты что, сомневаешься в компетентности моей подруги? – многозначительно улыбнулась Ванна.

-Такой подход есть ни что иное, как провинциализм. Это ещё хуже соцреализма. Ну, возьмёшь толковый словарь и считаешь, что такое провинциализм, - пояснила я, увидев завесу непонимания в глазах Ванны.

-Всё равно *там* все плюются, читая эту книгу, - с нажимом произнесла она.

-Если они *там* чего-то не понимают, или кому-то не хватает кругозора, то это *их* проблемы.

-А, может быть, это твои проблемы, как редактора? – заявила Ванна. Это уже было близко к теме моего исследования.

-Не думаю. У редактора поле зрения должно быть широким.

-А я согласна с моей подругой.

-Но мне-то, какое дело, с кем ты согласна? Мы все не без греха. Вот куда смотреть нужно. Вот где пригодилась бы критика.

-Мы сейчас говорим о книге Елисея.

-И что? Книга заметная, оригинальная. Автор явно талантлив.

- А вот *там* так не считают.

- А ты *кто*, чтобы *говорить от их имени*? Меня больше эти сплетни не интересуют.

- Это не сплетни. Так считает и Мокий Иванович.

Вот. Наконец, это прозвучало! И кое-что стало проясняться.

Тут надо рассказать читателю, кто такой Мокий Иванович.

Глава 7. Мальчик Мока.

Мальчик Мока родился где-то в далёкой европейской части СССР. С детства восхищался он могущественными воинами в кожанках. Ещё в школе решил – служить. Да и мама советовала – всегда сыт будешь. А мама, она знала, что говорила. Так что Мока тренировал глаз с детства. Где что не так, всё примечал, запоминал, докладывал старшим. Постепенно это стало его второй натурой. Или первой?

После института он попросился в так называемую Школу. По окончании сего заведения предоставились Моке два пути: один – за бугор, другой – в литературу. Размышлять не пришлось. Писать «портреты» братьев-литераторов значительно приятнее, чем рисковать жизнью где-то за кордоном. Сообразительный мальчик выбрал литературу. С этого и начался его *«творческий путь»*.

В Тьмутараканске все знали, кто такой Мока – *писатель №1*. Все знали, что на Моку работает несколько шестёрок – литераторов-любителей. Вот я и попала на одну из них. Теперь мне стало понятно, почему с такой готовностью Ванна

кинулась помогать мне. Задание получила. Они с Мокой хотели моими руками, моими усилиями и моими же деньгами восстановить утраченные издательские позиции. Далее же планировался отъём проекта у автора и передача его новому редактору, т.е. Ванне. Она должна была заменить безвременно перестаравшегося Дерипьянченко.

Отнять же печатный орган можно, лишь показав неспособность его хозяина к редакторской или финансовой работе. Вопрос о финансах не стоял на повестке дня, оставалось одно – восстановить литературное сообщество против автора и редактора проекта. То есть, против меня.

Вот этим-то и занимались дружно мальчик Мока семидесяти лет и гениальная городская поэтесса Ванна шестидесяти лет. Как это ни смешно при теперешнем разгуле демократии, они играли в игры печально знаменитого в истории года. А по правилам этой замечательной игры во главе любого печатного органа должна стоять марионетка. Всякие там свободные художники обязаны сидеть по домам, в лучшем случае, и помалкивать. В худшем случае, для каждого свободного художника найдётся место и потемнее.

-Здесь вам не Москва и не Питер, господа! – было написано на квадратном лице Ванны.

Но лозунг явно принадлежал перу мальчика Моки. Он всю жизнь «трудился» под хрустальный звон этой сакраментальной фразы. И

на его счету было много «успехов». Не один ретивый автор укрощён: кого-то вдруг жестоко побили на тёмной улице отморозки, кто-то заболел странным образом, кто-то просто ушёл в подполье. Процесс был освоен давно – целую жизнь назад.

Кто-то может не поверить, что наши доблестные воины и сейчас занимаются вот этой бессмысленной шелухой. Но чтобы это увидеть, нужно всего лишь начать делать что-то общественно значимое. Хотя это громко сказано. Достаточно всего лишь начать шевелиться, и вы сразу всё поймёте. Вернее, занималась этим не организация, а выходцы из неё – пенсионеры, которые просто и в мыслях не держали других способов существования. Они хотели оставаться хозяевами жизни, не смотря на старческий маразм и прочие неудобства типа нагрывшей демократии.

Мне интересно было выяснить, что будет делать мальчик Мока, если я нагло продолжу своё занятие. Не смотря на «рекомендации» этого крутого пенсионера. Интересно было. Как хотите, но интересно. Интересно, и всё!

Глава 8. И вновь эксперимент.

Следующим персонажем драмы я избрала замечательный объект. Я решила издать книгу не кому-то там из любителей, а молодой даме, принятой в Союз писателей на литературном совещании молодых. Причём макет и художественное оформление книги я передала в руки автору. Вот интересно, что запоёт этот тандем «Мока-Ванна» на этот раз. Книга будет оформлена автором. Содержание её, как будто, вне сомнений. Предмета для возмущения просто нет. Ну, разве что те мизерные средства, которые я предполагала вложить в издание.

Пока книга готовилась к выпуску, дуэт мальчика Моки с Ванной сочинил новую легенду. *Легенда гласила о том, что я не имею никакого отношения к этой книге. Да и не могла иметь, потому что, оказывается, не живу в Тьмутараканске. Имелись в виду мои поездки к родителям, а значит, временное отсутствие в городе. И всё это не смотря на то, что чёрным по белому в книге значился издатель и редактор.*

Гениально и просто. Игра без правил. Придумывается всё, что взбредёт в голову, а потом этот бред тиражируется в народные массы. Профессиональное достижение мальчика Моки.

Молодая писательница моментально вошла в роль и исполнила её в трактовке Моки Ивановича. Она гордо заявляла: « Я сделала макет». Хотя макет был изготовлен её друзьями -

компьютерщиками. «Я издала книгу». Хотя издателем и редактором был другой человек.

Мальчик Мока и гениальная Ванна не забыли пристегнуть к процессу и *мнение края*. Согласно этому «мнению» в народные массы толкали другую идею.

-Да, книга неплохо сделана, - говорила Ванна и продолжала с пафосом, - но это же самиздат!

Эта литературная дама никогда не заглядывала в Закон. Есть такой Закон о средствах массовой информации. Что имелось в виду под определением «самиздат», она и сама не знала. Зато знала – если часто повторять одно и то же, люди подхватывают фразу. И потом уже никого не будет интересовать значение слова. Было бы оно сказано! Гениально и просто.

Мне показали - требуется только одно – смириться с неизбежностью и отойти в сторону. Отойти и смириться. Смириться. И всё!

Глава 9. Эксперимент в квадрате.

Но я решила продолжить эксперимент. Мне было интересно узнать, *что* придумают Мока и Ванна, если я прибегну к защите своих авторских прав. Я решила запатентовать свой проект. В этой области у меня имелся большой опыт – не даром же я отработала много лет в НИИ, где научилась

оформлять патенты на каждое своё изобретение. Правда, то были технические новинки. Но ведь гуманитарные идеи ничем не отличаются от научных. И я это проделала. Написала и отправила в патентную экспертизу заявку, а формулу патента показала Ванне. По её кислому выражению лица было ясно, что я попала в точку.

Даже эта дама, при всей её темноте, понимала, что если автор обозначен, то отбирать у него проект уже не имеет смысла. Это чревато. Автор может обратиться в суд. Обнародование же тайных устремлений не входило в планы замечательного тандема. Его деятельность при таком раскладе переставала быть профессиональной – то есть закулисной.

Самым интересным было то, *что* должно последовать за этим. Ведь, когда не удавалось загнать неудобного деятеля в добровольное заточение, пенсионеры-воины Тьмутараканска поступали сурово и справедливо.

Такого непокорного подвергали остракизму во всех областях – могли оклеветать, сочинив самую грязную сплетню, нечаянно сделать больным, загнать на какую-нибудь операцию в больницу, выставить полным идиотом, объявить психобольным. Примеров тому хватало. Уже не один литератор прочувствовал это с лёгкой руки «белых магистров».

Нет, конечно, пластилиновые мальчики-пенсионеры всего лишь пытались помочь, лечили этих строптивцев от безнадёжных заблуждений. Помогали им стать людьми. И ничего странного не было в том, что все эти вольнодумцы оказались в разных печальных местах.

Что же наши доблестные пенсионеры готовили мне?

На мне опробовали всё!

1.Клевету.

Меня выставили мужененавистницей с подозрением на розовый окрас. Ну, да, ведь я жила одна, похоронив мужа и сына. И не собиралась взваливать на свои плечи заботу о каком-нибудь существе мужского пола.

Когда утихла эта волна, запущена была другая – о скандальном характере. Здесь очень старалась мадам Мидия – ещё одна гениальная поэтесса семидесяти лет отроду. Бывший сотрудник органов, она и сейчас работала профессиональным провокатором. Постоянно провоцировала споры и при этом маленьким острым глазом поглядывала на свидетелей, проверяя эффективность своей тактики. Она очень старалась, видимо неплохо зарабатывая на своей исполнительности.

Затем – третья волна клеветы: о моей склонности к мальчикам. А иначе, зачем я издаю

им книги? Не важно, что мальчиков насчитывалось всего двое. Да и возраст у них был далеко не юный. Да и предмет моего интереса как всегда были всего лишь стихи. Эта карта очень скоро перестала быть козырной. Слишком надуманным был предмет сплетни.

2. После этого Ванна пыталась внушить мне мысль о заболевании сердца и необходимости лечиться. Якобы она получила магическую информацию об этом. Потом – о заболевании желудка. Потом – о нарушениях психики (это после гибели моего сына). Она настойчиво пропагандировала мне сектанта Григория-воскресителя, Иисуса Христа во втором пришествии, который за тридцать серебряников обещал матерям воскресить погибших детей. Так Ванна надеялась продемонстрировать моё тяжёлое состояние. Ванна просто не знала, что у меня давно уже имеется информация об этом жулике.

3. Всё это срабатывало плохо, и из меня стали делать дуру. Доказательством тому выступялась моя издательская работа. Конечно, раз я трачу собственные деньги на других людей, значит я дура. Умные так не поступают. Эта логика мещан могла создать нужный эффект.

4. Но я-то продолжала мою игру, поэтому оставалось только ждать чего-нибудь вроде организованной травли, т.н. поносной

литературной критики. Или шантажа. Так и случилось.

Однажды в морозный ясный день перед Новым Годом, когда изморозь падала с небес, а мир казался волшебной сказкой, вдруг напросился ко мне в гости семидесятилетний мальчик Мока. Меня это не удивило. Я ожидала чего-то подобного. Этот рассказ в рассказе я назову:

Глава 10. Сватовство майора.

Мока явился в знаменитой кожанке, под которой обнаружился новенький стильный костюм благородного серого цвета. Его лживо-приветливое личико освещала кривая улыбка. В кошёлке он принёс несколько помятых пирожных и конфеты.

-Да, видимо, приспичило, если ты так потратился. При твоей-то скаредности! – подумала я. – Вряд ли это - казённый харч для проведения операции.

Я пригласила его за стол, включила чайник. Разложила сладкие дары на блюдца. Заварила и разлила по чашкам любимый мною высокогорный индийский чай «Принцесса Нури».

-Ну, во-первых, поздравляю тебя с наступающим Новым Годом! – сказал Мока, мило

осклабься. – Во-вторых, я пришёл предложить тебе руку и сердце.

-Премиленькое начало, - подумала я, а вслух сказала: «Я, конечно, польщена, но это как-то неожиданно. Мне необходимо подумать».

Далее последовал спич именно в том духе, что и ожидалось.

-Да, это понятно. Думай, - заявил Мока, потирая руки, словно муха перед обедом. - Но не годится женщине жить одной. Ведь всякое может случиться. Ты знаешь, что жулики специально ищут одиноких. Могут подослать мужика. Таких случаев много. Подсыплет что-нибудь в пищу. Унесут на кладбище, и до свиданья! Или болезнь какая-нибудь привяжется. Можно волос лишиться. Да мало ли что. Могут заболеть твои родители, так что тебе придётся уехать на жительство в деревню. Короче, за одинокими идёт охота. Из-за квартир, в основном.

-Да-да-да! – согласилась я, а про себя подумала: «Ну, вот ты себя и подослал. Шантаж - так и есть».

Мока, исчерпав весь арсенал закамуфлированных угроз, принялся пить чай. Я тоже выпила чашку.

-Ты можешь прямо сейчас перебраться ко мне, если захочешь, - сообщил Мока, щедро улыбаясь.

-Нет, я, конечно, никуда и ни к кому не пойду, но подумаю. Поговорим позднее, - ответила я, пока не понимая причин такой спешки.

-Ты знаешь, с Нового Года очень сильно поднимаются коммунальные тарифы. А у меня – лишняя площадь. Если бы ты прописалась ко мне, мы могли бы сдавать твою квартиру внаём.

-Вот это уже ближе к теме, - подумала я.

-Нет, такие дела так скоро не делаются, - более решительно отказалась я от сомнительного предложения.

-Ты не будешь ничего делать по хозяйству. Я всё умею сам. Будешь писать, заниматься своими делами, - почти пел Мока.

-Да я и сейчас этим занимаюсь. И по хозяйству ничего не делаю. Много ли мне надо одной.

-Жаль. Придётся мне прописать кого-то из знакомых.

-Почему бы и нет, если есть желающие?

-Н-ну, да, - сказал Мока, и морщины на его крысьем лице сложились в некую пустую фигуру.

Видимо, он предполагал, что я буду на седьмом небе от счастья – себя он ценил по высшей мерке: бравый воин, видный и красивый мужчина, отнюдь не бедный, талантливый поэт и прочее, и прочее. А тут... никакой радости не наблюдалось. Видно было, что предложение руки и сердца он считал беспроектным козырем в

этой игре. А что? Бабы - дуры, как известно. Если бы я перебралась к нему, то оказалась бы в его полной власти. Любой сценарий из вышеназванных был бы мне гарантирован.

-Ну, что ж, ты думай. А я сейчас вынужден откланяться – бежать надо по делам.

-Да-да-да, - обрадовалась я. Мне уже до чёртиков надоел этот плешивый пенсионер с его предложениями, пирожными и задними мыслями.

Проводив непрошенного гостя, я с облегчением вздохнула. Хотя прекрасно понимала – арсенал спецсредств ещё не исчерпан. Этот тошнотный тип ещё вернётся. А ещё припомнилось мне, как недавно в трамвае «клеился» ко мне такой откормленный боровок с казённой рожей. Притворялся, что навеселе, но был абсолютно трезв. В гости напрашивался.

Вот теперь мне стало абсолютно понятно, почему сильные писатели, которые были - таки в городе, молча сидели по своим углам, никуда не высовываясь. А главное, позволяли бездарному плешивому старикашке считаться писателем №1. Хотя, конечно, все произносили Мокино звание с ударением на первом слоге.

Где-то, может быть, время докатилось и до 2009 года. Но здесь, в славном городе Тьмутараканске, в полном расцвете гудел, как тухлый бомбардировщик, всё тот же год - тридцать седьмой!

Но, не смотря на это, я продолжила свою игру. Я знала, что делаю нечто творческое и созидательное. Знала, что дело моё правое, но знала также, что оно может и не победить. Скорее всего, так и будет. На каком-то этапе придётся отступить. Но мне хотелось увидеть всё богатство безнравственности этих воинов - пенсионеров. Хотя я и так поняла – они могут всё, так же, как их предшественники. Им не страшна никакая демократия. Они действуют по призванию. Всё – и образ их мыслей, и удовольствие от издевательств над строптивыми поэтами, и агрессивность, помноженная на хитрость, - всё было приспособлено именно для исполнения одной функции – давить, не пущать, отнимать. И это их единственный талант, расставаться с которым они не собирались. А здесь ко всему прочему примешивалось нескрываемое желание использовать мою квартиру, а лучше присвоить её.

Но понять – это одно, а увидеть – совсем другое. Увидеть – значит подтвердить то, что понял. Поэтому надо увидеть. Это противно и опасно, я знаю. Но ради истории великой литературы Тьмутараканска...

Глава 11. Работа без посредников.

Следующим автором для издания очередной книги я избрала нестандартного и талантливое Вивата Солнцева. Но даже встретиться с ним не успела, как рукопись его стихов оказалась уже у Ванны. Она явно желала повторить ранее разыгранный сценарий. Но теперь – по отношению к Вивату. Сделать это было проще простого. Стихи молодого поэта являли собой весьма сложные для обывательского восприятия философские творения. Это были сочинения для элитарного круга. Нет ничего проще, настроить толпу против издателя таких стихов. Тем более что местные гении, априори и всегда, настроены против любого настоящего таланта.

Вот здесь как раз и пряталась интрига – я хотела проверить реакцию людей на такую сложную книгу в случае, когда они не обработаны иезуитской пропагандой Ванны и её подручных. Эту книгу я должна была издать без участия доблестных контролёров-пенсионеров и раздать её участникам городского семинара молодых писателей. Это событие как раз могло совпасть по времени с выходом книги Вивата Солнцева.

Я намеренно не стала хитрить, а просто пришла к Ванне домой и сказала, чтобы рукопись она вернула автору, так как работать я буду лично с ним – без всяких посредников. Ванна ничуть не удивилась, но стала настойчиво приглашать меня

выпить чашку кофе. Я отказалась без всяких объяснений.

А книга Вивата Солнцева, не замутнённая пропагандой Ванны, понравилась всем молодым семинаристам. И это была Истина. Хитроумные измышления пенсионеров- службистов на этот раз не сработали.

-Ну, что там ещё осталось из стандартного набора доблестных информаторов? – спросит любопытный читатель. – Попытки затолкать меня в больницу? Было и это. Но, Слава Богу, что времена, всё-таки, изменились. Сделать это стало не так-то просто. Поэтому на полную катушку оставалось использовать поносную критику?

Скажу честно – вы угадали. Дальше последовало именно это. Со мной поступили, как и в предыдущем случае, гениально и просто. Мне показали - требуется только одно: смириться с неизбежностью и отойти в сторону. Отойти и смириться. Смириться. И всё!

Глава 12. Великий критик Остап.

Но я не смирилась. И тем более не отошла в сторону. На этот раз принялись уже за мою книгу. Но делалось это, как и полагается, закулисно. В писательскую организацию, в редакции краевых журналов, в газеты пошёл поток анонимных поносных писем в адрес моих книг, ну, и меня не

забывали поливать при этом. Конечно же, Мальчик Мока принимал в этой травле самое активное участие. Его почерк в этом мероприятии был легко узнаваем. Но он являлся заказчиком.

Исполнителем же этого циркового номера стал бывший газетчик, который из тщеславия всё-таки подписывал свои «поносные» подмётные письма давно забытым псевдонимом. Однако, люди, работавшие в городской газете, вспомнили этого персонажа и позвонили мне. Так я и узнала имя великого тьмутараканского «критика».

Для исторической достоверности приведу в моём повествовании один из этих пасквилей. Судите сами, что это такое. Великий критик не поленился облаять чуть ли не каждую строчку моей повести. Так и видишь, как после лая он ещё роет землю задними лапами, далеко отбрасывая ошмётки грязи. Воспроизводить полностью этот опус нет смысла – слишком однообразно и неизобретательно это сделано. Вот самая характерная часть этого анонимного сочинения:

«Красочные ткани обвивают стройные ноги, то, сливаясь в одно целое, то, распадаясь на летучие лоскуты. Шехерезада, танцуя, удерживает руки на уровне гибкой талии, не давая им спуститься туда, где бьёт вечным ключом источник сладкой муки. Лейтенант, не отрывая глаз, следит за плавными движениями точёных рук и тонких бёдер» - это цитата из

моего текста. А вот комментарий «критика»: В **литературном выражении (!?)** бёдра могут узкими и широкими. Это – первое. Второе – если у девушки тонкие бёдра, то вы талию у неё не найдёте. Автор женщина и такие вещи должна знать. (*Не правда ли, ещё более глубокомысленное замечание? Особенно, что женщина должна знать про талию. Но критик-то мужчина и должен знать ещё лучше, что талия всегда есть. Кроме, разумеется, таких фигур, которые можно охарактеризовать как 130x130x130. Курсив мой.*)

И вот так – на шести листах формата А4. И это не единственный шедевр его критики. Писем было несколько. Просто Белинский какой-то! Интересно, сколько он заработал на этом задании? Хотя... Заработал, наверное, мальчик Мока, а послушный критик скорее всего получил лишь большое моральное удовлетворение.

Но по благоприятному стечению обстоятельств за одну из повестей как раз в это время мне была присуждена литературная премия. И критик на время замолк. Но, вероятно, не навсегда. (P. S. Я оказалась права - через некоторое время он вновь объявился с новой порцией своих критических «шедевров»).

А я тем временем решила избавиться от «помощи» в своих делах белого мага - Ванны Розины. Для этого нужно было закрыть

зарегистрированное мною же юридическое лицо и сменить состав редколлегии при издании книг молодым талантам. Моя игра продолжалась. Какие бездны изобретательности продемонстрируют при этом воинствующие пенсионеры – можно было только догадываться.

Ах, простым бы людям, которые всю жизнь зарабатывают на хлеб тяжёлым трудом, которые создают какие-то настоящие ценности, вот им бы такие заботы! Жизнь показалась бы сладким сном. Но... каждому - своё! Труженикам – труд, сотрудникам – азартные игры. Игрок же остановиться не в силах. Игрок - и на пенсии игрок. Но им, этим игрокам чужими судьбами и в голову не приходило, что они присвоили себе то, что положено только Творцу. А это – самый большой из всех грехов человеческих. О расплате они не думали. Они собирались всю жизнь питаться паюсной икрой и пирожными. И надеялись, что синекура никогда не кончится. Возможно, у них были для этого самые весомые причины. Иуда вечен так же, как Иисус. Хотя... Какие они Иуды. Скорее, стая обезьян, гонящихся за чужим бананом.

Глава 13. Возвращение на круги своя.

С удовольствием сообщаю читателям, что мне удалось закрыть порождённое мною

юридическое лицо. Так на четвёртом году существования моего издательского проекта всё вернулось на круги своя. Но, вернувшись в исходную позицию, я стала уже другой. Теперь я отлично знала, *что такое* литературная среда Тьмутараканска. Я понимала теперь, с кем имею дело. Как же далеки от истины были мои прежние представления о литературе и её творцах в любимом городе!

Но эта трансформация литературного поля, усыпанного сплошь цветами, в образ великой тьмутараканской литературы, похожей на обезьянье царство, не погрузила меня в состояние печали. Наоборот. Я поняла, что прозрела.

Мой город пуст.
В нём нет живых людей,
лишь роботы
с бесовским наважденьем
в пустых громадах
дьявольских идей
копаются
с холодным наслажденьем.

Здесь нет людей.
И всяк в миру – один.
Пусть я слепа,
но вовсе не в обиде.
Сейчас какой-то странный господин

сказал: «Я – Свет!
И ты меня увидишь!»

Прозрела я в какой-то миг один.
Здесь нет людей,
но Свет – такое Чудо!
Он - миру Свет, летящий ниоткуда,
тот самый
очень странный господин!

Действительно, в тот момент меня посетило нешуточное желание – уйти в монастырь. Но, к сожалению или к счастью, я уже знала, что и там Богу нет места. Мелочная суэта не оставляет людей и в божьей обители – борьба продолжается и за её каменными стенами.

Поэтому я обратила свои стопы к людям, которые казались мне в какой-то степени интеллигентами. Один из них был поэтом, а другой - похожим на его Ученика. Я, конечно, задумалась, имея в виду мой предыдущий опыт – а не очередная ли иллюзия эти два человека? Но... Волков бояться – в лес не ходить. И я приняла их предложение открыть новый литературный альманах в Тьмутараканске и издавать его всё тем же, удобным штучным тиражом.

Глава 14. Альманах «Пламя»

И вот весной мы начали выпуск нового альманаха «Пламя». А возгорелось сие пламя из заманчивого предложения одного вечного студента – того самого Ученика поэта. В свои сорок лет он тщился стать учёным филологом. И не смотря на приличное брюшко и брюзгливый нрав, слыл почти отличником. Как он умудрялся делать это между регулярными запоями (и кое-чем похуже), когда обмирал почти до смертного состояния от излишков алкоголя, одному Богу известно.

Правда, как потом выяснилось, не только Богу. Помогала ему служба. Всё та же сакраментальная служба. Работал он на того же мальчика Моку, что и другие «шестёрки». Но я, пока не зная этого, решила сотрудничать с ним и его патроном поэтом.

Началось всё, как и полагается, с первого номера альманаха. Не обойдя никого званиями, я каждому присвоила громкую должность. Поэт стал главным редактором. Ученик – руководителем отдела поэзии. Я – руководителем проекта. Вот так - в надежде на радужные перспективы (ожидая внимания со стороны чиновников от культуры) – мы выпустили первую книжку альманаха «Пламя». Все были довольны – и авторы, чьи нетленные произведения сияли со страниц литературного альманаха, и его создатели.

Осталось даже незамеченным то обстоятельство, что когда пришла пора верстать альманах, Ученик вдруг впал в своё привычное состояние - то есть в запой. И ожидаемой помощи в создании номера от него, как-то так, не последовало.

Потом – на волне энтузиазма – были собраны материалы и на второй номер. Казалось, ничто не предвещало никаких катаклизмов. Но тут... вступила в действие тяжёлая артиллерия мальчика Моки. Вдруг оказалось, что поэту пришла пора отправиться на переподготовку в ряды нашей доблестной армии. На два месяца. А когда он вернулся из рядов командного состава в родной дом, там его уже ожидали большие долги – нужно было платить за «коммуналку». Поэту стало не до литературных забав.

Я тем временем уже выпустила и второй номер альманаха, и подготовила к публикации – третий. Ученик умудрялся иногда притаскивать какие-то материалы для альманаха, практически не выходя из алкогольной «комы».

Когда вышел в свет третий номер, Ученик очнулся от запойного бреда и впал в бред постзапойный. Потребовал усиления своей роли в выпуске альманаха, грозя отходом от дел. Он долго и нудно хамил по телефону. Мне это надоело, я разрешила ему именно то, что он требовал. Предложила ему выпустить четвёртый

номер альманаха самостоятельно – от начала до конца. Реакция его была более чем странной. Он долго сопел в трубку, потом сказал с проблесками самокритики:

-Я понимаю Вашу иронию. Вы прекрасно знаете, что у меня это не получится.

И мне ничего не оставалось другого, как согласиться с отходом от литературных дел этого ценного сотрудника. Тут уже картина стала проясняться окончательно. Я поняла, что мальчик Мока не дремлет. Недрёманное око этого специалиста, и на сей раз, его не подвело. А мне в очередной раз повесили «кирпич» над проезжей частью. Видимый фасад интеллигентности, вернее, её остатков, рассеялся у нового соратника, как дым. К тому же вскоре выяснилось, что великим критиком как раз и являлся он - не выходящий из алкогольной комы Ученик – студент.

На моё счастье в это время писательская организация раскололась на две части. И я ушла туда, где не маячил силуэт пенсионера, играющего в игры незабвенного «тридцать седьмого». На моё счастье я оказалась в немногочисленной группе писателей, которые предпочитали оставаться людьми, несмотря на выверты «демократии». Что меня радовало и радует до сих пор.

ЭПИЛОГ

История великой тьмутараканской литературы – это безбожие, возведённое в степень. Безбожие, которое никак не ощущается участниками процесса. Ибо ответ гениальности застит глаза каждому, и каждый видит и чувствует только себя. Думает только о себе.

Доказательством собственной гениальности участники процесса считают реакцию публики, типа тёти Маши, или свои успехи в «поедании ближнего», ибо других доказательств найти не представляется возможным.

На самом же деле ни один гений в Тьмутараканске пока не родился. Ни в прошлом, ни сейчас. Будем надеяться, что это случится в будущем.

XXX

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Рассказы:

Золотая ящерица.....	4
Идеальная супруга.....	14
Та, которой нет.....	20
Когда случится жизнь.....	24
Василиск.....	28
А в остальном.....	38
Любовь - страшная сила.....	40
Картина, написанная ржавчиной.....	41
Свободные граждане.....	42
Город крыш.....	43
Теорема Потока.....	44
Мир творится мыслью.....	46
Двенадцать жизней девочки Лю.....	49

Повести:

Ad absurdum.....	58
Обезьянье царство.....	177-222

Козлова Людмила Максимовна
Ad absurdum
Рассказы, повести
Редактор и рецензент Николаев Н.М.

ISBN 978-5-903-042-66-1
Издательский Дом “Бия”
г. Бийск, пер. Муромцевский, 2

Сдано в набор 01.10. 2011.
Подписано в печать 02.10..2011.
Формат 70x90/32. Усл.печ.л. 7,1. Заказ 04/11